ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Дэвид Ирвинг

РАЗРУШЕНИЕ ДРЕЗДЕНА

САМАЯ КРУПНОМАСШТАБНАЯ БОМБАРДИРОВКА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1944—1945

Annotation

Британский военный историк Дэвид Ирвинг составил наиболее полную и объективную картину разрушения Дрездена — самой крупномасштабной бомбардировки Второй мировой войны. Автор потратил три года на изучение документов правительственных архивов, собрал подробные статистические данные о составе сил ударной авиации, свидетельства уцелевших жителей Дрездена, британских и американских летчиков. Эта книга представляет собой ценный вклад в историю военно-воздушных операций Второй мировой войны.

- Дэвид Ирвинг
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ОТ АВТОРА
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
  - Часть третья
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Часть четвертая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5

    - Часть пятая
        - Глава 1
        - Глава 2
    - ПРИЛОЖЕНИЯ
        - ПРИЛОЖЕНИЕ 1
        - ПРИЛОЖЕНИЕ 2
        - ПРИЛОЖЕНИЕ 3
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Дэвид Ирвинг

РАЗРУШЕНИЕ ДРЕЗДЕНА

Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны

1944–1945 гг.

ВВЕДЕНИЕ

Я благодарен судьбе за представившуюся мне возможность написать введение к американскому изданию книги Дэвида Ирвинга «Разрушение Дрездена».

Вполне уместно, что я берусь за это, поскольку был первым командующим авиацией США в Европе в минувшей войне, а потом командовал 8-й воздушной армией в Англии с октября 1942 года по январь 1944 года, работая в тесном взаимодействии с высшими командующими Великобритании и США, которые организовывали и осуществляли авиарейды бомбардировщиков на германские объекты, в том числе на Дрезден. Я прекрасно помню директивы на выбор целей и установки на проведение бомбардировок.

Есть личная и особая причина того, почему я с удовольствием пользуюсь возможностью высказать свое мнение об этой книге. Господин Ирвинг пишет на странице 150 английского издания: «1 января 1945 года генерал Икер посоветовал ему (генералу Спаацу, главнокомандующему ВВС США в Европе) не посылать тяжелые бомбардировщики для атаки транспортных узлов в малых немецких городах, потому что это приведет к большим жертвам среди гражданского населения, и немцы могут увериться в том, что американцы — варвары, в чем их и обвиняет национал-социалистическая пропаганда». Затем приводится мое высказывание: «Нам никогда не следует допускать того, чтобы в истории мы остались виновными в том, что во время этой войны бросали стратегические бомбардировщики против людей на улицах городов».

Сегодня, почти двадцать лет спустя, читатель вполне может на основании этого отрывка сделать вывод о том, что мои вышестоящие военные руководители, в том числе генерал Маршалл, генерал Эйзенхауэр, генерал Арнольд и генерал Спаац, выступали за нанесение ударов с воздуха по мирному населению или что я выносил обвинение британской политике бомбардировок. Ни один из них не был бы обоснованным. Никто из американского высшего командования никогда не выступал апологетом авианалетов против гражданского населения в Европе.

Политика бомбардировок, как и все главные военные решения, была одобрена главами правительств союзников — президентом Рузвельтом, премьер-министром Черчиллем и маршалом Сталиным — по совету их начальников штабов.

Когда в 1942 году я впервые прибыл в Англию, чтобы принять командование нашими авиагруппами и организовать в тесном взаимодействии с британским командованием бомбардировочной авиации совместные наступательные действия военно-воздушных сил, все директивы от глав государств и начальников объединенного штаба шли через начальника штаба Королевских ВВС Великобритании маршала Портала. Было абсолютно ясно, и с этим соглашались все стороны, что британские ночные бомбардировки, которые были одобрены и осуществлялись, были соответственно дополнены бомбовыми ударами в дневное время по важным военным объектам противника, базам подводных лодок, авиационным и танковым заводам, а позднее по нефтяным заводам и средствам транспортировки нефти. Это решение было одобрено на конференции в Касабланке.

Совместные американо-британские бомбовые атаки заставили немцев в значительной мере укрепить свою противовоздушную оборону, чтобы она могла стоять на страже круглые сутки. Эта необходимость отрывала тысячи рабочих с военных заводов и значительно сокращала количество дивизий, которые немцы могли направить на Восточный фронт. Более полумиллиона немцев были денно и нощно заняты тем, что защищались от воздушных атак.

Наши «Летающие крепости» и «Либерейторы» были предназначены для дневных бомбардировок. Они летали сомкнутым строем для оказания взаимной поддержки, и бомбардиры находили цели и наносили удары по важным объектам, таким, как военные заводы. Однако в условиях непогоды цели часто становились плохо различимы. Позже был разработан радар, который использовали для распознавания целей через облачный покров. При этом способе никогда не достигалась такая же точность, как при бомбардировках по визуально определяемым целям, и понятно, почему немцы иногда обвиняли нас в неразборчивости при бомбардировках района.

Помимо того важные объекты противника зачастую располагались прямо в густонаселенных центрах или вблизи них, для всех было ясно, что многие мирные граждане будут убиты или

останутся без жилья, когда эти цели подвергнутся атаке. По этой причине мы, однако, никогда не оставляли в целости важной цели. Я никогда не считал во время войны и не считаю сейчас, что завод, выпускающий самолеты, бомбы, танки, подлодки или стрелковое оружие, должен быть пощажен, лишь бы не подвергать опасности гражданское население на вражеской территории. Особенно это касалось гражданских лиц, работающих на заводах по выпуску вооружений, которое затем применялось против наших доблестных солдат, моряков и летчиков. Квалифицированный рабочий на немецком военном заводе вносил свой вклад в причинение нам ущерба столь же явно, как и противник в военной форме.

Нашей задачей и нашим долгом было привести войну к успешному завершению как можно скорее. Враг мог быть разгромлен тогда, когда он потеряет волю к борьбе; наши бомбардировки были направлены на такое завершение.

Главы правительств союзников, их начальники штабов и высшие фронтовые командиры не были злодеями или варварами, которые получают удовольствие, забирая человеческие жизни. Я хорошо знал этих людей. Меня восхищали их обычаи, и я их уважал, так же как их личностные качества и абсолютную преданность выполнению своего воинского долга, своей стране и своему народу.

Мне трудно понять англичан или американцев, которые оплакивают убитых граждан из стран противника, но которые и слезы не пролили за наших доблестных летчиков, не вернувшихся из боя с жестоким врагом. Думаю, что господину Ирвингу не помешало бы вспомнить, когда он рисовал жуткую картину гибели мирных граждан в Дрездене, о том, что «Фау-1» и «Фау-2» в то же самое время падали на Англию, убивая без разбора ни в чем не повинных граждан — мужчин, женщин и детей. А они были сконструированы и запущены именно с этой целью. Неплохо бы также вспомнить Бухенвальд и Ковентри.

Я очень внимательно прочитал эту книгу Дэвида Ирвинга и обнаружил захватывающее подробное изложение самой смертоносной воздушной атаки минувшей войны. Эта книга представляет собой ценный вклад в историю военно-воздушных операций Второй мировой войны. Она будет чрезвычайно интересна нескольким тысячам летчикам, которые пилотировали наши бомбардировщики и

истребители в последней войне, и станет ценным историческим документом и справочником для всех библиотек во все времена.

В своей книге Ирвинг беспокоится по поводу того, было ли основание считать Дрезден целью военного значения. Довольно странно, что такого же рода рассуждения часто бытуют и сегодня. Наше высшее руководство военно-воздушных сил отстаивает стратегию «сил сдерживания». Все военные летчики, как правило, полагают, что наше оружие должно разрабатываться и производиться в количестве, достаточном для того, чтобы уничтожить военно-промышленный потенциал противника, а не его города. Тем не менее некоторые отстаивают точку зрения о том, что нам требуется лишь в достаточном количестве ядерное оружие для того, чтобы разрушить крупные административные центры. По странному совпадению те, кто сегодня активно осуждают бомбежки гражданских объектов в прошлую войну, оказываются толпой, которая ничтоже сумняшеся ратует за то, чтобы у нас на случай чрезвычайной ситуации в будущем было достаточно оружия лишь для того, чтобы разрушить города противника.

Огромным вкладом в книге Дэвида Ирвинга, по моему мнению, является предисловие к британскому изданию, написанное маршалом авиации сэром Робертом Сондби. По-моему, достойны похвалы его резонные выводы, вынесенные на суждение читателя, особенно следующий: «Будем же надеяться, что ужас, который выпал на долю Дрездена и Токио, Хиросимы и Гамбурга, донесет до сознания всей человеческой расы понимание никчемности, дикости и абсолютной бесполезности современной войны. Однако мы не должны совершить фатальной ошибки, полагая, что войны можно избежать односторонним разоружением, обращением к пацифизму или добиваясь недостижимого нейтралитета».

Я глубоко сожалею, что британские и американские бомбардировщики убили 135 тысяч человек в атаке на Дрезден, но помню, кто начал последнюю войну, и сожалею, даже еще больше, о 5 миллионах унесенных жизней союзников, приложивших все силы для полного и абсолютного уничтожения нацизма.

Айра К. Икер,
генерал-лейтенант ВВС США (в отставке)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда автор этой книги предложил мне написать к ней предисловие, моей первой реакцией было сомнение, ведь я был причастен ко всей этой истории. Но, несмотря на то, что я имел к этим событиям самое непосредственное отношение, я никоим образом не был ответствен за решение провести полномасштабную воздушную атаку Дрездена. Не был за него ответствен и мой главнокомандующий сэр Артур Харрис. Нашим делом было наилучшим образом выполнить приказ, а директива поступила из военно-воздушного министерства. Но в данном случае военно-воздушное министерство просто передавало указания, полученные от тех, кто отвечал за ведение войны на более высоком уровне.

Эта книга — впечатляющее произведение. В ней описана история в высшей степени драматичная и запутанная, поскольку она все еще несет в себе элемент загадки. Я пока не удовлетворен тем, насколько полно себе представляю, почему все это произошло. Автор проявил огромное трудолюбие и терпение, собрав все свидетельства, отделив факты от вымыслов и представив нам подробный отчет, пожалуй, настолько близкий к истине, насколько это вообще возможно.

Того, что бомбардировка Дрездена была огромной трагедией, никто не станет отрицать. В то, что она действительно была военной необходимостью, прочитав эту книгу, поверят немногие. Это было одним из тех ужасных событий, вызванных несчастливым стечением обстоятельств, которые иногда случаются во время войны. Те, кто дали добро на это предприятие, не были ни злобными, ни жестокими, хотя вполне вероятно, что они были слишком далеки от суровых реалий войны для того, чтобы полностью отдавать себе отчет в том, насколько ужасающей была мощь бомбардировок с воздуха в ту весну 1945 года.

Сторонники ядерного разоружения, кажется, полагают, что если они достигнут своей цели, то война станет выносимой и приемлемой. Им бы не помешало прочитать эту книгу и задуматься над судьбой, выпавшей на долю Дрездена, где погибли 135 тысяч человек в результате авианалета с использованием обычных видов оружия. В ночь с 9 на 10 марта 1945 года воздушная атака на Токио американских

тяжелых бомбардировщиков, с использованием зажигательных и фугасных бомб, привела к гибели 83 793 человек.

Сегодняшнее ядерное оружие, конечно, значительно мощнее, но было бы ошибкой полагать, что, если бы оно было упразднено, большие города не были бы превращены в пыль и пепел, а население избежало бы ужасных жертв от авианалетов с использованием обычного оружия. И если исчезнет боязнь ядерного возмездия, которое делает современную полномасштабную войну равнозначной взаимному уничтожению, то это может вновь сделать обращение к войне привлекательным для агрессора.

Не настолько уж то или иное средство ведения войны аморально или бесчеловечно. Аморальна сама война. Если уж полномасштабная война развязана, она никогда не станет гуманной или цивилизованной, и, если какая-либо сторона попытается сделать это, скорее всего, она потерпит поражение. До тех пор пока мы будет обращаться к войне, чтобы урегулировать противоречия между нациями, нам придется выносить ужас, бесчеловечность и произвол, который несет с собой война. Таков, по моему мнению, урок Дрездена.

Ядерная мощь, наконец, привела нас к горизонту конца полномасштабной войны. Сегодня она слишком жестока для того, чтобы быть практическим средством разрешения каких-либо разногласий. Никакая цель в войне, никакая потенциальная выгода, которую может принести война, не будет стоить ни гроша, если на другой чаше весов — ужасные разрушения и жертвы, которые понесут обе стороны.

Никогда не было ни малейшей надежды устранить войну соглашением о разоружении или соображениями морали и гуманности. Если война исчезнет, то это произойдет потому, что она станет настолько неимоверно разрушительной, что уже не сможет больше служить какой-либо сообразной цели.

Эта книга беспристрастно и честно повествует о глубоко трагичном эпизоде военного времени как о примере отсутствия в человеке гуманности. Будем же надеяться, что ужас Дрездена и Токио, Хиросимы и Гамбурга доведет до сознания всего человечества тщетность, дикость и абсолютную бесполезность современной войны.

Однако мы не должны делать роковой ошибки, полагая, что войны можно избежать односторонним разоружением, обращением к

пацифизму или стремясь к недостижимому нейтралитету. Именно баланс ядерных сил будет поддерживать мир до тех пор, пока человечество однажды образумится, что обязательно произойдет.

Маршал авиации сэр Роберт Сондби

ОТ АВТОРА

Прошло три года с тех пор, как я взялся собрать воедино все нити в истории атаки на Дрезден, чтобы распутать сложную паутину лжи и хитросплетений вражеской пропаганды военного времени вокруг истинной причины выбора цели. Я также решил детально проанализировать историческую значимость планов, касающихся бомбардировок, предпринятых в феврале 1945 года, в числе которых имели место три крупных авианалета на Дрезден. Я попытался реконструировать эту атаку поминутно в течение четырнадцати часов и десяти минут тройного удара, от которого, по неопровержимым данным, погибло более 135 тысяч жителей города, население которого возросло вдвое по сравнению с мирным временем за счет массового притока беженцев с Востока, пленных из армий союзников и русских и тысяч подневольных рабочих. В силу самых разных причин в городе было много военнослужащих помимо тех, которые находились в военных госпиталях. Только одни самые крупные казарменные сооружения в Дрездене-Нойштадте (Новом городе) обеспечивали жильем несколько тысяч человек. Но эти казармы не стали эпицентром атаки и оставались невредимыми до конца апреля 1945 года. В огне дрезденского пожарища жертв среди военного персонала было относительно мало.

Как меня и предупреждали, когда я занялся этим делом, моя задача не была такой простой, как в случае, если бы атака на Дрезден произошла в первые дни войны.

Что касается раннего периода войны, то в Вашингтоне и Лондоне есть подборки захваченных документов люфтваффе, но германские журналы боевых действий в ходе войны 1945 года были почти все уничтожены в дни финального краха.

Таким образом, большая часть моей работы вылилась в то, чтобы установить главных действующих лиц и летчиков, участвовавших в трех налетах на Дрезден. Выражаю свою благодарность двумстам британским летчикам, которые с готовностью предоставили мне обрывки необходимой информации. Подобным же образом несколько сот членов экипажей американских бомбардировщиков и истребителей

сопровождения проинформировали меня о деталях, без которых написать главу об атаках американцев было бы невозможно. Изложение фактов, касающихся действий люфтваффе во время авианалетов, в силу обстоятельств дается более схематично. Число летчиков-истребителей, которые не только участвовали в оборонительных операциях в ночь, когда Дрезден стал главной целью нанесения удара, но и выжили в войне, поистине невелико. Я признателен западногерманским газетам, и особенно газете «Дойче фернзеен», за содействие в поиске бывших летчиков из личного состава люфтваффе. На основании их свидетельств дается описание событий ночей 13 и 14 февраля 1945 года, отразивших трагикомический паралич ночной истребительной авиации.

Материал, касающийся описания объекта и последствий атаки для тех, кто там находился, поступал из самых различных источников, и не в последнюю очередь от двух сотен бывших жителей Дрездена. В некоторых главах я в значительной степени опирался на авторитетный труд официальной истории «Стратегические наступательные действия авиации против Германии в 1939–1945 годах», авторами которого являются сэр Чарльз Вебстер и Ноубл Фрэнклэнд. Выражая свою признательность этому труду, я хотел бы подчеркнуть, что во всех выдержках из него, на которые я ссылаюсь или на информацию из которых опираюсь, все выводы (за исключением тех, что явствуют из приводимых цитат) целиком и полностью принадлежат мне. Когда я употребляю выражение «официальные историки», то обращаюсь к его авторам.

Изложение описания проведения бомбовых атак было бы неполным без подробных статистических данных о составе сил ударной авиации и самолетов наведения, которые были предоставлены отделом истории военно-воздушного министерства, и без полной информации, предоставленной летчиками головных бомбардировщиков, участвовавшими в двух атаках Королевских ВВС на Дрезден. Они также просмотрели готовые рукописи на предмет упущений или некорректного описания деталей. В поиске выживших после этих атак из числа летного персонала необходимую помощь предоставили многие газеты, такие как «Дейли телеграф», «Гардиан», «Скотсмэн», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», журнал ассоциации Королевских ВВС «Эйр мэйл» и журнал ВВС США.

Вне всякого сомнения, еще много можно написать о трагедии Дрездена. Некоторые из загадок относительно разрушения этого города, вероятно, так и останутся неразгаданными. Многие из них, конечно, будут прояснены, когда американскому историку Джозефу Уорнеру Эйнджелу-младшему из исторического отдела ВВС США будет разрешено опубликовать его собственное секретное исследование авиарейдов на Дрезден. Оно было написано несколько лет назад для американского правительства. Господин Эйнджел — единственный историк, имеющий доступ к материалу, содержащему бумаги и послания за личной подписью, которыми обменивались Рузвельт, Черчилль, Эйзенхауэр и русский партнер последнего. В его распоряжении также были копии документов штабных офицеров оперативного и более высокого уровня.

Как господин Эйнджел, так и я неоднократно обращались с просьбами о полном рассекречивании этого исследования, и наши просьбы полностью поддержали генерал Спаац и другие высшие офицеры ВВС США. Эти попытки добиться для него снижения уровня секретности от прежнего «совершенно секретно» пока что удаются. Может быть, к двадцатой годовщине события и этот документ увидит свет.

Нельзя также не выразить признательность библиотеке Винера в Лондоне за возможность воспользоваться ее обширной подборкой литературы по социалистическим странам и странам-союзницам по коалиции, особенно для написания главы «Реакция в мире», в которой самым подробным образом рассматривается разнузданная пропаганда, которую развязали симпатизирующие Германии государства. При этом особое внимание обращается на радиопередачи, записанные на пунктах радиоперехвата Би-би-си по всему миру.

Данные об окончательном количестве убитых в Дрездене решительно отличаются друг от друга. Общепринятым источником информации о жертвах авианалетов является доклад главы местного полицейского ведомства, однако ни начальник полиции Дрездена, ни его доклад — если таковой в самом деле был когда-либо написан — не дожили до конца войны. К сожалению, и имперское статистическое

управление уже 31 января, то есть за две недели до дрезденской катастрофы, прекратило вести учет погибших от авианалетов.

Поэтому в ходе работы над книгой автор опирался на данные, предоставленные ему дрезденским официальным представителем, ответственным по отделу регистрации умерших в бюро пропавших без вести. Этими же окончательными статистическими данными пользовался и сам начальник полиции. Он установил, что по самым скромным подсчетам 135 тысяч человек были убиты, включая как немцев, так и иностранцев, в том числе иностранных рабочих и военнопленных. В то же время автор получил информацию из федерального министерства статистики Германии о том, что вскоре после авиарейдов, по оценке компетентного представителя в Берлине государственной службы спасения и социального обеспечения пострадавших от авианалетов, число погибших в Дрездене составило от 120 до 150 тысяч человек. Цифра 135 тысяч выше, чем общепринятый минимум в 35 тысяч, и ниже, чем 200 тысяч и более высокие цифры, приводимые американскими властями.

Цифра шокирует многих британцев, для которых она до сих пор была неизвестна, но к состраданию к мирным германским гражданам, пережившим события февраля 1945 года, можно добавить тот факт, что к страданиям мирных граждан нейтральных стран и стран-союзниц во Второй мировой войне немцы проявляли мало сострадания.

Часть первая
ДРЕЗДЕН: ПРЕЦЕДЕНТЫ

Глава 1
ОНИ ПОСЕЯЛИ ВЕТЕР

Историки, пишущие об авиации, прослеживают события от самых первых воздушных атак против Германии до событий 10 мая 1940 года.

До этого дня воздушные атаки Королевские ВВС осуществляли лишь по крупным боевым кораблям, мостам или артиллерийским позициям. В ходе вторжения нацистов в Польшу в сентябре 1939 года бомбардировки Варшавы авиацией люфтваффе, приведшие к жертвам среди мирного населения в этом городе, прежде чем он сдался, создали прецедент с точки зрения британцев. Следует заметить, что нет ни одного международного закона, специально рассматривающего вопрос о ведении воздушной войны, хотя определенные положения Гаагской конвенции были применимы к такой войне.

Военные корабли в канале города Киль были атакованы еще 4 сентября 1939 года, но только в ночь с 19 на 20 марта 1940 года первые бомбы были сброшены на землю Германии, когда подверглась бомбежке база морской авиации на Зильте. Тремя днями ранее люфтваффе совершило налет на Оркнейские острова, в результате чего был убит мирный британец.

Королевские военно-воздушные силы, тем не менее, ограничивали свои операции над Германией до «никелирования» — сбрасывания листовок для рейха, что продолжалось до вечера 10 мая 1940 года, когда началось вторжение немцев во Францию, Нидерланды, Бельгию и Люксембург. Но это был и день, в который Невила Чемберлена, ярого противника использования бомбардировщиков в качестве оружия устрашения, сменил Уинстон Черчилль.

10 мая 1940 года в 15.59, в теплый, но облачный день, ближе к вечеру на юге Германии появились три двухмоторных самолета, летевшие на высоте около 1500 метров. Они вынырнули из дождевых облаков над Фрейбургом-им-Брейсгау. Каждый из самолетов сбросил серию бомб, и все они быстро удалились. Небольшие, 50-килограммовые бомбы охватили взрывами весьма обширную

территорию, примыкавшую к первоначально намеченной цели, — аэродрому истребительной авиации. Лишь десять бомб упали на аэродром, в то время как тридцать одна, в том числе четыре неразорвавшихся, упала в черте города, в его западной части; шесть неподалеку от казарм Галлвац и одиннадцать — на центральный вокзал. Две бомбы упали на детскую игровую площадку на Кольмарштрассе. Начальник полиции доложил о пятидесяти семи погибших, включая двадцать два ребенка, тринадцать женщин, одиннадцать гражданских мужчин и одиннадцать солдат.

Реакция германского министерства пропаганды последовала немедленно, и официальное информационное агентство заявило, что «три вражеских самолета сегодня бомбили незащищенный город Фрейбург-им-Брейсгау, который находится полностью за пределами зоны боевых действий Германии и в котором нет военных объектов». Оно также подчеркнуло, что германские военно-воздушные силы адекватно ответят на эту «незаконную операцию»: «теперь в ответ на любые систематические бомбардировки населения Германии впятеро большее число немецких самолетов будут атаковать британские или французские города».

Секретный доклад с поста наблюдения во Фрейбурге о том, что там замечены три немецких бомбардировщика «Хейнкель», сбрасывающие серии бомб на город, лишь еще больше запутал дело.

Однако французы, которых обвинили в осуществлении этой атаки, настаивали на своей невиновности, несмотря на то что в этом районе был замечен самолет «Потез-63». Вторя их заявлению, военно-воздушное министерство Великобритании опубликовало недвусмысленное предупреждение о том, что рассматривает утверждения Германии как «не соответствующие действительности и очередной пример немецкого лицемерия». Оно заподозрило в этом попытку заранее сфабриковать основание для атак на города союзников, и вечером 10 мая британское правительство сделало формальное заявление. Напоминая, что 1 сентября 1939 года оно давало заверения президенту все еще номинально нейтральных Соединенных Штатов в том, что Королевским ВВС дано указание, запрещающее бомбежку гражданского населения (заверения, которые, следует отметить, британский премьер-министр строго соблюдал), теперь оно публично объявило, что «оставляет за собой право на

любые действия, которые посчитает адекватными» в случае германских авианалетов на гражданское население. В действительности Фрейбург подвергся бомбежке немецкой авиации, хотя это и не обязательно был детально разработанный секретный замысел.

В тот же день, когда произошел инцидент во Фрейбурге, немцы оккупировали Голландию, Бельгию и Люксембург. И хотя по сравнению с другими событиями того же дня фрейбургский инцидент имел второстепенное значение, это был очередной удар по незыблемости принципов гуманизма при ведении воздушной войны.

Через четыре дня после события во Фрейбурге люфтваффе совершило наиболее печально знаменитый авиарейд во всей войне, который произошел во время сражения за мужественный Роттердам. Подобно атаке на Фрейбург, этот рейд укладывался в концепцию воздушной атаки, тем не менее, любая оценка начальной фазы бомбовой войны была бы в значительной степени неполной без описания обстоятельств, влияющих на британское общественное мнение относительно более поздних сокрушительных атак Королевских ВВС на германские города.

Сам премьер-министр военного времени впоследствии говорил о «давно подготовленном предательстве и жестокости, кульминацией которых стала бойня в Роттердаме, где было совершено массовое убийство голландцев».

Теоретические оправдания возможны, как явствует из внимательного изучения более поздних записей. Несмотря на то что многие наиболее важные документы люфтваффе сгорели во время пожара в Потсдаме в ночь с 27 на 28 февраля 1942 года, происхождение и природа атак могут быть четко обозначены: к 13 мая части 22-й воздушно-десантной дивизии численностью до 400 человек оказались в тяжелом положении на позиции, где они высадилась 10 мая, к северо-западу от Роттердама. 9-я танковая дивизия и 3-й батальон 16-го пехотного полка прорвались в город вплоть до моста через Маас, захваченного в самый первый день наступления парашютных частей, чтобы предотвратить попытки голландцев его разрушить; мост был оплотом голландцев. В 4.00 вечера 13 мая подполковник фон Хольтиц, командир 3-го батальона 16-го пехотного полка, направил делегацию к голландскому коменданту города с

требованием о немедленной сдаче. Комендант полковник Шарро отказался от переговоров, и все указывало на то, что в течение ночи голландцы будут вести артиллерийский огонь по позициям немцев. 22-я воздушно-десантная дивизия, окруженная на другой окраине Роттердама, прибегла к воздушной атаке позиций артиллерии голландцев, прежде чем была осуществлена бомбардировка всего города.

Однако, несмотря на острую необходимость такой тактической атаки, окончательные распоряжения о проведении роттердамской операции предполагали другую цель. Сопротивление в Роттердаме должно было быть сломлено любыми средствами (генерал фон Кюхлер, командующий 18-й армией, отдал приказ XXX1X армейскому корпусу в 6.45 вечера 13 мая). При необходимости город окажется под угрозой разрушения, что и должно быть приведено в исполнение.

2-й воздушный флот, под командованием Кессельринга, выделил эскадру бомбардировщиков KG54 для проведения роттердамской операции, и вечером 13 мая командир KG54 полковник Лакнер был направлен на командный пункт 7-й воздушно-десантной дивизии, чтобы получить карту целей. На карте были обозначены участки обороны голландцев, которые должны были быть разрушены массированной бомбардировкой, как об этом полковник Лакнер позднее рассказывал Хансу Якобсену, германскому автору самого полного изложения роттердамских событий. Следует заметить, что нет документального свидетельства в поддержку утверждения Лакнера о том, что только эти участки обороны должны были быть атакованы. Даже отчет отдела истории военно-воздушного министерства о роттердамской атаке, опубликованный в томе официальной истории Второй мировой войны в виде приложения, в некоторых отношениях не корректен.

В тот же вечер переводчику 9-й танковой дивизии было приказано подготовить текст ультиматума голландскому командованию в следующих выражениях: «Сопротивление, оказываемое наступающей германской армии, заставляет меня довести до вашего сведения, что в случае, если сопротивление не прекратится немедленно, результатом этого будет полное уничтожение города. Как человек, занимающий ответственное положение, прошу вас использовать свое влияние, чтобы избежать этого. В качестве жеста доброй воли прошу вас

прислать парламентария. Если в течение двух дней я не получу ответа, то буду вынужден применить жесткие методы уничтожения. Шмидт, командующий войсками».

Это была явная угроза голландцам, но генерал Шмидт, командовавший XXXIX армейским корпусом, совершенно очевидно выразил надежду, что голландцы проявят благоразумие и капитулируют.

Ничего удивительного, что голландцы не увидели резона в таком опрометчивом поступке — они все еще надежно удерживали Роттердам.

Немецкий парламентарий не возвращался вплоть до 13.40 14 мая, так как голландцы удерживали его, пытаясь тянуть время. Ожидали высадки британского воздушного десанта с пополнением, но он так и не появился. Тем не менее, Шарро сказал, что пошлет в 14.00 полномочного представителя для переговоров.

У генерала Шмидта не было другого выхода, кроме как отсрочить авианалет, запланированный на 15.00. Он радировал в штаб 2-го воздушного флота: «Атака отложена в связи с переговорами. Возвращайте самолеты на позиции стартовой готовности».

На аэродромах в городах Квакенбрюк, Дельменхорст и Хойя в Северной Германии около ста самолетов эскадры KG54 уже получили инструкции атаковать очаги сопротивления в Роттердаме двумя колоннами бомбардировщиков. Время полета до Роттердама составило бы от 95 до 100. После того как вышли все сроки возвращения полномочного представителя, был дан кодовый сигнал к атаке. Тем временем 22-я воздушно-десантная дивизия вновь отчаянно радировала о помощи.

Эскадра KG54 получила инструкции атаковать «в соответствии с планом», до тех пор пока красная сигнальная ракета в последнюю минуту не объявит о сдаче Роттердама. Два строя бомбардировщиков стартовали. Правую колонну составляла группа II./KG54, вторую — группа I./KG54. Голландцы все еще оттягивали время, заявив, что, поскольку послание генерала Шмидта «не было подписано, как полагается, с указанием звания», они не собираются принимать его; а голландский посланец, капитан Бакер, уполномочен прояснить условия капитуляции, выдвигаемые немцами. Прошло 40 драгоценных

минут, пока генералы Штудент, Шмидт и Хубицки (командующий 9-й танковой дивизией) сформулировали условия.

К тому времени до часа «Ч», определенного для отсроченной атаки на Роттердам, оставалось пять минут.

Однако возможности передать сигнал об отзыве бомбардировщиков «Хейнкель», когда они подлетали к районам выхода на цели, пересекая границу с Нидерландами, и находились в радиусе только очень близкой радиосвязи, не было. Генерал Шпейдель направил истребитель, пилотируемый подполковником Рикхоффом, чтобы обогнать бомбардировщики и оказаться впереди них, но безуспешно.

Услышав шум моторов приближающихся бомбардировщиков, Шмидт приказал выпустить красные ракеты — условный сигнал к свертыванию атаки.

Командир одной из колонн эскадры I./KG54, атаковавших Роттердам с юга, докладывал:

> «Я сосредоточил внимание на том, чтобы заметить какой-либо красный сигнал. Мой штурман-бомбардир сообщил результаты прицеливания. Когда он доложил, что ему придется сбросить бомбы, чтобы не проскочить цель, что было очень важно, поскольку совсем близко находились позиции германских войск, я отдал приказ на бомбометание точно в три часа. Как раз в этот момент я и увидел злополучный слабый красный огонек выпущенной по дуге сигнальной ракеты, вместо ожидаемого красного света сигнальной лампы. Мы не могли задержать бомбы, потому что сбрасывание их полностью автоматизировано. Не могли этого сделать и два других самолета моего головного звена. Они сбросили свои бомбы, как только увидели, что мои бомбы пошли вниз. Но сигнал моего радиста как раз вовремя поступил к экипажу другого самолета».

Из ста самолетов Не-111 лишь сорок вовремя услышали сигнал; остальные нанесли массированный удар по намеченным целям.

Непосредственно перед боевым вылетом был перекрыт главный источник водоснабжения, а поскольку в результате предыдущих

налетов каналы сильно обмелели, слабая местная пожарная служба не могла справиться с быстро распространявшимся огнем, особенно потому, что одним из наиболее сильно пострадавших зданий был маргариновый завод, из которого вырывались потоки горящего масла. Фактически немцы, не отступая от привычки совершения авианалетов на позиции артиллерии, не применяли зажигательных бомб. Было сброшено 94 тонны бомбового груза, представленного 1150 50-килограммовыми и 158 200-килограммовыми бомбами. Для сравнения скажем, что почти 9 тысяч тонн фугасных и зажигательных бомб было сброшено на внутренний порт Дуйсбург в Руре в ходе нанесения тройного удара 14 октября 1944 года.

В 15.30 Роттердам капитулировал, комендант выражал резкий протест по поводу того, что переговоры о сдаче города уже вот-вот должны были начаться, до того как началась атака.

В 19.30 генерал Винкельман, главнокомандующий голландцев, выступил по радио с сообщением о том, что Роттердам подвергся бомбардировке, став жертвой тотальной войны, и его судьбу могут разделить Утрехт и другие города, поэтому сопротивление прекращается.

В качестве действий непосредственной поддержки этот полет был сокрушительным; в качестве стратегического «рейда устрашения» атака не могла бы достичь своей цели более впечатляюще. Однако военные лидеры Германии упорно настаивали на том, что этот налет преследовал исключительно тактические цели. «Разве ваша цель не состояла в том, чтобы сохранить тактическое преимущество, терроризируя жителей Роттердама?» — спросил сэр Дэвид Максвелл фельдмаршала Кессельринга в Нюрнберге в 1946 году. «Это я могу отрицать с чистой совестью, — ответил Кессельринг. — У нас была только одна задача: обеспечить авиационную поддержку войскам Штудента». Как свидетель защиты германской стороны, вряд ли он мог сказать что-либо иное.

Коммюнике германского Верховного командования 15 мая 1940 года провозглашало с откровенной наглостью, что под натиском атак немецких пикирующих бомбардировщиков и неотвратимого танкового штурма Роттердам капитулировал и таким образом избежал разрушения.

По меркам военного времени жертвы были небольшими: погибло 980 человек, по большей части гражданские лица, в пожарах, охвативших 2,9 квадратного километра территории важнейшей части города. Сильные пожары все еще полыхали в ряде мест, когда наспех организованные пожарные полки под командованием генерала Румпфа прибыли несколькими днями позднее. Огнем были уничтожены 20 тысяч зданий, и 78 тысяч человек остались без крова.

С падением Роттердама и остальной Голландии, не говоря уже о провинции Зееланд, союзникам оставалось только собирать среди развалин все, что могло им пригодиться.16 июля были сделаны первые «выстрелы», которым предстояло вылиться в опасную пропаганду воздушной войны: дипломатическая миссия Королевства Нидерланды в Вашингтоне распространила заявление, на которое британский премьер-министр военного времени опирается в своих мемуарах. Заявление голландцев гласило: «Когда Роттердам подвергся бомбардировке, капитуляция голландской армии германскому Верховному командованию уже совершилась. Преднамеренное, злодейское нападение на безоружных, беззащитных граждан Роттердама — это преступление. В течение семи с половиной минут, когда самолеты находились над городом, были убиты 30 000 человек — 4000 ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей погибали каждую минуту».

Американцы ужаснулись, а члены киносъемочных групп британских и американских военно-воздушных сил, должно быть, покраснели от смущения, когда прочитали, каким было «последнее дьявольское прикосновение к этому сотворенному человеком аду, когда немцы сделали кинофильм о воздушной войне на основании своих злодеяний».

Вряд ли стоит вдаваться в подробности подготовки и исполнения немцами атаки на Роттердам в книге, целью которой является рассказ о том, как был нанесен тройной удар по Дрездену пять лет спустя. Волей-неволей тянет опираться на современные публикации о том, что творили немцы, особенно в поддержку того предположения, что в случае с Дрезденом и другими крупными операциями воздушной войны против Германии немцы лишь пожинают плоды бури, которую устроили их лидеры, посеяв ветер в 1940 году. Впечатляющие преувеличения живучи — не в меньшей степени те, что появляются в

крайней необходимости повышения морального духа в военное время. Однако объективный исторический исследователь должен фиксировать только то, что происходило в действительности. В противном случае он оказывает плохую услугу последующим поколениям.

Была ли это тактическая операция или — как позже заявили в Нюрнберге — исключительно акция по терроризированию гражданского населения — это вопросы морали. Бомбежка в любом случае не может считаться незаконной с точки зрения статьи 25 Гаагской конвенции 1907 года, которую подписывали как Великобритания, так и Германия: Роттердам не был незащищенным городом.

Но такие соображения представляются чисто академическими на фоне преступного захвата нацистами нейтральной Голландии.

Главнокомандующий истребительной авиацией Королевских ВВС не сомневался, что люфтваффе не может быть разгромлено на континенте; бомбардировщики и истребители противника каким-то образом следовало выманить или спровоцировать на дневные воздушные бои над Британскими островами, в пределах досягаемости превосходящих сил истребительной авиации Королевских ВВС, действующих в обороне. Ввиду этой необходимости первая атака была начата по целям восточнее Рейна в тот вечер, когда миру было объявлено о роттердамском авианалете. Из 96 посланных бомбардировщиков менее 25 даже не могли утверждать, что обнаружили свои цели. Ни один вражеский истребитель не был отвлечен от операций по поддержке германских сил в сражении за Францию. Только когда пала Франция, а Королевские ВВС повторно атаковали континентальную часть Германии, фюрер решил переключить внимание на промышленные объекты в Лондоне.

В ночь с 25 на 26 августа 1940 года была предпринята первая атака Королевских ВВС на столицу рейха в отместку за первые бомбы, сброшенные в центре Лондона, которые повредили церковь Сейнт Джайлз, Крипплгейт. Битва за Британию к этому времени шла уже более шести недель. Первая крупномасштабная атака на Соединенное Королевство была проведена 10 июля, когда 70 немецких самолетов совершили налет на доки Южного Уэльса. В течение пятидесяти двух дней в ходе воздушных налетов на Британию было убито 1333 мирных

жителя. Атаки становились все более интенсивными и достигли апогея примерно в середине августа, при этом основными целями были аэродромы. Атаки на Портсмут, Саутгемптон, Гастингс и Веймут последовали через считаные дни за массированными авиарейдами 15-го числа. Они охватили большой район, включая Ньюкасл и Кройдон. При этом немцы потеряли в общей сложности 76 самолетов. На следующий день первые бомбы упали на окраины Лондона. 18-го был сбит 71 самолет противника. Однако уже через шесть дней в ночь на 24-е люфтваффе снова подвергло атаке обширный район сосредоточения городов, включая Лондон, Бирмингем и Ливерпуль.

Несмотря на неудачи Королевских ВВС, даже в ночи вслед за их первой атакой с целью причинения серьезного ущерба столице рейха, этот новый штурм дал фюреру, все еще находящемуся под впечатлением триумфального наступления на Западе, необходимый ему предлог. В своей речи 4 сентября в Шпортпалас в Берлине он провозгласил: «Если они угрожают атакой нашим городам, то мы сотрем с лица земли их города». Не испугавшись, Королевские ВВС предприняли новые рейды на Берлин, в том числе крупный налет 6-го числа.

7 сентября ближе к вечеру, через три дня после его угрозы и спустя две недели после первого штурма Берлина Королевскими ВВС, люфтваффе впервые во время дневного рейда продемонстрировало свою мощь над Лондоном. 247 бомбардировщиков в сопровождении нескольких сотен истребителей нанесли удар по нефтехранилищам и портовым сооружениям в нижнем течении Темзы, сбросив 335 тонн фугасных и 440 тонн зажигательных бомб. Это событие знаменовало окончание Битвы за Британию. Люфтваффе утверждало, что в последующих авианалетах на Лондон сбросили 18 921 тонну бомб во время 71 налета. К концу 1940 года воздушный блицкриг унес жизни 13 339 мирных граждан, а на определенном этапе 375 тысяч остались без крова.

Несмотря на то что были высказаны сомнения в эффективности ночных бомбовых рейдов Королевских ВВС, ни министерству военно-воздушных сил, ни командованию бомбардировочной авиации они не казались напрасными летом и в начале осени 1940 года. Маршал ВВС Харрис в письме от 11 октября сэру Ричарду Пирсу, который был тогда главнокомандующим бомбовой авиацией, говорил о «точности, с

которой наши самолеты наносили удар по военным объектам, в противовес тому, что говорилось о просто сожжении городов». И хотя к концу октября у Пирса были некоторые оговорки по поводу возможностей командования, в сентябре, будучи заместителем начальника штаба ВВС, в письме премьер-министру он однозначно подтверждал, что бомбардировки городов осуществлялись точно по целям, в опровержение утверждений о беспорядочной бомбежке.

И не в свете доступных тогда свидетельств была утрачена эта вера. Однако официальные каналы информации военно-воздушного министерства, в отличие от сообщений американской прессы, сходились в своих оценках. Донесения командования бомбардировочной авиации об авиарейдах были подробными и недвусмысленными, и в них почти не было указаний на какие-либо трудности, с которыми встречались летчики при обнаружении целей. Ничего не было сделано для того, чтобы развеять впечатление от этих донесений экипажей данными разведки, полученными из Германии и нейтральных стран. Многие делали акцент на потере боевого духа в результате авиарейдов, а по оценке одного доклада от 10 октября, особенно отмеченного Харрисом, урон от бомбежек составил 25 процентов всего производительного потенциала Германии.

Но совсем другая картина вырисовывалась из сообщений американской прессы. «Таймс» жаловалась на недостаточную огласку результатов авианалетов в полученных в Нью-Йорке сообщениях американских корреспондентов, все еще находившихся в Берлине. «Геральд трибюн» вышла 29 августа с заголовком: «В Берлине ничего не слышно о британских авиарейдах», и подобного же рода сомнение выражалось ими по поводу предполагаемых успехов британцев в Гамбурге в конце июля. Нацистская пропаганда сразу же воспользовалась присутствием в Германии корреспондентов нейтральных изданий, чтобы продемонстрировать им, какой был причинен ущерб в результате бомбардировок.

Видело ли военно-воздушное министерство эти сообщения прессы или нет, оно, естественно, опиралось на собственные официальные источники информации в вопросе об эффективности бомбовых атак. Доверие к точности получаемых донесений стало убывать к концу осени 1940 года, когда была признана первостепенная важность свидетельств на основании фотоматериалов, а 16 ноября

было создано фоторазведывательное аэрозвено. До этого оценка успеха базировалась на теоретических допущениях о точности наводки на цель при бомбометании и навигации. Этим допущениям противились лишь очень немногие высшие офицеры в городе Хай-Уайкомб, в том числе сэр Роберт Сондби. Он весьма скептически относился к утверждениям экипажей бомбардировщиков.

В штабе командования бомбардировочной авиации он рассказал, что существует карта с закрашенными красным и черным участками, из которых первые обозначают местонахождение действующих нефтеперерабатывающих заводов, а последние — черные — области, которые авиация Королевских ВВС сровняла с землей. На вопрос Сондби офицер, ответственный за карту, объяснил, что, насколько известно по данным статистики, 100 тонн бомб способны разрушить половину нефтеперерабатывающего завода, и каждый из заводов в помеченной черным области, испытав на себе 200 тонн бомбового груза, должен был быть разрушен. Офицер знал, что по ним *был* нанесен удар, «потому что на этот счет существовали инструкции у экипажей самолетов». Говорят, что на это сэр Роберт Сондби язвительно ответил: «Вы не сбросили 200 тонн бомбового груза на эти нефтеперерабатывающие заводы; вы *доставляли* 200 тонн бомбового груза, и вам остается надеяться, что некоторые из этих бомб упали близко к цели». Это замечание, должно быть, глубоко потрясло того офицера. Однако оно ясно показывает, что высшим офицерам командования бомбардировочной авиации приходилось принимать такую реалистичную позицию, если командование собиралось уцелеть.

Типичная «черная область» могла быть представлена на примере нефтеперерабатывающего завода «Ильзе бергбау синтетик» в Руланде, неподалеку от Дрездена. Он был атакован бомбардировочной авиацией в ночь с 10 на 11 ноября 1940 года: «На огромный завод, опознанный по его шести высоким трубам в первый заход, дождем посыпались зажигательные бомбы, и красное зарево от многочисленных пожаров, которые в результате начались, помогали следующим участникам авиарейда точно определить объект атаки. Были отмечены прямые попадания по зданиям цехов нефтеочистки и у оснований дымовых труб, что вызвало мощные взрывы. После атаки в течение часа огромные языки пламени вперемежку с клубами густого черного дыма

отбрасывали яркий свет в районе нефтеочистительного завода и были видны еще в течение 20 минут летевшим последними участникам рейда, после того как они легли на обратный курс в Англию, до которой нужно было преодолеть 800 километров».

И все это несмотря на клубы дыма, «поднимавшиеся сплошной пеленой до высоты более чем 18 тысяч футов». Сам Дрезден «также впервые подвергся бомбежке», которая сопровождалась сильными пожарами на главных железнодорожных узлах, повреждениями систем подачи газа и воды и энергетических линий в ходе атаки, длившейся с 21.15 почти до 23 часов вечера. И хотя сирены Дрездена прозвучали в 2.25 ночи, никаких бомб, фактически, сброшено не было. О предыдущей «самой первой» атаке на Дрезден, осуществленной 22 сентября 1940 года, сообщалось в «Бюллетене военно-воздушного министерства № 1796», когда «атаке подверглись железнодорожные ветки и два попадания пришлись по товарному поезду». Опять звучали сирены, но не было зафиксировано никаких сброшенных бомб. В парламентском отчете «Хэнсард» также соответственно отмечалось, что два авианалета были совершены на Дрезден еще в 1940 году.

В военно-воздушном министерстве были слишком оптимистично настроены относительно возможностей рядовых летчиков, ориентируясь по звездам, точно наводить самолеты на точечные цели. Люфтваффе оказалось более реалистичным: захваченные еще в марте 1940 года документы со сбитых немецких бомбардировщиков указывали на то, что пилоты использовали радиолучи навигационной системы «Knickebein» для точной аэронавигации ночью. Когда авиакрыло № 80 под командованием Э. Б. Эдиссона, специально сформированное для создания радиопомех, нашло способ отклонения этих лучей, самолеты люфтваффе в ночь с 14 на 15 ноября 1940 года переключились на новую систему, используя более совершенный навигационный прибор «X-Geraet». С его помощью первые самолеты-маркировщики могли сбрасывать град зажигательных бомб точно по намеченным целям, поджигая город — в данном случае Ковентри. Главным силам бомбардировщиков тогда не составило большого труда распознать цель. Конечной разработкой немцев в применении радиолучей в войне стало взятие на вооружение в феврале 1941 года прибора вертикальных лучей «Y-Geraet». Радиосигнал, излучаемый наземной станцией немцев, перехватывался приборами

бомбардировщика и отсылался обратно на наземную станцию. Цайтрафер обеспечивал точные координаты местоположения самолета над Англией. Два года спустя эта техника, в виде системы самолетовождения «Гобой», должна была обеспечить самое мощное оружие в арсенале командования бомбардировочной авиации в ходе битвы за Рур.

Развертывание и техническое оснащение крыла самолетов наведения бомбардировочной группы KGr100 немцев было во всех отношениях хорошим уроком для командования бомбардировочной авиации в подготовке к первой крупной атаке на германскую промышленность в битве за Рур. По огням, исходящим от самолетов «Хейнкель» бомбардировочной группы KGr100, ориентировавшимся по лучам приборов радионавигационной системы X-Geraet, эскадрильи главных сил могли легко обнаружить свои объекты и цели. Группе I./LG1 в качестве цели атаки была назначена «Стандарт мотор компани», вместе с компанией по производству радиаторов и прессов. Бомбардировочная группа II./KG27 должна была атаковать авиамоторные заводы «Элвис». Бомбардировочная группа I./KG51 предназначалась для атаки британской компании по производству поршневых колец. Группа II./KG55 — заводов Даймлера. И наконец, группа KGr606 — газгольдеров. Из 550 отправленных самолетов 449 достигли Ковентри, который был защищен довольно слабо, хотя из надежных источников британской разведки правительство получило предупреждение за два дня до предстоящей атаки. Бомбардировщики сбросили 503 тонны фугасных и 881 тонну зажигательных бомбовых снарядов.

Второй урок, который извлекло командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС из событий в Ковентри, состоял в том, что величайший ущерб промышленному производству был причинен повреждением источников водо-, газо- и электроснабжения. Так, сильные повреждения были вызваны бомбежкой двадцати одного из ключевых промышленных предприятий. Из них не менее двадцати были связаны с авиационной промышленностью. Но из-за того, что была парализована работа коммунальных сооружений, полностью встали девять других важных заводов, которые в противном случае очень быстро заработали бы после авианалета. К этому ущербу для

Ковентри добавилась потеря 380 жизней мирных жителей. Был сожжен кафедральный собор.

Этим событиям суждено было стать веским основанием для выбора района для атаки командованием бомбардировочной авиации Королевских ВВС. В Ковентри был нанесен ущерб, эквивалентный потере промышленной продукции, выпускаемой в течение тридцати двух дней, не столько из-за повреждений заводов, сколько из-за попутного разгрома центра города. Более того, эксперты заявляли правительству, что если бы люфтваффе возобновило свои налеты в две-три последующие ночи, принимая во внимание легкость, с которой беспомощный и беззащитный в то время город мог быть обнаружен и атакован ночью, на что ясно указывали предыдущие атаки, то жизнь в городе могла бы быть парализована надолго. Однако немцы еще только делали первые шаги в воздушной войне, поэтому атака на Ковентри развивалась медленно и затянулась в промежутке времени от 22.15 почти до 6 утра следующего дня. Тогда как обычная продолжительность наиболее удачных рейдов Королевских ВВС на германские города ограничивалась 10–20 минутами к концу войны. Их результатом было нанесение массированного удара по выбранным для атаки районам, на которые сбрасывалось множество зажигательных бомб, так что немецкие пожарные были не в состоянии справиться с огнем.

Конечно, вряд ли можно сомневаться в том, что, если бы бомбовый груз 449 немецких бомбардировщиков состоял преимущественно из зажигательных бомб, если бы они направлялись на район цели большой массой, таким же образом, как действовали бомбардировщики в случае крупных атак 5-й авиагруппы на Брунсвик, Дрезден и другие города, и если бы атака сосредоточилась на средневековом центре Ковентри, как это было в случае с Дрезденом, то, несомненно, в городе полыхал бы огненный смерч. Это привело бы соответственно к большему числу жертв и, скорее всего, полностью парализовало бы промышленное производство на все время войны. Эту возможность немцы великодушно упустили. Только один раз, вспоминает сэр Артур Харрис, люфтваффе совершило похожий рейд с огненным смерчем: во время необыкновенно сильного авианалета, чтобы поджечь Лондон, когда на Темзе возник квадратурный прилив, шланги пожарных насосов не могли добраться до поверхности воды.

«Так часто фактор, который рядовую при обычных условиях атаку превращает в крупную катастрофу, бывает всего лишь капризом природы», — отмечает он, намекая, вероятно, на жару, которая имела роковые последствия для Гамбурга летом 1943 года.

Однако в декабре 1940 года созданная под председательством Джеффери Ллойда комиссия представила в кабинет министров военного времени отчет об успешных атаках, осуществленных командованием бомбардировочной авиации нефтеперерабатывающих заводов с минувшего мая. Несмотря на то что производство нефтепродуктов снизилось только на 15 процентов, этот результат выглядит значительным по сравнению с усилиями, которые приложило к этому командование бомбардировочной авиации — только 6,7 процента всех его операций направлено на промышленные объекты, порты вторжения и коммуникации. Учитывая эти соображения, начальник штаба ВВС сэр Чарльз Портал предложил уничтожить семнадцать крупнейших нефтеперерабатывающих заводов в Германии, надеясь, что это может решающим образом повлиять на успех в войне. Рекомендации, которые были даны в последующем докладе начальников штаба военному кабинету, послужили основой для директивы, выпущенной 15 января. Нефтяные объекты должны были быть первоочередной целью, а бомбардировка промышленных городов и коммуникаций — второстепенной. Этому акценту на нефтяные объекты в качестве цели предстояло стать непреходящим фактором в политике командования бомбардировочной авиации на все время войны и на некоторых этапах — источником острых споров.

Глава 2
КОМАНДОВАНИЕ БОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИИ ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

До командования бомбардировочной авиации и до британского премьер-министра правда о неточном нанесении бомбовых ударов все еще доходила медленно и полностью и недвусмысленно открылась лишь в тот день, когда личный секретарь профессора Линдемана, Дэвид Бенсусан-Батт, передал донесение командованию бомбардировочной авиации. 18 августа 1941 года во время неофициального посещения базы эскадрильи фоторазведки Королевских ВВС в Медменхэн вскоре после Рождества 1940 года Батт продемонстрировал всю подборку фотоснимков британских бомбардировок. Офицеры, составившие эту подборку, полностью отдавали себе отчет в ее важности и понимали, что, даже когда некоторые высшие офицеры поначалу отказывались верить тому, о чем свидетельствовали фотоматериалы, все же была возможность обратить на них внимание правительства через секретаря профессора Линдемана. Прямым следствием этого неофициального доклада профессору было то, что Батту было поручено проанализировать эти фотографии статистически.

Доклад Батта, представленный в августе 1941 года и содержавший трагические подробности, в конце концов подтвердил то, что целый год громогласно заявляла нейтральная свободная пресса за рубежом относительно слабости британской бомбовой авиации. Фактически бомбы только одной трети из всех самолетов, участвовавших в нанесении ударов по целям, при их поражении имели разброс не более 8 километров. Было абсолютно нереально требовать от командования бомбардировочной авиации продолжить попытки нанесения точных бомбовых ударов ночью до тех пор, пока хотя бы у части самолетов британской авиации не появится электронное оборудование, подобное тому, которое было у немецких авиагрупп.

9 июля 1941 года заместитель начальника штаба ВВС, вице-маршал авиации Н. Боттомли, издал первую из своих многочисленных директив главнокомандующему бомбардировочной авиации, в то

время еще маршалу авиации сэру Ричарду Пирсу, следующего содержания: «Уполномочен поставить Вас в известность о том, что всестороннее рассмотрение нынешней политической, экономической и военной ситуации у противника обнаруживает, что самыми уязвимым его местом является моральный дух гражданского населения и внутренняя транспортная сеть».

Главное усилие бомбардировочной авиации до дальнейших инструкций должно было быть направлено на подрыв транспортной системы немцев и морального духа гражданского населения в целом. У Пирса не оставалось сомнений в том, как ему следовало этого достичь. В качестве первоочередных целей для атаки он выделил Кельн, Дуйсбург, Дюссельдорф и Дуйсбург-Рурорт. «Все они подходят для атаки в безлунные ночи, поскольку расположены в густонаселенных промышленных городах, где психологический эффект будет самым внушительным».

«Мы должны разрушить основание, на которое опирается германская военная машина, — экономику, которая ее подпитывает, моральный дух, который ее поддерживает, линии снабжения, вливающие в нее новые силы и надежду на победу, которая ее воодушевляет», — эта выдержка из меморандума начальников штабов от 31 июля 1941 года свидетельствует о приближении к району проведения атак; Касабланкская директива 1943 года, фактически, стала лишь выражением этой политики в более решительных формулировках.

Однако подавление морального духа противника требовало новой техники: в меморандуме штаба ВВС командованию бомбардировочной авиации в сентябре 1941 года отмечалось, что сделан неопровержимый вывод о том, «что более значительный ущерб противнику удалось нанести за счет применения зажигательных бомб». Поскольку иногда 60 процентов бомбового груза, который сбрасывало люфтваффе во время атак на британские города, составляли зажигательные бомбы. Командование бомбардировочной авиации никогда не допускало 30-процентного превышения такого груза. Обычная практика немцев в достижении своих целей устрашения состояла в том, чтобы начинать атаки налетами самолетов-поджигателей, сбрасывавших зажигательные бомбы в количестве, превышающем то, при котором пожарные могли бы справиться с огнем. За ними следовали атакующие

звенья бомбардировщиков, сбрасывавших на цель серии фугасных бомб. Это были эффективные приемы, которые командование бомбардировочной авиации могло перенять и выгодно использовать. Фугасные бомбы, взрывавшие водопроводы, способствовали еще большим разрушениям, после того вреда, который уже был причинен зажигательными бомбами. Но в 1941 году в распоряжении командования бомбардировочной авиации все еще не было бомб, масса которых превышала бы 200 килограммов, и не было особого стимула развивать более тяжелое вооружение.

В конце 1941 года профессор С. Цукерман, возглавлявший заочное отделение Оксфордского университета, провел эксперименты, которые были впервые официально зафиксированы благодаря тому, что этот вопрос фигурировал в палате общин. Они показали, что немецкие бомбы сопоставимой массы веса примерно вдвое эффективнее британских. Адресуясь к исследованию профессора Дж. Д. Бернала относительно жертв в ходе немецких авиарейдов, профессор Цукерман подчеркивал, что те, кто находились настолько близко к бомбовым разрывам, что получили прямое поражение взрывной волны, составляли лишь небольшой процент. Таким образом, профессор Цукерман мог спрогнозировать среднее число жертв в результате разрывов бомб от одной тонны бомбового груза, сброшенного на территории в 1 квадратную милю (2,5 километра) с известной плотностью населения. «Результаты этих исследований, как отмечается в послевоенном сборнике исследований боевых операций военной канцелярии, стали руководством для будущей стратегии бомбардировок». Любопытно, что, хотя профессор Цукерман и его команда исследовали как эффекты взрывов, так и разлета осколков, ни один государственный ученый не исследовал летальный исход от взрывов бомб с точки зрения отравляющего воздействия дыма и газа. Это воздействие, как мы увидим в дальнейшем, в результате рассматриваемых в этой книге авианалетов, стало причиной 70 процентов фатальных исходов.

В данном случае цифры этой мрачной статистики были получены экспертом по изучению боевых операций при адмиралтействе, профессором П. М. С. Блэкеттом.

Испытания на статическую детонацию показали, что использовавшиеся тогда британские фугасные бомбы были

наполовину менее эффективны, чем немецкие тонкостенные бомбы такой же массы. За десять месяцев с августа 1940 года по июнь 1941 года общий вес бомб, сброшенных на Соединенное Королевство, составил 50 тысяч тонн. Число убитых равнялось 40 тысячам человек, считая от 0 до 8 убитых на тонну сброшенных бомб.

Таким образом, заключает Блэкетт, исходя из более низкой эффективности Королевских ВВС, также как и их менее качественного вооружения, можно рассчитывать на их способность уничтожать от 0 до 2 немцев на тонну сброшенных британских бомб. Как он уже указывал, «ущерб промышленному производству… и жертвы среди гражданского населения были примерно соизмеримы». Своими расчетами он показывал, что продолжение атак на определенный для Королевских ВВС район было бесполезным.

Но при этом профессора Блэкетт и Цукерман ожидали, что штаб военно-воздушных сил примет во внимание их пессимистические расчеты и переориентирует свой промышленный потенциал на нанесение ударов по вражеским субмаринам. Оба профессора, будучи известными противниками атак по территории, были разочарованы. Их выкладки, как и многие другие, сделанные учеными, настроенными так же, как и они, были использованы лишь как аргумент для применения более мощного оружия и лучшего технического оснащения бомбардировочной авиации.

Несомненно, было существенно важно как можно скорее начать производство тонкостенных фугасных бомб для того, чтобы приблизиться к эффективности германского оружия. К концу 1941 года первые 200-килограммовые бомбы средней мощности с зарядом, составляющим 40 % от массы, поступили на вооружение. Однако первоочередным оружием в наступательных действиях авиации должны были стать бомбы большой мощности с 80-процентным зарядом, тонкостенные, размером с бойлер. Масса выпускаемых бомб 2000, 4000 и даже 6000 килограммов поражала воображение.

В то время как профессора Блэкетт и Цукерман решительно отвергали возможность нанесения серьезного урона населению Германии, британский премьер-министр проконсультировался у другого советчика — профессора Ф. А. Линдемана. Тот, если вспомнить, имел перед собой свидетельства неизменных провалов командования бомбардировочной авиации Королевских ВВС после

трагического открытия в виде фотоматериалов, предоставленных его секретарем в Рождество 1940 года. Линдемана попросили предложить на обсуждение концепцию стратегии бомбардировок, с помощью которой Великобритания могла эффективно оказывать поддержку своим союзникам на востоке.

В итоговом докладе Линдемана 30 марта 1942 года проводилась мысль о том, что не было особого сомнения в том, что бомбовые атаки районов способны подорвать моральный дух противника, исходя из того, что их объектом были рабочие кварталы пятидесяти восьми германских городов с населением более 100 тысяч жителей в каждом.

По расчетам Линдемана, каждый бомбардировщик за время эксплуатации сбрасывает около 40 тонн бомб. Если эти бомбы сбрасываются на районы застроек, то они оставят без крова от 4 до 8 тысяч человек. Линдеман между мартом 1942 года и серединой 1943 года допускал возможность того, что одна треть всего населения Германии останется без крова, с учетом того, что все внимание во время этой кампании будет сосредоточено на ресурсах промышленности вооружений.

Заметки Линдемана были переданы для комментария профессорам Блэкетту и Г. Тизарду, признанным авторитетам в авиационной промышленности. Оба ученых опровергли заметки как глубоко ошибочные и предположили, что Линдеман переоценивает успехи атак с воздуха в шесть и в пять раз. Соответственно выводы обоих специалистов были отвергнуты.

Ввиду возникших противоречий по поводу обоснованности прогнозов профессора Линдемана интересно отметить, что, по крайней мере, настолько, насколько дело касается обсуждаемых в этом труде авиарейдов, оценка профессора Блэкетта по числу погибших и соответственно ущерба, причиненного промышленности, была бы ошибочной в силу фактора занижения более чем в 51 раз, в то время как оценка профессора Линдемана в отношении оставшихся без крова была бы ошибочной в силу фактора завышения всего в 1,4 раза (см. приложение 2).

Стратегия Линдемана не требовала больших изменений в тактике командования бомбардировочной авиации для ее претворения в жизнь. Еще 14 февраля 1942 года командование предписывало, в качестве первоочередной задачи, атаковать жилые кварталы в определенных

промышленных городах, и на следующий день начальник штаба ВВС давал пояснение в приложении с перечислением этих городов. «Относительно новой директивы по бомбардировкам полагаю, что целями должны быть кварталы, — писал сэр Чарльз Портал своему помощнику, сэру Норману Боттомли, — а, к примеру, не верфи или авиазаводы в числе упомянутых целей. Это должно быть доведено до сознания, если до сих пор не понято». Боттомли ответил, что специально подчеркивал этот пункт в разговоре по телефону с командованием бомбардировочной авиации.

Такова была тогда стратегия, предполагавшая нанесение ударов по жилым кварталам, когда 22 февраля 1942 года сэр Артур Харрис прибыл в штаб-квартиру командования бомбардировочной авиации в Хай-Уайкомб, чтобы занять должность командующего. Не могло быть более красноречивого доказательства невиновности Харриса в том, что по его личной инициативе была начата бомбардировка городских районов с гражданским населением. Общая концепция Касабланкской директивы от 21 января 1943 года выражалась следующим образом: «Вашей первоочередной целью будет эскалация действий по разрушению и дезорганизации германской военной, промышленной и экономической системы и подрыв морального духа немцев до такой степени, когда их способность к вооруженному сопротивлению будет безвозвратно утрачена».

В рамках этой концепции были обозначены следующие приоритеты:

- верфи для строительства подлодок;
- объекты германской авиастроительной индустрии;
- транспортные средства;
- нефтеперегонные заводы;
- другие объекты военной промышленности противника.

Директива, выраженная в таком широком диапазоне, естественно, могла интерпретироваться многими способами. Однако тактический контроль над операциями был прерогативой главнокомандующего бомбардировочной авиацией, и сэр Артур Харрис ясно выразил свое видение проблемы в письме в военно-воздушное министерство 6 марта 1943 года. В нем вместо «и подрыв морального духа немцев» он процитировал это место так, как если бы оно звучало «имеет целью подрыв морального духа…». Изменение формулировки меняло

значение предложения, хотя нельзя было сказать, что его интерпретация не была оправдана.

Командование бомбардировочной авиации еще не могло похвастать степенью точности ночных бомбометаний, которой достигнет на заключительном этапе войны. И, несмотря на некоторые оговорки штаба ВВС по поводу эффективности бомбовой атаки районов, битва за Рур и битва за Берлин происходили в духе указанной директивы.

Теперь впервые за период войны у командования бомбардировочной авиации были оружие и приборы, с которыми оно могло надеяться привести эту директиву в исполнение. Институт по исследованиям в области телекоммуникаций успешно разработал новое устройство радиолокационной навигации с длиной волны 9,2 см — H2S. На установленной в самолете электронно-лучевой трубке отображалась общая топограмма в виде световых пятен различной интенсивности — реки выглядели черными, застроенные районы — контрастно светлыми. А поскольку устройством H2S стали пользоваться все чаще, у немцев вскоре появился первый, захваченный ими его образец, они познакомились с удивительными свойствами сантиметрового радара. В этом им квалифицированно помогал сотрудничавший с ними пленный, ранее служивший в командовании бомбардировочной авиации. Шокирующе быстро — к 19 мая — берлинская фирма «Телефункен» приняла планы серийного производства копии важнейшего компонента — магнетрона LMS.10, выпуск которого в течение месяца достиг десяти штук в неделю. Были проведены испытания нового, связанного с вычислителем ретрансляторного оборудования сопровождения целей для самолетов «Москито», под названием «Гобой». За основу его были взяты принципы германского устройства 1941 года «Y-Geraet», но с использованием более коротких волн, а в этой области британская технология значительно ушла вперед. Испытания дали обнадеживающие результаты, но только 7 января 1944 года авария «Москито» в окрестностях Клеве дала недостающие звенья, позволившие немецким ученым разработать контрмеры против радиоизлучения. В феврале 1942 года подразделения командос в ходе дерзкого нападения на радиолокационную станцию «Вюрцбург» на побережье Нормандии неподалеку от Бруневаля захватили части

оборудования радаров. Это позволило специалистам в области электроники в Англии установить длину волны, на которой работала немецкая система дальнего обнаружения. В течение года эти ученые завершили эксперименты и смогли создать «окно» — антирадарную металлизированную ленту соответствующих размеров и жесткости.

Пожалуй, более важным, чем технические новшества, была существовавшая теперь в Англии благоприятная атмосфера общественного мнения в отношении бомбовых ударов. Министр авиации, сэр Арчибальд Синклер во всех своих публичных выступлениях старательно подчеркивал, что командование бомбардировочной авиации наносило бомбовые удары только в военных целях. Всякие предположения насчет преднамеренных атак жилых районов или домов рабочих отметались как абсурдные, а иногда даже клеймились как посягательство на доброе имя храбрых летчиков, которые жизнью рисковали за свою страну. Почти 100 тысяч летчиков знали и признавали, что их самолеты ночь за ночью посылались для того, чтобы намеренно поджигать германские города, что налет на Маннхейм 16 декабря 1940 года знаменовал собой выбор центров сосредоточения гражданского населения в качестве объектов атак. Однако по существу и должным образом никто из них не обсуждал детали операций вне службы.

В начале 1943 года Комитет по ограничению бомбардировок заявил о себе в Лондоне, обратившись в парламент, и попытки лейбористов в парламенте запретить его воззвания и изолировать его членов оказались напрасными. Настоящей атаке на стратегическую линию бомбардировок со стороны части высоких правительственных и религиозных кругов предстояло быть отложенной до конца осени 1943 года. К тому времени были проведены три самых разрушительных и кровавых авианалета на Германию. Первым из объектов, которому довелось испытать на себе всю мощь бомбардировщиков Королевских ВВС, с их свежими летными экипажами, и бомбардирам которых не чинила особых препятствий наземная противовоздушная оборона, был «двойной» город Вуппераль, на восточном краю Рура. Несчастье обрушилось на него в ночь с 29 на 30 мая 1943 года. Два месяца спустя наиболее успешной и блестяще организованной командованием бомбардировочной авиации атакой стал налет на ганзейский порт Гамбурга. Это впервые стало

кульминационным пунктом в истории британской бомбардировочной авиации. Третьей крупной атакой 1943 года, в которой, как и в налете на Гамбург, создавался огненный смерч за счет одновременного взрыва сотен тысяч зажигательных бомб, стал налет на Кассель в ночь с 22 на 23 октября 1943 года. Во время этой последней атаки, так же как и в случаях с Вупперталем и Гамбургом, условия благоприятствовали экипажам бомбардировщиков в проведении точного бомбометания без сколько-нибудь значительных помех со стороны противовоздушной обороны. Для их создания на этот раз командованием бомбардировочной авиации была придумана новая хитроумная уловка под кодовым названием «Корона» с целью обмануть бдительность ночных истребителей и наземной противовоздушной обороны.

Для атаки на Вупперталь в ночь с 29 на 30 мая 1943 года экипажам дали с собой карты Вупперталя (Элберфельда) 1941 года с обозначенными на них красным и серым цветами целями в виде обычных концентрических кругов с центром на месте городской электростанции II. Сама карта целей была составлена на основании плана от 1936 года. Однако штурманы-бомбардиры в этой атаке должны были проигнорировать систему концентрических кругов и цель, ярко отмеченную оранжевым цветом. Вместо этого они были проинструктированы обозначить карандашным крестиком на сером фоне жилые кварталы Вупперталя (Бармена), на восточной окраине города. Это была цель, выбранная для чрезвычайного случая, если, например, системы наведения «Гобой» для самолетов «Москито» не поступят. Маршал ВВС Сондби объяснял, что, фактически, было обычным делом обозначать на картах целей такие детали, как военные цели, промышленные предприятия, больше для сведения других, чем штурманов-бомбардиров. До того как стали использовать эти карты целей с красными и серыми пометками, экипажи пользовались подробными картами картографического управления с обозначенными на них городами в качестве целей. На картах сплошь и рядом были мальтийские кресты, о которых в условных обозначениях говорилось: *«Крестами обозначены госпитали, и их следует избегать*!» Как позже объяснил сэр Роберт Сондби, «это дало возможность выступить в парламенте и сказать, что мы отметили эти объекты на своих картах целей и что экипажи были специально проинструктированы избегать попаданий в госпитали».

Многому из того, что произошло во время атаки, направляемой «следопытами» на Вупперталь (Бармен), суждено было повториться, с многократным превосходством по жестокости и поражающему воздействию, во время налета «следопытов» на Дрезден, второго из двух — в феврале 1945 года. Если сравнивать, то много общего было между двумя атаками: обеим противостояла слабая наземная противовоздушная оборона, и в обеих рассчитывали использовать известные просчеты экипажей, которых сэр Артур Харрис презрительно называл «кроликами» (трусами). Эти экипажи старались сбросить бомбы как можно раньше и поскорее убраться из района, обозначенного как цель бомбардировки. Было известно, что если маркировочные бомбы сбрасываются в одном конце района целей, а колонна бомбардировщиков двигается в глубину на всем протяжении объекта атаки, то любые бомбы, слишком рано сброшенные экипажами «кроликов» (трусов), не окажутся совсем уже бесполезными и все-таки нанесут определенное поражение где-нибудь в выбранном в качестве цели городе. Иногда это отклонение составляло много километров от цели, уходя за пределы города. В одном авиарейде на Берлин в августе 1943 года отклонение составило тридцать миль. Таким образом, в обоих случаях, как с Вупперталем, так и с планированием второй атаки Королевских ВВС на Дрезден, было учтено отклонение и цель обозначена в самом дальнем конце объекта атаки, который для Вупперталя находился в самом центре Вупперталя (Бармена). Поэтому направленному соединению из 719 бомбардировщиков было дано указание пересечь город по курсу в 69 градусов, и этот маршрут выведет главные силы бомбардировщиков через весь «двойной» город, бомбы разрушат всю территорию города. Таков был план атаки.

Однако в данном случае зенитки Вупперталя молчали, и в отсутствие огня противовоздушной обороны в первые несколько минут бомбовый груз всей своей концентрированной мощью обрушился в районе намеченной цели в Вупперталь (Бармен). Это следует из донесений операторов германской противовоздушной обороны о том, что, хотя зенитки ПВО города и были полностью готовы вести огонь по приближающемуся строю бомбардировщиков, они не ожидали, что атака придется на Вупперталь, поэтому не отдали приказ зениткам открыть огонь, с тем чтобы не выдать

местонахождение города. Но, поскольку сэр Артур Харрис во время этой атаки принял меры предосторожности, при которых основной удар обозначивался волной самолетов-поджигателей — стратегия сродни той, что применялась люфтваффе при атаке на Ковентри в ноябре 1940 года, — результатом стало то, что все экипажи, в отсутствие достаточно сильного огня зенитных орудий и при том условии, что цель обозначивалась не только красными огнями «Гобоя», но и средоточием ярких вспышек зажигательных бомб, смогли добиться высокой степени концентрации бомбового удара. Было сброшено 1895,3 тонны зажигательных и фугасных бомб. При этом обнаружилось, что более 475 экипажей самолетов сбросили бомбовый груз в пределах 5 километров от объекта бомбардировки, в самом центре Вупперталя (Бармен). Были сбиты 33 самолета, 71 получил повреждения.

Вупперталь (Элберфельд) при отсутствии средств ПВО остался совершенно невредимым, если не считать выбитых стекол. Командованию бомбардировочной авиации пришлось вернуться к нему через месяц, чтобы накрыть бомбежкой и западный конец «двойного» города. В отсутствие наземной ПВО во многом сходную картину можно было наблюдать и в Дрездене, где точно так же, как и в Вуппертале, огромное пространство было охвачено огнем в результате предварительной атаки самолетов-поджигателей.

Промышленное производство Вупперталя было отброшено на 52 дня, по сравнению с 32 днями в Ковентри. Число унесенных жизней, вопреки утверждениям профессора Блэкетта, что оно будет пропорционально потерям промышленных мощностей, на самом деле оказалось большим. Во время первой атаки на Вупперталь (Бармен) было убито 2450 человек (в Ковентри убитых, согласно списку, было 380). После второй атаки месяц спустя на Эльберфельд общее число погибших в Вуппертале составило 5200 человек.

Однако это был первый авиарейд, приведший к жертвам среди гражданского населения в столь широком масштабе в районе наступательных операций, и в качестве такового он привлек внимание военных вождей Германии. Даже в Лондоне раздавался ропот тех, кто был потрясен, увидев в прессе фотографии разрушений в Вуппертале. В газете «Таймс» за 31 мая лидер страны признавал неизбежность жертв среди гражданского населения и выражал сожаление по этому

поводу, при всей точности бомбардировок союзниками военных объектов и высочайшей точности Королевских ВВС. Он напомнил тем, кто, несмотря ни на что, не удержится от соблазна поставить под вопрос необходимость этого, очевидно, варварского применения бомбардировщиков, о том, что «оно не ставилось под вопрос в Германии или Италии, когда силы люфтваффе были брошены на беззащитный Роттердам в 1940 году и погибли многие тысячи гражданских лиц — мужчин, женщин и детей». Для Германии колесо истории сделало полный оборот.

Этот подход не оказался, как можно было ожидать, непревзойденным в Германии, судя по речи верховного комиссара по вопросам обороны — официального главы всех гаулейтеров по округам с 16 ноября 1942 года — доктора Геббельса, с которой он обратился к присутствующим на массовой траурной церемонии, устроенной в Вуппертале 18 июня 1943 года. «Этот вид воздушного терроризма является продуктом больного ума диктаторов — разрушителей мира, — заявил он. — Длинная цепь человеческих страданий во всех германских городах, вызванная налетами авиации союзников, породила свидетелей против них и их жестоких и трусливых лидеров — начиная от убийства немецких детей во Фрайбурге 10 мая 1940 года и до событий сегодняшнего дня».

Так же как немецкий авианалет на Роттердам стал все чаще фигурировать в заявлениях союзников, так и немцы все чаще и чаще апеллировали к загадочному авиарейду на Фрейбург. Они даже упомянули о нем в опубликованной в 1943 году «Белой книге» как о начале бомбовых атак британцев и французов. Однако, как стало известно германскому фюреру, его рейхсминистру авиации и самому доктору Геббельсу, три бомбардировщика, которые бомбили Фрейбург ближе к вечеру 10 мая 1940 года, в результате чего погибли 57 мирных жителей, в том числе и дети, были немецкие «Хейнкели-111». Они были посланы с авиабазы бомбардировщиков в Лехельде, под Мюнхеном, чтобы бомбить аэродром истребителей в Дижоне, во Франции, но заблудились при сильной облачности и атаковали Доле неподалеку от Дижона, намеченный как второстепенная цель. Фактически бомбы упали на Фрейбург. Начальник полиции сверил серийные номера на бомбовых осколках, собрал данные, касающиеся неразорвавшихся бомб, и убедительно доказал, что они взяты из ящика

с немецкими бомбами, которые первоначально поступили на аэродром в Лехельде. Это была ошибка, которую мог совершить любой боевой экипаж в суматохе своей первой операции. Но, прежде чем миновали шесть военных лет, от воздушных налетов в Германии погибли более 635 тысяч мирных граждан, и винить за это им приходится только своих вождей.

Глава 3
ОГНЕННЫЙ СМЕРЧ

Битва за Гамбург, которая началась 24 июля 1943 года, была важна не только потому, что ей сопутствовал первый огненный смерч в истории Второй мировой войны — в ночь атаки Королевских ВВС с 27 на 28 июля 1943 года, — но и потому, что она ясно показала, насколько город, в котором приняты самые строгие меры противовоздушной обороны, не был неуязвим для массированных налетов самолетов-поджигателей. Наземные средства ПВО были не в состоянии помешать штурманам-бомбардирам сбросить бомбовый груз точно в радиусе намеченной цели. Правда, во время битвы за Гамбург использовалась простая техника «окна» — разбрасывания в большом количестве полос фольги длиной 27 сантиметров, которые успешно забили помехами немецкие радиолокационные станции наведения зениток «Вюрцбург».

Поэтому во время первых авианалетов на город в ходе битвы за Гамбург объект опять, фактически, остался без наземной обороны и его постигла еще более тяжелая участь, чем Вуппераль. За четыре основных рейда на город была сброшена 7931 тонна бомб, и почти половина из них — зажигательные. И хотя город был прекрасно подготовлен к крупномасштабным авианалетам, катастрофы избежать не удалось.

В первые годы войны меры предосторожности против воздушных налетов были доведены в Гамбурге до уровня, которого не знали другие немецкие города. Ко времени битвы за Гамбург 61 297 из 79 907 зданий с подвальными этажами в Большом Гамбурге были укреплены подпорками и защищены от осколков. Однако другие здания, которых насчитывалось 42 421, в основном в наиболее подверженных подтоплению районах города, не имели водонепроницаемого фундамента и легко могли быть затоплены. Для этих районов была задействована дорогостоящая программа возведения бомбоубежищ и бункеров. В соответствии с программой фюрера по строительству бомбоубежищ в августе 1940 года была создана сотовая сеть ходов, соединявших друг с другом соседние подвалы. К 1941 году эта работа была практически завершена.

Были использованы все методы сохранения запасов воды на случай чрезвычайных ситуаций: бассейны, накопители дождевой воды, даже погреба разбомбленных городов были затоплены водой и приготовлены для использования в экстраординарных случаях. Маскировка основных очертаний города также шла полным ходом: очертания озер Альстер были изменены, создан макет железнодорожного моста Ломбардсбрюке в нескольких сотнях метров от настоящего. Был полностью замаскирован Центральный железнодорожный вокзал, а в начале 1943 года при помощи специальных дымометов создана дымовая завеса вокруг баз подводных лодок.

В этот период специалисты по пожарной безопасности советовали очистить чердаки, сделать огнеупорные потолки в зданиях коммерческих и промышленных предприятий, а в последние месяцы 1942 года рекомендовали тщательно обрабатывать химическими веществами, предохраняющими древесину от воспламенения и самостоятельного горения, стропила и обрешетку крыш.

Какими бы хитроумными ни были эти меры предосторожности и какой бы основательной ни была предусмотрительность отцов города в продвижении этих инициатив, а также несмотря на меры противовоздушной обороны, все было обречено на разрушение под ударами трех жесточайших авианалетов на Гамбург. Четвертый был совершен 2–3 августа 1943 года при почти немыслимых погодных условиях, так что не удалось достичь никакой степени необходимой концентрации. Первый авианалет привел к сильнейшим пожарам, которые не удалось ликвидировать даже за сутки; ситуацию осложняло то, что жители Гамбурга, следуя совету городских руководителей, предусмотрительно накопили большие запасы топлива на зиму в своих погребах, и, когда загорелись дрова и уголь, их не так просто было потушить. В довершение к этому огнем было уничтожено полицейское управление и пункт управления противовоздушной обороны. Впрочем, на контроль за ситуацией это не повлияло, и быстрая передача функций дежурным службы безопасности была обеспечена. Хотя телефонная связь прервалась, ее функции сразу же взяли на себя курьеры на мотоциклах. К тому времени, когда прозвучал отбой воздушной тревоги в конце первого налета, погибло 1555 жителей, однако худшее ожидало впереди.

> «Продолжение первого налета при свете дня и рейдов до утра 27 июля выявили намерения противника, — докладывал генерал-майор СС Керл, который возглавлял гамбургскую службу противовоздушной обороны. — Когда в пятый раз прозвучал сигнал тревоги в ночь с 27 на 28 июля 1943 года, мы не были удивлены, но мощь авианалета превзошла даже наши ожидания».

К тому времени, когда прозвучал отбой воздушной тревоги, то есть к 2.40 ночи, было уже сброшено 2382 тонны бомб. В связи с этим интересно отметить, что во время двух рейдов на Дрезден самолетов Королевских ВВС, направленных командованием бомбардировочной авиации, было сброшено 2978 тонн бомб, а затем еще 771 тонну сбросили американские «Летающие крепости» в ходе третьего удара десятью часами позднее. Однако на Гамбург было сброшено большое число бомб с жидким наполнителем, вследствие чего пламенем были охвачены не только чердаки и верхние этажи, которые, как мы знаем, были специально сделаны огнеупорными, но и нижние части зданий. Из сброшенных на Гамбург, как утверждалось, 969 тонн зажигательных веществ доля зажигательных авиабомб была значительно выше во время этого второго массированного налета, чем до этого: через сорок минут после часа «Ч» было признано, что начался первый огненный смерч. Кроме того, параллельно тройному удару по Дрездену множество бомб упало на наиболее плотно застроенный и густонаселенный район Гамбурга. В Гамбурге проживало 427 637 жителей, не считая тысяч беженцев, которые попали в город, спасаясь от бомбежек, которым за три ночи до этого подвергся район, где они жили раньше.

Именно во время этого второго массированного рейда бомбардировочной авиации на Гамбург было зафиксировано самое большое число жертв среди населения в четырех районах Гамбурга, где прошел огненный смерч, — Ротенбургсорте, Хаммербруке, Боргефельде и Южном Хамме. Ужасная статистика смертей там среди мирного населения выражалась в процентном отношении соответственно как 36,15, 20,10, 16,05 и 37,65 %. За все время битвы, как докладывал глава полицейского ведомства 1 декабря 1943 года, официально зафиксированное общее число погибших составило

31 647, из которых 15 802 удалось опознать сразу (6072 мужчины, 7995 женщин и 1735 детей). Эти цифры нельзя было считать окончательными данными о людских потерях в Гамбурге, поскольку центр города все еще оставался в руинах.

В конце 1945 года в исследовании стратегических бомбардировок США «Подробный анализ последствий воздушных бомбардировок Гамбурга» приводилась уточненная цифра — 42 600 убитых и 37 000 тяжело раненных. В гамбургском журнале «Статистишес ландесамт», на основании изучения окончательных данных по количеству пропавших без вести, общее число погибших в битве за Гамбург оценивалось более чем в 50 тысяч. К сожалению, ни один из этих авторитетных источников не дает оценку жертв среди военного персонала в Гамбурге. С большой долей вероятности можно предположить, что она выражается приблизительной цифрой тысяча убитых.

Битва за Гамбург внесла весомый вклад в достижение цели, поставленной в принятой в Касабланке директиве о «последовательном разрушении и выведении из строя экономики и индустриального комплекса Германии», и ко времени, когда последний отбой воздушной тревоги эхом прозвучал в утренние часы 3 августа 1943 года, в перерывах между ними британские налеты отняли жизни 50 тысяч мирных граждан. Эта цифра незначительно отличается от цифры 51 509, которая была дана в качестве самой достоверной оценки общего числа погибших от бомбардировок Великобритании. Когда спасательные команды, наконец, расчистили себе путь к наглухо замурованным бункерам и убежищам, прошло несколько недель, и от их обитателей ничего не осталось. В одном бункере обнаружили лишь мягкий волнистый слой пепла, по которому врачи могли определить примерное число жертв — их было 250–300. Врачей часто привлекали к выполнению жутких заданий по установлению числа погибших, поскольку статистическое управление германского рейха вплоть до 31 января 1945 года самым тщательным образом составляло статистические таблицы и собирало данные. В этих бункерах была необычно высокая температура, что нашло подтверждение в сгустках расплавившегося металла, в который превратились кастрюли, сковородки и другая кухонная утварь, принесенная в убежища.

Задача по извлечению тел была возложена на службу спасения, состоявшую из следующих подразделений: пожарной части, организованной из местных пожарных бригад, в отличие от военизированного ополчения; службы восстановления поврежденных газовых магистралей, оборванных линий электропередачи и сети водоснабжения, а также выполнения опасных подрывных работ; медицинской службы, организованной германским Красным Крестом; службы дегазации для принятия контрмер во время газовых атак союзников; и, наконец, ветеринарной службы по уходу за раненым домашним скотом и домашними животными. Служба спасения и обеспечения блокировала мертвую зону площадью 6,4 квадратных километра, то есть всю область огненного смерча. Ведущие к ней улицы были перегорожены кирпичными кладками и колючей проволокой. Эта мера оказалась необходимой как из-за невероятно большого нагромождения тел на этой территории, так и из тех соображений, что восстановительные работы на виду у населения могли привести к подрыву морального духа.

Были разрушены 183 из 524 крупных и 4118 из 9068 более мелких заводов, повреждены 580 промышленных предприятий, выведены из строя все транспортные системы и разрушено 414 500 домов и 12 мостов. В порту были потоплены суда общим водоизмещением около 180 тысяч тонн.

Министр вооружения и боеприпасов рейха Альберт Шпеер сказал Гитлеру сразу же после авианалета, что, если подобным образом будут разрушены еще шесть крупных германских городов, он будет не в состоянии поддерживать работоспособным производство вооружений. Однако на допросе в мае 1945 года он заявил, что недооценил потенциальные возможности восстановления.

Маршал авиации Беннет писал в своих мемуарах: «К сожалению, похоже, никто не осознавал, что одержана великая победа, и, конечно, никому не приходило в голову, какой эффект она произвела на немцев в то время. Это была не реализованная нами возможность. Какими бы ни были шансы на успех, они, конечно, стоили того, чтобы попытаться их реализовать, если это подрывало моральный дух немцев при соответствующих политических шагах».

Но главным среди всех этих рассуждений о том, что происходило, было заявление сэра Артура Харриса, который сказал тогда, что не

может сразу за катастрофическим для Гамбурга авианалетом проделать то же самое с шестью другими крупными городами.

Этот первый крупный успех командования бомбардировочной авиации Королевских ВВС, подвергнувшей бомбежке единственный крупный германский промышленный город, стал возможным во многом благодаря тому, что системы противовоздушной обороны немцев, как наземные, так и с использованием истребителей, удалось парализовать с помощью системы «окно». Вторым крупным успехом, когда опять был вызван «огненный смерч» в огромном промышленном центре, стал налет в ночь с 22 на 23 октября 1943 года на Кассель — центр танковой промышленности и производства локомотивов. В данном случае нейтрализовать оборону немцев удалось не благодаря постановке помех, а сочетанием принципа отвлекающего рейда — который применялся все чаще и чаще в ударах с воздуха со времени битвы за Гамбург — и совершенно новой тактики уловок под кодовым названием «корона». Хорошо подготовленный, говорящий по-немецки персонал передавал по радио сообщения из пункта перехвата в Кингсдаун, графство Кент. Эти специалисты передавали ложные указания постоянно растущим силам истребительной авиации немцев, откладывая вылеты самолетов или даже заставляя их реагировать на отвлекающую атаку, выдавая ее за нанесение главного ночного удара. Второстепенной обязанностью радиовещателей «короны» была передача неверной информации о погоде для ночных истребителей немцев. Это заставляло их совершать посадку и рассредотачиваться.

В ночь на 22 октября атака основных сил на Кассель была назначена на 20.45, в то время как на 20.40 вечера был назначен ложный налет на Франкфурт-на-Майне. С помощью умелого использования системы «корона» бомбардировщики смогли нанести концентрированный удар по городу, фактически лишенному защиты ночной истребительной авиации. И только когда город уже был охвачен огнем от первой волны авианалета, ночные истребители вернулись после бесполезного вылета во Франкфурт, а к тому времени атаку уже было не остановить. Еще в 20.35 зенитчикам сообщили, что «наиболее вероятной целью» был Франкфурт, а когда в 20.38 поступило донесение о том, что Франкфурт атакован, зенитным подразделениям Касселя дали отбой воздушной тревоги.

Всего 1823,7 тонны бомб было сброшено на Кассель в ту ночь, и из 444 бомбардировщиков по меньшей мере 380 должны были нанести удары в радиусе 5 километров от избранной цели. В течение 30 минут времени «Ч» разразился второй огненный смерч для Германии. И опять выведение из строя телефонной связи возвестило о несчастье, причиной которого мог быть только огненный смерч.

Согласно предварительным донесениям об ущербе, нанесенном авиарейдом, было полностью разрушено 26 782 дома, при этом 120 тысяч человек остались без крыши над головой. Забегая вперед, для сравнения отметим, что вызвавший огненную бурю авианалет на Дрезден разрушил 75 358 домов. В заключительном докладе начальника полиции 7 декабря 1943 года говорится, что 6 процентов всех домов уже не были пригодны для жилья. В числе поврежденных и разрушенных зданий были 155 торговых и промышленных учреждений и 16 военных и полицейских казарм. Однако рейд на Кассель послужил классическим примером теории, лежащей в основе атаки района, в цепной реакции дезорганизации, которая сначала парализовала работу коммунальных служб города, а затем остановила работу и неповрежденных заводов. Город снабжался электричеством с одной стороны от городской электростанции, а с другой — от электростанции Лоссе. Первая была уничтожена, последняя остановлена после разрушения угольного конвейера. Во всяком случае, городская энергетическая низковольтная система вышла из строя. При этом, несмотря на то что с потерей только трех газгольдеров сама по себе система подачи газа не была подорвана и газопроводы могли быть восстановлены, без электричества, необходимого для работы оборудования газопроводов, весь промышленный район Касселя остался без газоснабжения. Подобным же образом, невзирая на то что водонасосные пожарные станции сами по себе повреждены не были, без электроэнергии их работа была парализована. Без газа, воды и электроэнергии, тяжелая промышленность Касселя оказалась обескровленной.

В Касселе разразился огненный смерч, по масштабам приближающийся к тому, что обрушился на Гамбург, однако число погибших по представленному списку было на удивление небольшим — 8 тысяч человек. Вообще говоря, в первоначальном отчете от 30 ноября приводилась предварительная цифра 5599 убитых,

а ко времени появления доклада начальника полиции шесть дней спустя эта цифра возросла до 5830 погибших, 4012 из которых были опознаны. Сюда же входили 150 человек из личного состава воинских частей (были ли эти люди в отпуске или при исполнении служебных обязанностей, не указывалось) и девять полицейских из частей ПВО. 30 октября 1944 года директор локомотивостроительного завода Хеншеля писал в своем докладе, что общее число погибших, согласно списку по Касселю, составило почти 8 тысяч человек. Нет определенности в том, откуда он взял эту информацию. В появившемся в 1945 году в США исследовании результатов бомбардировок приводилась цифра 5248, что ниже любых германских оценок. Население города составляло 228 тысяч жителей.

В Гамбурге в списке погибших значилось от 43 до 50 тысяч человек, а в Дрездене их число оказалось вдвое большим. Возникает вопрос, как Кассель, с его известным своей беспомощностью гаулейтером Вайнрихом, смог избежать трагической судьбы двух других испытавших огненную бурю городов. Ответ, вероятнее всего, можно найти в том, что во всем городе были приняты строгие меры предосторожности в области противовоздушной обороны. Так, вскоре после победы национал-социалистов на выборах в 1933 году была задействована программа сноса ветхих домов, чтобы на окраинах освободить широкие пути для эвакуации на случай пожара в городе. И это было сделано, подчеркиваем, даже еще до того, как началась война. Опять же положительным следствием этого во время известного авианалета на дамбы Рура в ночь с 16 на 17 мая 1943 года, а также более поздних рейдов ВВС США на Кассель было то, что центр города, частично затопленный из-за разрушенной дамбы Эдера, был эвакуирован. Остались только 25 тысяч необходимых для выполнения работ жителей, и для них были возведены большие бетонные бункеры.

Подобно Гамбургу, Кассель был оснащен широкой независимой системой пожарных кранов, а обработанные химическим огнеупорным составом кровельные доски проявили себя настолько хорошо, что даже во время вызвавшего огненный смерч авианалета зажигательные бомбы во многих случаях на окраинах Касселя сгорали на деревянной кровле, не поджигая ее. Это было, конечно, важным фактором предотвращения распространения огня. В дополнение к химическим средствам защиты от огня домовладельцы Касселя должны были,

подобно всем прочим, согласно наспех принятому Положению о мерах предосторожности от воздушных налетов от 31 августа 1943 года, иметь в каждом доме огнетушители, багры, веревки, лестницы, аптечки, кувалды, ведра, кадки для воды, ящики и бумажные мешки с песком, лопаты, заступы, молотки или топоры. Все это оказалось как нельзя кстати в ночь с 22 на 23 октября 1943 года.

Опять же весьма предусмотрительно были заготовлены кучи песка для устройства песчаных насыпей поперек дорог и улиц: ожидалось, что асфальт расплавится от жара.

Тем не менее, несмотря на все эти предосторожности, несмотря на строгое соблюдение населением всех правил и директив, изданных ответственными за противовоздушную оборону, число унесенных пожарами в ту ночь жизней составило солидную цифру — более 5 тысяч погибших. Из погибших в общей сложности 70 процентов умерли от удушья, большая часть из них отравилась парами угарного газа. Фактически так много людей погибли от отравления, что их тела приобрели яркие оттенки голубого, оранжевого и зеленого цветов. Поэтому сначала подумали, что Королевские ВВС во время этого налета впервые применили бомбы с отравляющим газом. Были даже приняты меры для адекватного ответа. Но проведенные немецкими врачами вскрытия опровергли это обвинение, и наступательные действия авиации избежали нового развития по пути эскалации ненависти (см. приложение 1).

Пятнадцать процентов встретили еще более ужасную смерть. Остальные, совершенно обуглившиеся, не подвергались исследованию.

Принимая во внимание наличие значительного количества неопознанных жертв, с одной стороны, и пропавших без вести — с другой, городские власти учредили бюро пропавших без вести, в которое в течение нескольких дней был набран штат в количестве от 150 до 200 сотрудников.

Глава полицейского ведомства в своем докладе выразил тревогу по поводу многочисленных новых смертей от удушья, хотя большей частью люди тихо умирали, впадая в бессознательное состояние и в конце концов переходя к смерти спокойно, без конвульсий. Это стало, по его мнению, неизбежным следствием установки, которая «вбивалась в головы» в первые три года войны, о том, что самое

безопасное место во время воздушных налетов — бомбоубежища. И только с начала битвы за Гамбург были сделаны попытки противостоять этому роковому совету.

Многие из оказавшихся в числе жертв, по-видимому, всеми способами стремились покинуть свои убежища, но упустили для этого благоприятный момент. Таким подходящим моментом во время авиарейда на Кассель мог бы быть сорокаминутный промежуток времени после того, как были подняты вопросы этического порядка по поводу ночных бомбардировок района, а огненный смерч еще только начинался. Так объяснял ситуацию глава полицейского управления, добавляя: «Нетрудно понять, что у многих людей, особенно представителей старшего поколения, а также у женщин и детей, не хватило духу покинуть убежища в момент, когда бомбардировки все еще набирали силу. Все это свидетельствует, — заключает он, — о настоятельной необходимости инструктировать людей намного более убедительно, чем это делалось до сих пор относительно того, насколько для людей жизненно важно эвакуироваться из убежищ и бункеров даже в условиях разрастания больших пожаров, если они находятся в опасном районе. Тут нет места озабоченности тем, что слишком явная картина всего ужаса огненной бури может деморализовать гражданское население…»

Эта точка зрения заметно отличается от жесткой линии министра пропаганды рейха доктора Геббельса, на совести которого, можно сказать, большая часть из списка погибших в последовавшем огненном смерче в Германии. Через несколько дней после своего выступления с речью в Вуппертале (Бармене) в июне он неофициально объявлял: «Если бы я мог наглухо закрыть Рур, если бы не было таких вещей, как письма или телефоны, я бы не позволил опубликовать ни слова о воздушной атаке. Ни одного слова!»

Так что для многих жителей Касселя, так же как и для жителей Дармштадта, Брунсвика и, наконец, Дрездена, первым испытанием, которое они пережили в огненном смерче и пожарищах, настолько сильных, как в случае с Касселем, что с ними не могли справиться 300 пожарных команд, оказалось осознание, что падают бомбы, и они находятся в самом центре огненного смерча в своем собственном городе.

По мере приближения зимы 1943 года силы, которые объединились, чтобы противостоять силам командования бомбардировочной авиации, не были полностью в подчинении дивизий зенитчиков и истребительной авиации, а дебаты относительно этических проблем в связи с ночными бомбардировками района возникали как в самом правительстве, так и вне его. Публичные заявления правительства, как мы видели, делались для того, чтобы умиротворить беспокойные умы. Когда в бюллетене новостей Би-би-си в мае 1942 года передали, что многочисленные жилища рабочих были уничтожены во время налетов на Росток в 1942 году, независимый член парламента от лейбористов спросил министра авиации, были ли Королевские ВВС проинструктированы, что их задача — «создать немцам трудности и дезорганизовать их силы разрушением жилищ рабочих?». И хотя этот вопрос был задан через пять недель после того, как были приняты заметки Линдемана, о которых речь шла выше, и хотя прошло десять недель с того времени, как сэр Чарльз Портал дал указания, что намеченными целями командования бомбардировочной авиации должны были стать «районы застроек, а не, к примеру, упомянутые здесь доки или авиационные заводы», сэр Арчибальд Синклер посчитал правомерным ответить, что «не было дано никаких указаний на то, чтобы уничтожать дома рабочих, а не военные заводы».

Подобным же образом, когда 31 марта 1943 года в самом разгаре битвы за Рур Р. Стоукс, член парламента от лейбористов города Ипсуич, активист со стажем кампаний против воздушных атак территорий, спросил, были ли британские летчики проинструктированы «вести бомбардировки районов, а не ограничиваться исключительно военными объектами», Синклер ответил, что «объекты командования бомбардировочной авиации всегда военные». Синклеру должно было быть известно к этому времени, так же как любому из тысяч военнослужащих личного состава командования, точное расположение четко обозначенных крестиками целей на картах летных экипажей, но, как он объяснял сэру Чарльзу Порталу в записке, отправленной 28 октября 1943 года, только таким образом он мог удовлетворить любопытство архиепископа Кентерберийского, председательствующего церковного суда шотландской церкви и других видных религиозных лидеров. Они,

зная правду и осуждая сплошные бомбардировки территорий, несомненно, могли бы вызвать упадок морального духа экипажей бомбардировщиков и тем самым снизить эффективность бомбардировок. Это объяснение удовлетворило начальника штаба ВВС, но не сэра Артура Харриса и, конечно, не сэра Роберта Сондби. Оба они были ярыми противниками лицемерия и твердо верили в правомерность воздушных атак районов. Харрису даже пришлось указать на то, что постоянное отрицание правительством факта осуществления каких-либо бомбардировок территорий может оказаться столь же опрометчивым: у летных экипажей может сформироваться личное впечатление, что их заставляют совершать поступки, за которые стыдно министерству авиации. Были или нет аморальными эти затянувшиеся воздушные атаки против гражданского населения в Германии, сэр Артур Харрис никогда не боялся объявить миру как о своих намерениях, так и о своих методах. Нередко это вызывало сильное замешательство в министерстве авиации, как тогда, когда он объявил, что его злосчастная битва за Берлин будет продолжаться до тех пор, «пока сердце нацистской Германии не остановится».

В более поздний период войны к этой аргументации присоединился капеллан Королевских ВВС в штабе командования бомбардировочной авиации в Хай-Уайкомб — каноник Л. Дж. Коллинз. Он был родственником по жене сэра Артура Харриса и назначен на должность капеллана при командовании в сентябре 1944 года. Он организовал там работу активно посещаемого кружка христианского братства.

В конце 1944 года, когда эти внутренние разногласия приближались к пику, он счел необходимым организовать под эгидой этого кружка цикл политических лекций на темы морали для высших офицеров командования бомбардировочной авиации. Одну из первых лекций по предложению самого Коллинза прочитал министр авиационной промышленности и блюститель христианской морали Стэффорд Криппс. Главнокомандующий Сэр Артур Харрис отказался присутствовать лично и назначил своего заместителя сэра Роберта Сондби принимать гостей и председательствовать на этом собрании в конференц-зале штаба авиационного командования.

Министр авиационной промышленности считал неудачной тему «Бог — мой пилот» своей послеобеденной лекции, на которой присутствовали около сотни старших офицеров и командиров. Он красноречиво акцентировал внимание на том, что ответственные за операцию по проведению бомбардировок в Германии, как в правительстве, так и в командовании бомбардировочной авиации, должны всегда быть уверены в том, что они являются неотъемлемой частью их военных замыслов. «Даже когда вы участвуете в совершении злонамеренных актов, — настаивал он, — Бог всегда смотрит из-за вашего плеча». Для ведущего политика это скрытое осуждение методов командования в разгар одной из самых жестоких воздушных атак было бы примечательным; но принятие такой явно предвзятой точки зрения министром авиационной промышленности для большинства присутствовавших офицеров оказалось за пределами допустимого. Последовала жаркая дискуссия. С командиром авиационного крыла органа руководства, который простодушно спросил, следует ли им считать на основании лекции Криппса, что он не очень верит в доктрину бомбардировок сэра Артура Харриса, Криппс повел себя, как королевский адвокат со свидетелем противной стороны. Этот офицер, вспоминает Сондби, был подвергнут осмеянию и испытал презрительное к себе отношение. Собрание уже превращалось в грубую словесную перебранку, когда один офицер спросил, не является ли явное неприятие Криппсом воздушных атак в отношении Германии объяснением очевидного отсутствия достижений на посту министра авиационной промышленности и не потому ли слишком часто министерство отказывало командованию при заключении сделок.

Прежде чем Стэффорд Криппс успел ответить, из-за организационного превосходства командование бомбардировочной авиации опять перехитрило противника, даже несмотря на то, что тот перехватил инициативу. Сэр Роберт Сондби, который фактически был офицером ВВС, изначально разработавшим блестяще проявившую себя обманную стратегию «корона», нажал под столом потайную кнопку звонка, и тут же появился офицер метеорологической службы с непроницаемым лицом, который стал демонстративно докладывать последнюю «метеорологическую сводку». В ней прогнозировался «сильный туман» в Глостершире, куда министр должен был

отправиться в тот же вечер. Доклад, конечно, последовал в подходящий момент, но ничего не подозревавший министр авиационной промышленности заспешил домой. В тот вечер среди присутствующих, конечно, было немало офицеров, прекрасно знавших о существовании и применении «короны». К чести командования, никто из них не выдал секрет неожиданного веселья.

Сэр Артур Харрис был, естественно, расстроен происшедшим, даже несмотря на то, что вовремя появившийся доклад о тумане не дал еще больше испортиться отношениям с министерством авиационной промышленности. Позднее он попытался компенсировать вред, который, как он полагал, был причинен Криппсом, пригласив своего личного помощника Т. Уэлдона, преподавателя философии морали в колледже Магдалины в Оксфорде, чтобы прочитать лекцию «Этика бомбардировок» для старших офицеров. Эта лекция была, как вспоминает Сондби, почти столь же туманной, как и у Криппса. Ее только оживил в конце каноник Коллинз своим невинным вопросом, не ошибся ли он, полагая, что лекция называется «Бомбардировка этики».

Публичные обмены мнениями к концу 1943 года едва ли стали менее оживленными, разве что менее назидательными, чем те, которые происходили за колючей проволокой и бетонными сооружениями командования бомбардировочной авиации. 1 декабря господин Стоукс сделал последнюю до 1945 года попытку после дрезденской трагедии добиться от Синклера признания того, что доктрина сплошных бомбардировок районов была одобрена. Он потребовал объяснить, действительно ли цели для ночных бомбардировщиков были «изменены на бомбардировку городов и обширных территорий, на которых располагаются объекты военного назначения?» Сэру Арчибальду Синклеру пришлось уклониться от прямого ответа, и, повторяя то, что уже говорил 31 марта, он заверил, что «никаких изменений доктрины не произошло». Доктрина командования бомбардировочной авиации действительно не претерпела изменений, но господин Стоукс, не удовлетворенный туманным ответом, настаивал на ответе на свой вопрос и потребовал объяснить, «можно ли говорить о том, что, по всей вероятности, минимальная территория цели теперь составляет шестнадцать квадратных миль? Скорее с сарказмом, чем объективно, министр авиации ответил, что его

досточтимый друг, должно быть, не услышал его ответа: „Я сказал, изменений в доктрине не произошло“».

Когда господин Стоукс со своей поразительной настойчивостью потребовал сообщить ему площадь, в квадратных милях, района, подвергшегося ударам 350 бомб типа «блокбастер», таких же, которые недавно были сброшены на Берлин, ему сообщили, что едва ли на этот вопрос можно ответить, не выдавая важную информацию врагу.

Стоукс: «Ответ настолько неподходящий, что правительство не осмеливается дать его?»

А. Синклер: «Нет, сэр. Берлин — узел двенадцати стратегических железных дорог, второй крупнейший порт в Европе; он связан со всей системой каналов Германии. В городе находятся: Всеобщая компания электричества, предприятия „Сименс“, „Фокке-Вульф“, „Хейнкель“ и „Дорнье“, и если бы мне было позволено выбрать только одну цель в Германии, то той целью был бы Берлин».

Стоукс: «Не признает ли мой досточтимый друг своим ответом, что правительство теперь прибегает к бомбардировкам без разбора, в том числе жилых районов?»

А. Синклер: «Досточтимый джентльмен неисправим. Я упомянул ряд жизненно важных военных объектов».

Эмануэль Шинвелл между тем заметил, что приветствовал бы усилия правительства ее величества к скорейшему завершению войны, и мнение, что любые меры, которые приблизят конец войны, морально оправданы, к концу дебатов возобладало. И когда церковь в лице доктора Белла, епископа Чичестера, все-таки выразила в начале февраля 1944 года резкий протест против воздушных атак — он узнал об ужасной участи Гамбурга и других крупных городов из независимых источников, когда был в Швеции, — общественное мнение отказывалось воспринимать его всерьез.

Глава 4
САБЛЯ И ДУБИНКА

Лето 1944 года выдало еще одну поучительную, если не сказать непреднамеренную демонстрацию теории атак районов, на этот раз германскими военно-воздушными силами; в июне начались атаки на Лондон оружием типа «Фау».

Их эффект был почти столь же немедленным, как и незапланированным. Операция «Арбалет» (кодовое название атак на пусковые площадки «Фау») стала дополнительной заботой и временами первоочередной задачей для сил бомбардировочной авиации. По интенсивности своих действий она конкурировала с ударами по целям, которыми были железные дороги Франции. Последнее было важным компонентом операции по высадке в Нормандии под названием «Оверлорд». Сорок процентов производства 500-килограммовых бомб было сосредоточено на заводах в районе Лондона, и атака оружием «Фау» вызвала столь значительные повреждения, что заметно повлияла на выпуск продукции. Эти бомбы сначала использовались для поражения точечных целей, что неблагоприятно влияло на план бомбардировки железных дорог. Этот план одно время был причиной спора между союзниками. В апреле премьер-министр выражал все большее беспокойство по поводу числа жертв среди гражданского населения Франции, которые повлечет за собой осуществление плана бомбардировки железных дорог, и в конце концов выразил протест Рузвельту. В ответ 11 мая Рузвельт сказал, что решение следует предоставить принимать военным командирам, и планы начали претворяться в жизнь без дальнейших протестов, хотя Эйзенхауэр предупредил летные экипажи, чтобы число жертв среди мирных жителей было сведено к минимуму.

Верховное командование англо-американских сил стратегической бомбардировочной авиации перешло от сэра Чарльза Портала к главнокомандующему, генералу Эйзенхауэру в апреле 1944 года в связи с назревшей необходимостью тесного взаимодействия между войсками в операции «Оверлорд». Согласно директиве, изданной 17 апреля 1944 года заместителем Эйзенхауэра Теддером, роль

командования бомбардировочной авиации была неопределенно обозначена как состоящая в том, чтобы «дезорганизовать германскую промышленность», которая могла интерпретироваться как полномочия для продолжения атак районов, в которые так твердо верил сэр Артур Харрис. Однако вместо этого, в ответ на пожелания Эйзенхауэра и Теддера, усилия сэра Артура Харриса были в первую очередь направлены на сотрудничество в рамках операции «Оверлорд», а потом уже на план удара по нефтяным объектам. Одним из ощутимых негативных факторов как следствие бомбардировок районов в этот период, возможно, были потери, которые несли экипажи самолетов, когда их, главным образом, посылали бомбить Берлин. Кульминацией этого стал авианалет в ночь с 30 на 31 марта, когда из 795 бомбардировщиков 95 не вернулись после атаки Нюрнберга.

На основании послевоенных исследований данных, полученных из трех различных источников, было выдвинуто предположение, что этот впечатляющий успех ночных истребителей в Нюрнберге стал следствием утечки информации с пункта командования бомбардировочной авиации. По крайней мере один военнопленный, допрашивавшийся в секретном пункте сбора и обработки донесений для летчиков союзников в Дулаг-Люфт, неподалеку от Франкфурта, узнал от главного офицера-дознавателя на следующий день после налета на Нюрнберг, что немцы знали, что Нюрнберг выбран целью ночных бомбардировок и что бомбардировщики должны были следовать, строго придерживаясь прямолинейного маршрута.

Таким образом, в эти летние месяцы командование бомбардировочной авиации не имело возможности провести бомбардировки территорий в масштабе, сравнимом с тем, который был характерен для больших сражений 1943 года. Плану ударов по нефтяным заводам уделялось все большее внимание в течение июня и июля, он стал высшим приоритетом, и, когда в июле была предпринята попытка подвергнуть серии массированных бомбардировок с воздуха один из германских городов, меры воздействия были опрометчиво забыты: ко времени третьего и заключительного авианалета, в данном случае на Штутгарт, на базах 3-й авиагруппы использовали даже бомбы, помеченные на снятие с вооружения до 1940 года. Их начинка состояла из взрывчатых веществ времен Первой мировой войны. Основная масса взрывчатых веществ, сброшенных во время этих

ведомых «следопытами» авиарейдов на Штутгарт, состояла из малых бомб общего назначения, непригодность которых еще за три года до этого доказал профессор Цукерман. Единственным новшеством было взятие на вооружение реактивных авиабомб, тридцатифунтовых реактивных бензиновых бомб, сконструированных так, что из них вырывается пламя на расстояние 10 метров.

Попытка повторить катастрофу Гамбурга в ходе серий авианалетов на Штутгарт потерпела полный провал; окруженный кольцом низколежащих холмов, город имел неконтрастный облик на панорамном радиолокационном прицеле ffiS. Расчет по времени не был четким, сосредоточение слабым, маркировка целей неясной; единственным значительным успехом в ходе атаки в ночь с 24 на 25 июля 1944 года, в первую годовщину битвы за Гамбург, было уничтожение оперативного пункта связи системы наблюдения, где погибли восемь офицеров и сорок девушек-диспетчеров люфтваффе. Провал атаки, которую осуществляли 614 бомбардировщиков, нашел свое отражение в небольшом числе убитых, отмеченных по списку. Начальник полиции доложил предварительно о 100 убитых, 200 пропавших без вести и 10 тысячах оставшихся без крова в результате атаки, длившейся 35 минут. Для полноты картины статистическое управление Штутгарта предоставило послевоенные данные: в результате трех авиарейдов 24, 25 и 28 июля 1944 года всего 898 человек было убито и 1916 — ранено.

Но спустя шесть недель, 12 сентября соединение всего из 217 «Ланкастеров» совершило такой массированный рейд в гораздо менее благоприятных условиях, что за 31 минуту после 22.59 вечера 971 человек был убит и 1600 получили ранения. Центральная часть города была полностью стерта с лица земли.

Заметное рассеивание сил в трех июльских авиарейдах по обозначаемым «следопытами» целям по сравнению с единственным более поздним сентябрьским налетом, в котором группа «следопытов» не играла непосредственной роли, было связано с двумя факторами. С одной стороны, первые три атаки проводились в то время, когда существовал запрет на применение бризантных взрывчатых веществ против германских городов. С другой стороны, последняя атака производилась 5-й бомбардировочной авиационной группой, для которой была характерна своя техника действий на малой высоте, в то

время как в первых трех рейдах бомбардировщики полагались на направляемые по радиопеленгу световые указатели цели 8-й группы «следопытов».

Успех этого штутгартского рейда как атаки по территории (5-я группа со своими 230 самолето-вылетами достигла значительно большего, чем было достигнуто всем командованием в июльский период с 1662 самолето-вылетами) стал мрачным предзнаменованием последующих ударов авиации по германским городам. Отличительная особенность блистательного и точного визуального обозначения целей на малой высоте шла вразрез со всеми доктринами, в которые верил командир «следопытов». В начале года он даже выражал протест, утверждая, что обозначение целей на малой высоте не имеет практического значения. «Практически невозможно распознавать по картам объекты, пролетая на малой высоте над плотно застроенными районами», — протестовал он, когда обсуждался план такого обозначения с пикирования целей в Берлине. За такое усердие сэр Артур Харрис лишил его первоклассных эскадрилей «Ланкастеров-83» и «Ланкастеров-97» и предоставил их вместе с 627-й эскадрильей («Москито») в распоряжение вице-маршала Ральфа Кохрэйна, командующего налетами 5-й авиационной группы, что вступало в силу с 6 апреля. На три эти эскадрильи были возложены важнейшие задачи по осуществлению первого из трех крупных авиарейдов на Дрезден в 1945 году.

Все три эскадрильи дебютировали в составе 5-й группы в первой атаке с визуальным обозначением целей на малой высоте на немецкий город в ночь с 24 на 25 апреля 1944 года. Объектом был Мюнхен, и в то время как основные силы из 260 «Ланкастеров» двигались своим маршрутом через Францию в направлении Южной Германии, а крупномасштабная отвлекающая атака на Карлсруэ приковывала к себе большую часть сил истребительной авиации, группа капитана Г. Л. Чешира в отчаянном пике на малой высоте, пересекая хорошо охраняемую сортировочную станцию Мюнхена, сбросила в самый ее центр маркировочную бомбу с огнями красного цвета за несколько минут до времени «Ч» (начала бомбежки). Три других «Москито» начали обозначение целей в то же самое время, получив от него приказ по радио метрового диапазона. Бомбардировка началась на минуту раньше и закончилась через двадцать девять минут. Было сброшено

663 тонны зажигательных и 490 тонн фугасных бомб, не менее 90 процентов из которых, по приблизительным оценкам, поразили цель.

Ложный заход на атаку в направлении Южной Франции, как видно, не обманул противовоздушную оборону: боевые порядки бомбардировщиков были засечены корпусом наблюдения в 23.55. Сигнал повышенной боевой готовности был дан в 12.31, а предупреждение об опасности воздушного нападения 28-й степени поступило четыре минуты спустя. Фактически зенитные батареи Мюнхена открыли огонь уже в 1.25, тогда как время «Ч» должно было наступить только через 20 минут: вероятно, они вели огонь по одиннадцати самолетам «Москито» 627-й эскадрильи, сбрасывавшим полоски металлизированной бумаги перед тем, как использовать главные силы указателей целей. И хотя в появившемся в 10 часов на следующий день докладе временной полиции относительно последствий авиарейда приводились данные о 30 убитых и 6 пропавших без вести (поразительно низкая цифра, которая позднее была подкорректирована, но лишь до 136 погибших), повреждения, причиненные городу, были впечатляющими. Сообщалось, что сильно пострадали электростанция, Восточный вокзал, сортировочные станции на Арнульфштрассе, главпочтамт и вокзал Лаймер. В числе разрушенных зданий оказались три армейские постройки, пять полицейских казарм и восемь казарм ПВО. Успех такого масштаба был следствием строго контролируемой атаки главных сил бомбардировщиков при точно выставленных указателях целей.

Идею использовать головной бомбардировщик над целью, чтобы направить бомбардировочные экипажи и вдохновить их, впервые предложил вице-маршал авиации Беннет 2 декабря 1942 года, когда послал командира эскадрильи С. П. Дэниэлса, одного из ведущих офицеров, руководить атакой на Франкфурт, но лишь со стандартным радиооборудованием для связи с основными силами. Все экипажи были проинструктированы прислушиваться к командам во время нахождения над заданным районом бомбометания, но многие докладывали во время опросов после рейда, что слышали только «невнятное бормотание», когда были над целью. К несчастью, погода в тот день была очень плохой, и атмосферные помехи сделали связь неэффективной. Тем не менее, это породило несправедливое отношение как к группе «следопытов», так и к командиру эскадрильи

Дэниэлсу. Так, официальные историки считали, что технические приемы головного бомбардировщика «впервые были применены командиром авиакрыла Гибсоном в рейдах на дамбы» или что атака на Пенемюнде была «первым случаем, в котором они [технические приемы] были использованы в крупной атаке». Власти Франкфурта не осознали того, что командование бомбардировочной авиации как раз намеревалось атаковать сам город, и не было зафиксировано, что бомбы сбрасывались вблизи городских границ. Однако в Дармштадте, в семнадцати километрах южнее, начальник полиции зафиксировал гибель четырех граждан в самом жестоком авианалете года. На этот эксперимент головного бомбардировщика не было никакого разрешения, и сэр Артур приказал Беннету не пытаться его повторить; риск был слишком очевиден. Однако, когда вице-маршал Кохрэйн, руководивший наступательными действиями 5-й группы, шесть месяцев спустя планировал рейд на дамбы Рура, Харрис не высказал никаких возражений против использования для связи высокочастотной радиоаппаратуры.

29 августа 1944 года атака, совершенная 5-й группой на Кенигсберг, положила начало вызвавшим огненные смерчи рейдам на Дармштадт, Брунсвик (Брауншвейг), Хайльбронн и, наконец, Дрезден. Теперь группа в основном действовала как независимое соединение со своими эскадрильями «следопытов», со своими самостоятельными метеорологическими вылетами, собственными самолетами-разведчиками, совершавшими облеты после рейдов, и, пожалуй, что важнее всего, с бомбардировщиками «Ланкастер» на вооружении. Для атаки на порт Кенигсберг была разработана новая техника «офсетного» маркирования целей и бомбометания. 189 «Ланкастеров» приблизились к цели с трех различных, заранее определенных направлений, в то время как два ранее вылетевших «Ланкастера» с целеуказателями красного цвета на борту распознавали и маркировали намеченную цель, конкретную железнодорожную сортировочную станцию. И хотя основные силы бомбардировщиков должны были выходить на цель по одному и тому же единому указателю, сближение под тремя различными углами и промахи, сопряженные со временем, стали результатом при атаке трех намеченных целей, что было равноценно всего одной успешно наведенной атаке. Это было немаловажным соображением, когда речь шла о такой хорошо

защищенной цели, как Кенигсберг, и особенно ценным с учетом того, что указатель цели находился с наветренной стороны от него и район атаки не заволакивало дымом от пожарищ. Из 480 тонн сброшенных бомб 345 приходилось на долю зажигательных, малых и мощных двухкилометровых термитных бомб. Бомбовый груз, который мог взять на борт каждый из «Ланкастеров», в данном случае был небольшим из-за того, что полет занимал одиннадцать часов и двадцать минут. Во время неудачной атаки Кенигсберга за три ночи до этого от группы требовалось сбросить серию реактивных бомб, и они оказались столь же неэффективными в балтийском порту, как и в Штутгарте за месяц до этого или в Дармштадте 25 августа.

Время «Ч» было намечено для Кенигсберга в 1.07 ночи 30 августа, но потребовалось 20 минут, прежде чем был удовлетворен командир авиакрыла на головном бомбардировщике, Дж. Вудрофф. Указания с головного бомбардировщика, переданные по радио на метровом диапазоне, были четкими и лаконичными, и к 1.52 ночи, когда упали последние бомбы, были стерты с лица земли 435 из 333 гектаров полностью застроенного района: 134 тысячи человек лишились домов, 21 процент промышленных зданий получили серьезные повреждения.

Когда 11 сентября для 5-й группы наступило время осуществить атаку на Дармштадт, было предпринято еще большее усовершенствование этой техники «офсетной бомбардировки». С точки зрения технического исполнения бомбардировки город представлял собой трудную мишень для атаки, поскольку промышленные районы были разбросаны на значительной территории на периферии протяженной жилой и коммерческой зоны центра. Трудно было попытаться нанести ущерб промышленным районам, заставляя бомбы ложиться вразброс вокруг заданной цели — а это было обычной практикой группы «следопытов», — и надеяться, что какие-нибудь из них затронут промышленные окраины. Это было бы пагубной тратой сил, особенно при небольшом числе бомбардировщиков.

Для многих немцев атака на Дармштадт стала неожиданностью. Сами они связывали очень низкий уровень ПВО и отсутствие противопожарного оборудования с непосредственной причиной большого числа жертв. Тут уместно было бы рассказать, как получилось, что атака на город вообще была осуществлена, поскольку

это служит достаточно наглядным примером того, какими могут быть источники информации, на которую опирались комиссии министерства авиации по выбору целей. В начале июня одна почтенная вдова, которая до войны жила в Дармштадте, а в 1938 году, подобно многим немцам, бежала от национал-социалистических преследований, оказалась в том же жилом квартале в Сербитоне, что и командир авиакрыла ВВС Великобритании, который тогда входил в комиссию по выбору целей. Она заметила ему, что незадолго до своего отъезда из Германии видела, что неподалеку от ее дома в Дармштадте строился крупный завод «по производству оптического оборудования для подводных лодок». Поэтому она спросила, как так получилось, что город не стал объектом крупной атаки Королевских ВВС. В то время как комиссия по выбору целей проявила определенный интерес к этому донесению, командира авиакрыла попросили расспросить более подробно о военных сооружениях или промышленных предприятиях по соседству.

Именно в результате итогового доклада комиссии по этому городу Дармштадт появился в еженедельном списке целей, составленном объединенной комиссией по целям стратегического значения, и командование бомбардировочной авиации получило указания нанести удар по этому городу. Однако Дармштадт в то время был не только центром химической промышленности и заводов оптических приборов, хотя об этом и не знало министерство авиации, но там также была школа по подготовке специалистов по «Фау-2».

Линейная атака, которую развивал вице-маршал авиации Кохрэйн, была особым образом связана с атакой на Дармштадт. На западных окраинах города находился знаменитый прямоугольный кавалерийский тренировочный плац, сооруженный на известковой почве и потому выглядящий подозрительно белым на аэрофотоснимках. Именно этот плац служил ориентиром для атаки. 627-я эскадрилья, лозунг которой звучал подходяще: «с первого взгляда» и летчики которой всегда, еще с Мюнхена отличались смелыми атаками на малой высоте с визуальным опознаванием целей, предоставила 14 «следопытов» «Москито» как для визуального указания целей, так и для подготовки бомбовых атак из пикирования отдельных отдаленных заводов. Командир авиакрыла Вудрофф и в этот раз был в головном бомбардировщике.

В 10.25 прозвучали сирены общей воздушной тревоги в Дармштадте. Служба оповещения проводного вещания передала предостережение: «Соединения тяжелых вражеских бомбардировщиков приближаются со стороны Оппенгейма на востоке и Гейдельберга на севере. Высокая степень опасности для Дармштадта».

В 23.25 вечера прозвучал сигнал воздушной тревоги. К 23.45 уже падали первые бомбы. С пожарных постов наблюдения сообщали, что не видно центра направления атаки. Наблюдатели оказались правы: 240 «Ланкастерам» было дано указание приблизиться к четко обозначенному плацу с двух различных направлений. Поэтому силы не только разделялись надвое, но каждой эскадрилье было приказано бомбить с различным отклонением над взятым ориентиром. Ожидаемым результатом было то, что атака по двум широким линиям распространится по городу в форме буквы «V» от западного ориентира, охватывая всю территорию города. Таким образом, предполагалось, что серии бомб покроют всю административную часть города и его жилые районы. Из 240 направленных «Ланкастеров» атаковали 234, сбросив 872 тонны бомб в течение сорока минут, в том числе 286 тысяч зажигательных бомб, и почти две сотни 2000-килограммовых «блокбастеров». И хотя линия слева частично отклонилась в сторону, операция в целом удалась и было ясно, что командованию бомбардировочной авиации никогда не потребуется вернуться к Дармштадту.

И снова доклад по последствиям авиарейда, составленный начальником полиции города, дает документальное описание атаки: налет в ночь с 11 на 12 сентября зафиксирован как отличный от всех предыдущих мелких рейдов интенсивностью массированной бомбардировки. Огненный смерч, возникший примерно через час, охватил всю центральную часть города. Загорались даже здания, получившие незначительные повреждения от взрыва. О проведении экстренных спасательных операций не могло быть и речи, потому что на улицы и площади было невозможно пробраться. Даже пожарные команды извне, пытавшиеся проникнуть в центр, вынуждены были отступить из-за недостатка воды и невыносимого жара, который представлял угрозу как для людей, так и для машин. Сорок процентов огнеупорного материала, целиком из гашеной извести,

использованного для защиты от пожара деревянных брусов крыш, который в Касселе предотвратил разрастание района огненного смерча, в Дармштадте оказалось бесполезным. Выбитые в результате ударной волны и декомпрессии двери и окна открывали доступ к огню на каждом этаже.

Примерно к 2.00 ночи огненный тайфун на улицах превысил силу урагана в десять — двенадцать раз, и о всяком движении на открытом месте не могло быть и речи. Тайфун постепенно стих к 4.00 утра. Население этого района не сумело спастись из-за трагического стечения обстоятельств: во время вызвавшего огненную бурю налета на Дармштадт упал под откос поезд с боеприпасами на железнодорожных подъездных путях к югу от центра города. Разрывы снарядов помешали людям вовремя покинуть убежища, так как все думали, что атака еще продолжается.

Вся центральная часть города была разрушена в результате одной этой небольшой атаки: было направлено только 240 тяжелых бомбардировщиков, и площадь разрушений достигла 78 процентов; если принять в расчет менее пострадавшие предместья Архайлиген и Эберштадт, то общий объем разрушений составил 52,4 процента. Британские исследователи бомбардировок более объективно, чем их американские коллеги, определили на основании фотоснимков, что в руинах лежало 69 процентов общей застроенной территории, то есть 209 из 302 гектаров. В городе с населением 115 200 человек было уничтожено 21 487 домов, остались без крова 70 тысяч человек. В старом городе только пять зданий избежали разрушения: тюрьма на Рундетурмштрассе, снабженная синей лампой, чтобы уберечь ее от авианалетов; таверна под названием «Корона», мясная лавка по соседству, дом архитектора несколько поодаль и здание католической церкви Св. Людвига. Поскольку Дармштадт относился к зоне защиты от воздушного нападения 2-й степени, рейх потратился не на строительство там бомбоубежищ типа бункеров, а только на малозначительные объекты, такие как три спасательных центра и 54 общественных бомбоубежища.

Незащищенные граждане пострадали более тяжело, чем их более удачливые товарищи по несчастью в Касселе, а позднее в Брунсвике, как мы увидим ниже. Вполне определенно число официально зарегистрированных погибших составило 5500 человек, из которых

1800 — то есть соответственно 32,7 процента — были не опознаны, из-за полного их испепеления; опять же никаких цифр по числу жертв среди действующего военного персонала в статистику не было включено.

> «Учитывая масштаб этой катастрофы, окончательный список убитых будет гораздо длиннее, — подчеркнул начальник полиции, — особенно поскольку, согласно донесениям, по меньшей мере 4500 человек пропали без вести. Фактически, общее число будет даже выше этого, поскольку, как показали события, люди гибли целыми семьями, и об их исчезновении так никто и не узнал».

Ежегодный статистический справочник германских муниципалитетов называет окончательную цифру убитых в Дармштадте в ту ночь — в 12 300 человек. Статистическое управление города дает цифру между 12 и 15 тысячами. В исследовании по стратегическим бомбардировкам США число убитых оценивается в 8500 человек.

Причиной смерти были в 90 процентах случаев удушье или ожоги.

В первые четыре дня после атаки в городе не оставалось машин для того, чтобы вывезти всех погибших. И только с прибытием транспортного подразделения организации Шпеера стало легче. Точно такие же картины, что открывались перед отрядами спасателей, пробивавшихся сквозь сожженные огненным смерчем улицы в Гамбурге и Касселе, теперь встречали группы спасателей в Дармштадте. Улицы были усеяны голыми, блестящими телами или обугленными предметами около трех футов длиной, которые выглядели как бревна, но которые когда-то были человеческими существами.

24 сентября римский католический епископ Майнца отслужил заупокойную мессу по гражданам Дармштадта, расставшимся с жизнью в течение тех 45 минут, в которые город подвергся атаке 5-й авиагруппы.

С ударом по Бремерхафену с 18 на 19 сентября 1944 года линейная атака была еще более приспособлена к особенностям

вытянутого порта, который простирался на 13 километров вдоль восточного побережья устья реки Везер. Проблема, если вспомнить, была схожей с проблемой атаки на двойной город Вуппераль. Группа «следопытов», вероятно, полагалась на некоторое отклонение; однако линейная атака 5-й авиагруппы была более надежным способом разрушения всего города; на этот раз одного ориентира при пяти направлениях подхода было достаточно для всей атаки. Соединение наведения на цель смогло с невероятной скоростью отметить избранный участок на северном конце города: час «Ч» был намечен на 21.00, но в 20.58 головной бомбардировщик успел передать указания основным силам «Ланкастеров»: «выйти на цель и бомбить». В результате бомбардировщики, которые теперь использовали метод «окна» в режиме пять пачек в минуту, то есть в гораздо более интенсивном режиме, чем тот, который считался достаточным в Гамбурге за 13 месяцев до этого, не оставались в бесполезном барражировании в небе над сильно защищенным районом порта. Поэтому только два самолета «Москито» были сбиты за все время атаки, а остальные 208 из направленных 213 успели сбросить 863 тонны бомб — в том числе не менее 420 тысяч термитных бомб — при нанесении очень массированного бомбового удара. В британском отчете по результатам бомбардировок на основании изучения аэрофотоснимков сообщалось, что из всех 375 акров застроенной территории 297 были полностью разрушены: это соответствует 79 процентам разрушений. Это был первый случай, когда командование бомбардировочной авиации обратило внимание на порт; командованию не было нужды возвращаться к нему снова. Тактика 5-й группы быстро достигала совершенства.

Удивительно, что эти рейды, которые относились к числу самых эффективных из тех, которые когда-либо проводило командование, почти не удостоились внимания в каком-либо из официальных отчетов, опубликованных в ходе воздушной войны.

Маршал авиации Беннет в своих мемуарах с порога отвергал все эти авиарейды, как таковые: «В какое-то время в 1944 году 5-я авиагруппа иногда участвовала вместе с другими подразделениями в выполнении задач по маркированию целей соединениями „следопытов“ [т. е. в маркировании целей 8-й группой], но в других случаях, действуя самостоятельно, атаковала большое число

различных мелких целей, большинство из которых были относительно слабо защищены. В их числе такие, как Дармштадт, Кенигсберг, Хайльбронн и др.».

Он также пишет, что они дважды «ходили на» Брунсвик. Первые три авиарейда, повлекшие за собой гибель более 24 тысяч мирных граждан, были осуществлены всего лишь 670 самолето-вылетами 5-й группы.

Несмотря на то что в результате атаки 5-й группы на Брунсвик в ночь с 14 на 15 октября 1944 года погиб только 561 житель города, анализ этого рейда важен в связи с последующими налетами на Дрезден. В Брунсвике впервые была успешно продемонстрирована техника группы в секторе атаки. Эта техника была в конце концов избрана для применения в первом авиарейде на Дрезден четыре месяца спустя. Как объяснял перед атакой своим командирам на земле и в воздухе вице-маршал авиации Кохрэйн по обычному громкоговорителю специальной связи с группой, предполагалось обработать каждый квадратный метр сектора цели одинаковой бомбовой массой. Тогда так быстро вспыхнет и распространится огонь, что пожарные не смогут с ним справиться. В случае с Кенигсбергом, Бремерхафеном и Дармштадтом атаки производились по ограниченному числу прицельных линий и с промахами, сопряженными со временем. Совсем иначе с рейдом на Брунсвик. В нем будут задействованы все 233 «Ланкастера». Они будут атаковать по единственному ориентиру с различных направлений и с различными погрешностями при соотнесении во времени заходов на бомбометание. В этом случае веерообразный сектор может быть уничтожен равномерно прямо по центру города. Ориентир будет на юге в южной части города, а атакующее соединение полетит в северном направлении через Брунсвик.

Час «Ч» для Брунсвика был установлен в 2.30 ночи 15 октября. И опять значительная часть самолетов соединения несла реактивные бомбы, которых у командования, как видно, был неисчерпаемый запас. К 3.10 утра поднялся огненный смерч средней силы в районе, ограниченном рынком Волльмаркт, Лангештрассе и Веберштрассе. Легкая мебель, столы и стулья были захвачены торнадо; сильнейшие вихри подхватили снопы искр и горящие угли, которые проносились через улицы. Область огня охватила весь центр города, за

исключением небольшого района вокруг центрального вокзала, здания муниципалитета и ворот Аугуста. Однако именно в этом районе было построено шесть гигантских бункеров и два общественных бомбоубежища, в которых 23 тысячи человек оказались теперь в западне.

И на этот раз была нарушена телефонная связь, а курьеры на мотоциклах были не в состоянии действовать в таких условиях. Городские пожарные команды уже самостоятельно приступили к работе в различных частях города, и в результате только к 5.00 утра удалось собрать достаточно мощные пожарные силы, чтобы рискнуть попробовать применить опасную и редко используемую технику «водяной аллеи». Она оставалась единственной надеждой на то, чтобы пробраться к замурованным 23 тысячам человек в самом центре района огненного смерча и спасти их.

Группа пожарных с высоконапорными пожарными рукавами должна была быть брошена вперед, в самое пекло под прикрытием непрерывной завесы воды: спереди и по бокам «аллею» защищали от жестокого жара водными завесами, образованными перекрывающими друг друга струями воды. Обеспечение подачи воды при этом было сопряжено со значительными трудностями, потому что, хотя источники водоснабжения и пожарные краны, как таковые, были поблизости под рукой, они сами находились в районе пожара. Подобным же образом давление в рукавах приходилось нагнетать несколько раз дополнительными насосами в системе пожарных рукавов. Как насосам, так и рукавам все время угрожали разрушающиеся здания и наступающий жар.

Тем не менее, несмотря на постоянно затрачиваемое время на перемещение насосов в более безопасные места, к 7.00 утра, через четыре с половиной часа после начала авианалета, до бункеров удалось добраться. Поскольку двери не были на засовах и не были заперты, спасатели слышали голоса «многих людей, разговаривавших тихо, но нервно и вполголоса». Все в бомбоубежище были еще живы. Последовала эвакуация 23 тысяч человек, которые вытянулись в бесконечную людскую цепь на протяжении водяной аллеи и направлялись в относительно безопасное место за пределами зоны огненного смерча. При этом обошлось без каких-либо жертв.

Пожарным командам не всегда так везло: из бомбоубежища на Шеппеншельдерштрассе были эвакуированы 104 человека, из которых только девятерых удалось вернуть к жизни. В данном случае, несмотря на то что само убежище уцелело, причиной смертей был тот же огненный смерч: удушье. Тем не менее, при передовой системе ПВО и благодаря мужеству пожарных экипажей город Брунсвик смог избежать большей трагедии.

Однако размер нанесенного материального ущерба был велик, хотя в воздушной атаке принимала участие только одна группа бомбардировщиков, городские власти зафиксировали, что он был причинен действиями более тысячи самолетов. 4500 пожарных в течение шести дней боролись с очагами огня. Их неоднократно заставляли искать укрытия предупреждения о воздушной тревоге, а когда они укрывались в убежищах, огонь, уже почти ликвидированный, разгорался с прежней силой. Только 20 октября последние пожарные подразделения вернулись в свои родные города. В течение 40 минут атаки сектора 5-я авиагруппа сбросила на город в общей сложности 847 тонн бомб. Результаты поражали: 80 тысяч человек из 202 тысяч населения города сразу лишились крова; из 600 гектаров территории 265 гектаров разрушено. Оказались выведены из строя газовый завод, электро- и водопроводная станции города, так же как и телефонная сеть, трамвайные и железнодорожные пути. В одном официальном отчете по авиарейдам высказывалось сожаление: «Даже те виды тяжелой промышленности в Брунсвике, по которым не был нанесен тяжелый удар во время атаки 15 октября, более внушительно, чем когда-либо, пострадали из-за потери персонала, одни были убиты, а другие слишком заняты проблемами выживания своей семьи, для того чтобы появляться на работе». Не может быть более убедительной поддержки теории атаки территории, чем это; к сожалению, не все атаки территории осуществлялись с такими низкими потерями среди гражданского населения. Помимо этой операции в Брунсвике, реактивные бомбы были способны вызвать значительные разрушительные пожары только во время атаки на Хайльбронн 4 декабря 1944 года. При этом использовалась та же техника атаки сектора, которую разработали вице-маршал авиации Кохрэйн и командующий авиабазой, коммодор авиации Х. Ф. Сэттерли, взяв в вилку сортировочную станцию в качестве ориентира. Более 7 тысяч из

77 569 населения были убиты в одной атаке, при многих тысячах пропавших без вести. Это было зловещее предзнаменование для Дрездена, так как обоим бомбардировщикам — головному и его второму номеру, главному наводящему на цель в этой атаке, предстояло сыграть такую же роль в Дрездене.

Однако в качестве предтечи налетов на Дрезден при атаке на Брунсвик в ночь с 14 на 15 октября была применена сокрушительная техника, которая явилась своего рода предвестником трагедии для Дрездена, которая произошла четыре месяца спустя. Она выразилась в «тройном ударе» по Дуйсбургу в общей сложности 2068 самолето-вылетами бомбардировщиков. Первый удар был нанесен в течение дня более чем тысячью бомбардировщиками; затем в течение нескольких часов после полуночи все силы помимо 5-й группы вернулись в порт Рура и нанесли двойной сокрушительный удар. Атака была разделена на два этапа с интервалом не более двух часов. В результате этого ночные истребители были в изнеможении. Как оказалось, в эту ночь были вымотаны не только немецкие истребители. Велика была и нагрузка, при которой работали наземные команды Королевских ВВС, загружая бомбовым грузом самолеты для 2068 вылетов в один день. Таким образом, в общей сложности 9708 фугасных бомб упало на зону ПВО Дуйсбурга, причем не менее 1336 из них не разорвались.

Как сильно ни был защищен Дуйсбург, число жертв оказалось большим: 1521 немец был убит, и еще 746 человек, как сообщалось, пропали без вести; в числе погибших были 183 военнопленных и иностранных рабочих.

С успешным проведением атак на Брунсвик и Дуйсбург была заложена основа для атак территории в феврале 1945 года по населенным центрам, кульминацией которых стала трагедия Дрездена. Преобладающие веяния общественного мнения уже больше не будут реагировать на атаки, организуемые командованием бомбардировочной авиации в таком масштабе. Командование бомбардировочной авиации теперь располагало независимым оружием дальнего действия, способным с большой точностью и жестокостью поражать отдаленные цели, даже такие далекие, как Дрезден. И если 5-я авиагруппа отточила свою «саблю» атак сектора, командование припасло «дубинку» тройного удара.

Часть вторая
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Глава 1
ДРЕЗДЕН — НЕТРОНУТАЯ ЦЕЛЬ

В конце 1944 года возможность воздушной атаки на столицу Саксонии в качестве особой цели, пожалуй, впервые стала непосредственной компетенцией премьер-министра. В октябре штаб авиации предложил с его одобрения обратиться к советским военно-воздушным силам с просьбой атаковать Дрезден, хотя из опубликованных пояснений к этой просьбе неясно, имелся ли в виду сам город или нефтеперерабатывающий завод в близлежащем Руланде. Несмотря на представление, сделанное британской военной миссией в Москве, их рекомендации не последовали советские ВВС, которые, как потом обнаружилось, на самом деле разместили некоторые силы дальней бомбардировочной авиации у столицы рейха, под Бреслау и Кенигсбергом, а также вблизи многих других городов Центральной и Восточной Германии.

Несмотря на появление в проекте директивы, которая обсуждалась с сэром Ричардом Пирсом еще в начале 1940 года, город не подвергся первой воздушной атаке до 12.36 7 октября 1944 года: тридцать бомбардировщиков одной группы американской бомбардировочной авиации атаковали индустриальный район Дрездена в качестве второстепенной цели в ходе атаки на нефтеочистительный завод в Руланде. Ко времени, когда городские сирены просигналили отбой воздушной тревоги в 13.27, западные окраины Дрезден-Фридрихштадт и Дрезден-Лебтау получили значительные повреждения. Авианалет стал сенсацией местного значения, и зафиксировано, что предприимчивые школьники обрабатывали все собранные ими фрагменты бомб, чтобы продавать их в качестве сувениров, в то время как владельцы частных автобусов устраивали специальные экскурсии на разбомбленные улицы. Ничего подобного раньше в Дрездене не было. В общей сложности погибли 435 человек, большей частью рабочие мелких заводов компаний «Зейдель и Науманн» и «Хартвиг и Фогель». Жертв среди французских и бельгийских рабочих этих заводов также оказалось немало. Многие рабочие команды из военнопленных союзников, работавших на

сортировочных станциях, сильно пострадали, особенно досталось американцам в одной из команд, которые лишились жизни, другие военнопленные были привлечены, чтобы занять их место. Несколько до того бездействовавших команд пленных были поставлены на работы по спасению имущества в этом районе. Тем не менее, местные жители были единодушны в том, что бомбардировка оказалась результатом какой-то досадной ошибки штурмана союзников, и этот преждевременный удар ничего не сделал для того, чтобы пошатнуть непоколебимую уверенность дрезденцев в том, что их город не подвергнется атаке.

Нелегко было улучшить жизнь британских военнопленных в городе в эти недели перед февралем 1945 года. Дрезденцы общались с англичанами с довоенных дней, когда город был центром культуры, и у них было много друзей среди пленных, значительная часть которых были захвачены у Арнема из личного состава 1-й воздушно-десантной дивизии.

> «Немцы здесь лучшие из тех, с которыми я когда-либо встречался, — писал один солдат, плененный у Анцио на второй день Рождества 1944 года. — Комендант города — джентльмен, предоставил нам большую свободу передвижения в городе. Фельдфебель уже пригласил меня осмотреть центр города. Бесспорно, он красив — мне бы хотелось посмотреть его еще».

Война, казалось, была очень далеко от Дрездена.

Не имея, подобно Эссену или Гамбургу, крупных предприятий ведущих отраслей промышленности, даже несмотря на то что Дрезден был довольно компактным, экономическую жизнь города поддерживали в мирное время его театры, музеи, учреждения культуры и местной промышленности. Даже к концу 1944 года было бы затруднительно выделить какой-либо завод как настолько важный, чтобы мог дать повод для воздушных ударов по другим малым и большим городам, которым не повезло. На окраине Дрезден-Штризен, около 5 километров от центра города, «Цейсс-Икон» имел завод оптики; в другом месте в городе, на Фрайбергерштрассе, был стекольный завод Сименса; в Дрезден-Нидерзедлиц, в 9 километрах к

юго-востоку от центра города, и Радеберге, в 11 километрах к северо-востоку, были два завода «Заксенверк»; на этих двух заводах были заняты 5 тысяч рабочих на сборке радаров и других электронных компонентов для установок, производимых Всеобщей компанией электричества в Берлине; на Гроссенхайнерштрассе, длинной дороге, ведущей в северном направлении от Дрезден-Нойштадт, был завод «Цейсс-Икон Гелеверк», построенный в 1941 году из сильно укрепленного бетона с окнами, выдерживающими взрывную волну, и другими приспособлениями ПВО; на этом заводе было ко времени налетов занято 1500 человек, которые работали по производству взрывателей зенитных снарядов для германского военно-морского флота. В Дрезден-Фридрихштадте были две фабрики, снабжающие Германию значительной частью потребляемых в стране сигарет.

Арсенал в пяти милях к северу от центра города, которому придавали такое значение в последующих бюллетенях министерства авиации, тем не менее, честно говоря, никогда не упоминался командованием бомбардировочной авиации в его еженедельном дайджесте. Фактически, он был арсеналом, во время Первой мировой войны, но во время небольшого пожара 27 декабря 1916 года он был полностью уничтожен, когда загорелся и взорвался поезд с боеприпасами.

На месте бывшего арсенала в Дрездене находилась новая промышленная зона с предприятиями, выпускавшими самую разную продукцию, в том числе жестяные емкости, ящики радоприемников, мыло, детские присыпки, зубную пасту и, по слухам, бомбовые прицелы и навигационное оборудование для самолетов. Остальная продукция промышленного сектора города была столь же разнообразна, в том числе была фабрика, выпускавшая 50 тысяч противогазов в месяц, несколько пивоваренных заводов и две маленькие компании, производившие комплектующие изделия для двигателей самолетов «юнкерс» и детали кабин для завода «Мессершмитов» в Аугсбурге. Исследования по разработке системы впрыскивания ракетного двигателя «Фау-2» также проводились в Дрезденском техническом университете. Но ни одно из этих предприятий не находилось в районе, выбранном для двух разрушительных ночных атак бомбардировочной авиации Королевских ВВС.

Дрезден вовсе не был открытым городом и никогда не объявлялся таковым. Один американский историк военно-воздушных сил, после дотошного изучения документов, как германских, так и союзников, к своему удовлетворению установил, что в дополнение к значимости Дрездена в качестве крупного транспортного центра был «целый ряд» других причин для того, чтобы он стал важной и полноценной военной целью и «считался таковой германскими военными и гражданскими властями».

Дрезден стал узловым пунктом почтовой и телеграфной связи Германии, и не вызывает сомнения, что уничтожение почтовых учреждений в городе затруднило бы связь между Восточным фронтом и рейхом. Постоянный персонал Главпочтамта и Центрального телеграфа, расположенных в самом центре города, был усилен сотнями людей, выполняющих государственную трудовую повинность, и вспомогательным персоналом военнослужащих для обработки возрастающего потока корреспонденции. Сотни британских военнопленных принудительно работали в геманской почтовой службе в подсобках Главпочтамта, на товарных станциях на Розенштрассе, на разгрузке мешков с почтой и сортировке посылок.

Однако во время атаки стратегическое значение города едва ли было малозначительным, и сомнительно, чтобы на этой стадии войны Дрезден мог стать, например, вторым Бреслау. И только 14 апреля гаулейтер Саксонии, представитель имперского правительства Мартин Мучманн официально объявил Дрезден крепостью.

Исторически Дрезден играл до определенной степени немаловажную роль в качестве центра управления военными, а позднее и военно-воздушными операциями. В 1935 году Дрезден стал городом, в котором находился штаб 3-го военно-воздушного округа, из которого командующий зенитной артиллерией Саксонии полковник Богач контролировал различные полки противовоздушной обороны в Дрездене, Вурцене и Рудольштадте. Спустя два года в его ведение вошли и новые полки зенитной артиллерии, сформированные для обороны Йены, Лейпцига, Хемница, Халле, Виттенберга и Биттерфельда; полк П/23 Рудольштадта был распущен.

30 ноября 1938 года германская зенитная артиллерия была реорганизована, а ее функции расширены. Она заменила зенитные полки под началом нового управления военно-воздушного округа.

Полковник Богач теперь получил командование управлением военно-воздушным округом в Дрездене, со штабом на улице генерала Вевера неподалеку от Центрального вокзала. Было организовано управление 8-го военно-воздушного округа отдельно для Бреслау. Военное значение Дрездена как центра управления шло на убыль. С началом войны в 1939 году обязанности Дрездена сначала были возложены на объединенное с ним берлинское управление.

В 1938 году Дрезден был штабом корпусного округа IV, и вблизи когда-то существовавшего арсенала в северных предместьях города появились казармы и сооружения учебного плаца военного городка. На холмах к северо-востоку отряды СС под командованием генерала СС Альвенслебена встроили в основание скалы подземный штабной бункер. Это также была чисто военная цель, но едва ли она могла быть удостоена внимания статегической авиации.

Признавая очевидное отсутствие военной значимости города, правительство рейха еще в 1943 году сделало Дрезден прибежищем для административных ведомств и коммерческих учреждений, особенно когда ужесточились воздушные атаки на столицу рейха. Типичным для этой тенденции было решение перевести в Дрезден головное учреждение берлинского Гроссбанка со всем его административным персоналом. Но даже к февралю 1945 года не было никаких признаков того, что само правительство рейха будет переведено в город, хотя на случай сдачи Берлина такая мера, возможно, предусматривалась.

На протяжении нескольких лет в разгар войны управление военно-воздушного округа Дрездена создало вокруг города сильный рубеж противовоздушной обороны, однако, как мы увидим в дальнейшем, проходил год за годом, а зенитные орудия задействовались не более двух раз. Поэтому управление резонно полагало, что батареям не подобает простаивать без пользы в Дрездене, и рассредоточило их, — одни были отправлены на Восточный фронт, а другие на оборону Рура.

Таким образом, распространился вселяющий уверенность, но роковой миф о Дрездене как о городе, который никогда не будут бомбить. С одной стороны, население Дрездена было уверено в силу бездействия властей в создании систем ПВО и выводом ими зенитных батарей города в том, что никакой атаки города не будет. А с другой

стороны, его трогательная уверенность в добрых намерениях британского и американского правительств убедила его в том, что жилые дома, с каждым днем возрастающее число гражданских госпиталей и перевязочных пунктов в городе никогда не станут объектом атаки. Допускалось, что союзники могли атаковать ту или иную отдаленную промышленную окраину, но никак не центр города.

> «Население Дрездена, — как отметит в 1947 году глава отдела разведки министерства внутренних дел, — похоже, верило, что между нами и немцами существовала негласная договоренность, что мы пощадим Дрезден, если не будет атакован Оксфорд».

Некоторые жители распространяли слухи, почерпнутые из листовок, сброшенных союзниками, в которых объявлялось, что Дрезден станет послевоенной столицей новой, объединенной Германии, а потому город атакован не будет. Другие утверждали, что у британского премьер-министра есть родственники, живущие в городе или неподалеку от города. То, что город не был объектом даже авианалетов соединений легких ночных бомбардировщиков «Москито», придавало даже еще большую правдоподобность этим слухам. И хотя они выглядят как достойное жалости ужасное заблуждение для нас, знающих о судьбе, выпавшей на долю города, тем не менее, этим слухам верили не только 630 тысяч постоянных жителей Дрездена, но и городские власти. В свою очередь, они были поражены наплывом в город сотен тысяч беженцев, когда русские совершили прорыв на востоке.

За противовоздушную оборону Дрездена отвечало управление военно-воздушного округа IV. Поскольку было немаловажно решить, считать ли город в феврале 1945 года незащищенным с точки зрения Гаагской конвенции 1907 года, следовало проверить систему зенитных батарей города и их размещение по всей территории до назначенного дня тройного удара.

Германская зенитная артиллерия преимущественно действовала в двух зонах, представленных позициями легких зенитных орудий и батареями тяжелых зенитных орудий. Легкие зенитки первоначально состояли из 20-мм пулеметов, хотя 37-мм и 40-мм пушки также

относились к легкой зенитной артиллерии и редко наносили урон на высоте более 2 тысяч метров. Снаряды, оставлявшие характерный зеленый и желтый трассирующий след, она использовала первоначально для защиты от низко летящих самолетов, которые были недосягаемы для тяжелых зениток. Батареи тяжелых зенитных орудий, как правило, обеспечивали надежную защиту от летящих на большой высоте соединений бомбардировщиков, используя 88-мм орудия.

С лета 1943 года на вооружении в городе были два вида тяжелых зенитных орудий: 88-мм пушки и менее эффективные 85/88-мм орудия «Flak m 39(r)». В числе батарей стандартных 88-мм зенитных орудий на этой стадии войны в Дрездене была 1/565, размещенная в Дрезден-Юбигау, вблизи автодорожного моста через реку Эльба; 2/565 на парадном плацу Геллер неподалеку от аэродрома Дрезден-Клоцше; 3/565 на холмах к югу от города, расположенных, точнее говоря, на Коленштрассе, Дрезден-Рэкниц, позднее укрупненных за счет других в «большую батарею»; 4/565 на возвышенности между Рохвицем и Геннсдорфом; и, наконец, 5/565 в Альтфранкен, к западу от города.

В дополнение к этим стандартным орудиям, начальная скорость снаряда которых превышала 1200 метров в секунду, в распоряжении командования ПВО Дрездена было некоторое количество трофейных русских 85-мм орудий, расточенных под 88-мм калибр и введенных в строй в качестве 85/88 мм зенитной артиллерии. Стандартная немецкая 88-мм пушка, как убедилась, к своему неудовольствию, британская армия в июне 1941 года в Западной Сахаре, была также пригодна в качестве противотанкового орудия. При стрельбе настильно она даже была способна пробить 202-мм бронированное покрытие с расстояния в 1000 метров и более. Для Дрездена это двойное назначение стало роковым, когда наступление советских танков усилило натиск и сначала батареи 88-мм орудий, а затем и второстепенные батареи 85/88-мм орудий были сняты и спешно направлены в район боевых действий на востоке. Об этом советском наступлении и его косвенном и прямом вкладе в дрезденскую трагедию будет сказано подробнее ниже.

В то время, когда зенитки были в Дрездене, русские трофейные пушки были сосредоточены ближе к центру города, чем более тяжелые немецкие орудия. Батарея 203/IV 85/88-мм орудий была установлена на дамбе Эльбы у Фогельвайзе; 204-я располагалась в Вельфнице; 217-

я в Радебойле; 238-я в Зайднице; 247-я в Рохвице — все они состояли из захваченных русских орудий. Из них батарея 203/IV на дамбе Эльбы, вооруженная шестью 85/88-мм орудиями, оборудованными установками радиолокационного управления огнем, была ближе всех к центру города. К четырем из этих орудий в качестве прислуги днем были поставлены школьники из гитлерюгенда из знаменитой дрезденской школы «Кройцшуле» вместе с постоянным орудийным расчетом солдат. Ночью у двух других орудий дежурили менявшиеся посменно рабочие заводов.

Неудивительно, что у дрезденских зениток было мало шансов в первые годы продемонстрировать свои возможности: материалы из независимых источников указывают, что батарее 3/565 пришлось открывать огонь только тогда, когда 28 мая 1944 года ВВС США атаковали близлежащие нефтяные сооружения. 24 августа 1944 года зениткам довелось снова вести огонь во время атаки на Дрезден-Фрайталь и вновь 11 и 12 сентября разве что в виде слабого заградительного огня.

Однако в октябре 1944 года начался процесс свертывания зенитных установок Дрездена: 203-я батарея была расформирована и объединена с 217-й для создания единой батареи в Радебойле. Эта батарея только один раз открывала огонь, во время атаки американцев на Дрезден 7 октября. Есть нотка пафоса в воспоминаниях одного из бывших членов гитлерюгенда, который сам исполнял обязанности оператора радиолокационного управления огнем, об отчаянных попытках зениток отбить атаку с воздуха. Его собственная стальная каска была ему слишком велика, ларингофон слишком свободно болтался на шее. «Стволы орудий ощетинились во всех направлениях, когда нам велели открыть заградительный огонь, — вспоминал он. — Ребята в нашей команде были настолько малы и слабы, что для того, чтобы заряжать орудия, пришлось использовать русских военнопленных. В общем, зенитки Дрездена никак нельзя было назвать элитой ПВО рейха. К счастью, — добавил он иронически, — в Дрездене совсем не осталось зенитных батарей, когда обрушились главные бомбовые удары; но если бы они там и были, то оказались бы уничтоженными вместе с городом».

В течение зимы 1944/45 года, с возобновлением наступления советской армии на Восточном фронте, в то время как бронетанковые

войска союзников теперь прорывались в Германию на всех западных рубежах, потребность в отправке дрезденских зенитных батарей для укрепления слабеющей обороны стала слишком настоятельной, чтобы ее игнорировать. Да и не был Дрезден единственным городом, пострадавшим от этого: в отчетном докладе по результатам изучения стратегических бомбардировок США отмечается, что в январе и феврале 1945 года около 300 зенитных батарей были переброшены на Восточный фронт для использования в борьбе с танками. К середине января 1945 года остались только бетонные основания, указывавшие место, где когда-то были батареи в Дрездене, да макеты орудий из папье-маше на холмах перед городом в качестве его защиты.

Батареи, которые напрасно ожидали атаки на Дрезден, к началу февраля были рассредоточены по всему рейху. Батарею 207/IV перебросили в Халле; другие отправили в Лейпциг и Берлин, 88-мм зенитки бросили в бой на Восточном фронте, где они не достигли больших успехов. Батарея 4/565 была отправлена в Рур, где использовалась в качестве зенитной батареи во время почти непрекращавшихся воздушных атак вплоть до конца марта 1945 года. 1 апреля ее переоборудовали в противотанковую батарею, и она принимала участие в обороне Хамма, возле которого в конце концов была захвачена американской пехотой. Из расчета, состоявшего из дрезденских школьников, членов гитлерюгенда, половина была убита во время их последнего упорного сопротивления; история конца зенитных батарей Дрездена, защищавших все, что угодно, только не город, окрашена не только трагедией, но и героизмом.

Таким образом, к началу февраля 1945 года столица Саксонии была, фактически, не защищена, хотя коалиционное командование бомбардировочной авиации вполне могло ничего об этом не знать. К тому же, как мы знаем, в городе не было объектов стратегического или военного назначения. Однако сэр Артур Харрис и его американский коллега генерал-лейтенант Джеймс Х. Дулиттл были менее озабочены возможными интерпретациями международного права, чем победой в войне, когда предприняли атаку Дрездена в рамках наступления на населенные европейские города.

Сэр Артур Харрис придерживался той точки зрения, что единственным международным ограничением, которое, как он считал, связывало его и его командование во время войны, было соглашение,

относящееся ко времени Франко-прусской войны, которое запрещало сбрасывать взрывчатые вещества с заполненных газом дирижаблей. Это ограничение, указывает он, строго соблюдалось командованием бомбардировочной авиации на протяжении всей Второй мировой войны.

Однако все это было злоупотреблением хронологией, и необходимо сначала обратить внимание на то, как получилось, что один из наиболее ценимых и красивых городов Германии, город, в котором к тому времени проживало более миллиона граждан и беженцев, помимо военнослужащих, расквартированных в городе и его казармах, в конце концов 14 часов и 15 минут подвергался атаке, которая началась в 22.15 вечера в ночь на 13 февраля 1945 года.

В первые недели 1945 года в ставке Верховного командования германской армии стало известно из полученных разведданных о том, что русские, очевидно, готовятся к новому крупному наступлению через реку Вислу, на которой фронт до сих пор оставался довольно стабильным после завершения летнего 1944 года наступления советской армии. Сосредоточение ее крупных сил, которые по оценкам более чем в десять раз превосходили силы оборонявшихся немцев, было отмечено в районах Баранув, Пулавы и Магнушев. Было ясно, что вот-вот начнется новое и на этот раз, возможно, роковое наступление. Генерал-полковник Гудериан, начальник германского Генерального штаба, обратился к Гитлеру с просьбой вывести войска из Курляндии для использования их в боях на фронте вдоль Вислы. Гитлер не только ответил категорическим отказом на это требование, но и запретил командирам армий сокращать свои фронты. Ситуация на Восточном фронте явно создавалась опасной, тем не менее, поскольку несколько немецких дивизий уже были выведены с этого фронта и из Восточной Пруссии, в течение зимы 1944/45 года их отдельные части перебрасывались в Венгрию и на Западный фронт в Рейнланд.

Германскому Верховному командованию вскоре был преподан урок, который они сами преподали неудачливой Франции в 1940 году, когда охваченные паникой толпы беженцев запрудили улицы за зонами боевых действий. 20 января 1945 года в секретном донесении германскому Верховному командованию о сложившейся ситуации отмечалось, что «колонны беженцев стоят на пути движения наших собственных войск».

На местных гаулейтеров была возложена обязанность по организации эвакуации гражданского населения из районов боевых действий, и опыт уже показал, что надежда для эвакуировавшихся добраться до безопасного места зависела только от того, насколько быстро осуществлялась операция по эвакуации. В этом отношении гаулейтеры как политические лидеры оказывались в двойственном положении, будучи также рейхскомиссарами по обороне: моральный дух всего населения Германии опирался на доктрину окончательной победы, и было трудно совместить окончательную победу с вынужденным срочным оставлением врагу жилищ и имущества. Некоторые гаулейтеры разрешали эту дилемму подобно гаулейтеру Восточной Пруссии Эриху Коху, отказываясь вести какие-либо дискуссии о мерах по эвакуации в столице провинции Кенигсберге. Так, например, когда под тяжестью двух атак города в августе 1944 года, инициированных командованием бомбардировочной авиации Королевских ВВС, городской верховный совет вынужден был обратиться к Коху с просьбой распорядиться об эвакуации из города всех людей, не участвующих в боевых действиях, он отказал, мотивируя свое решение тем, что не хочет сеять панику и отчаяние среди населения. Гаулейтеры Вартенланда и Данцига (Восточная Пруссия) разработали секретные планы по массовой эвакуации, которые сослужили бы им хорошую службу.

Конечная судьба населения Восточной Пруссии, которое подчинилось запрету гаулейтера на эвакуацию, стала фактическим уроком не только для других гаулейтеров, но и для жителей всех других районов, которым грозило вторжение советской армии. 16 октября 1944 года первое крупное советское наступление по фронту, продолжительностью 140 километров, создало угрозу для самого сердца Восточной Пруссии, и первые потоки беженцев и эвакуированных были направлены в южном направлении. Многие тысячи их прибыли в Дрезден, который считался самым «безопасным убежищем от воздушных налетов». Несмотря на увещевания и угрозы гаулейтера Коха, около 25 процентов населения, или около 600 тысяч человек, бежало из Восточной Пруссии. Население города, включая женщин, детей и инвалидов из сельских районов, было эвакуировано в Дрезден и другие города Саксонии, а также в Тюрингию и Померанию.

Столица Саксонии, население которой до войны составляло 630 тысяч человек, вскоре оказалась явно перенаселена. Это был пролог финальной трагедии Дрездена: теперь мало кто из немцев хотел оставаться на пути русских войск. Октябрьское наступление в Восточной Пруссии продемонстрировало гаулейтерам, так же как и гражданам, что немцы могли ожидать быстрой расправы либо от советских войск, либо от командиров бронетанковой дивизии. Эвакуированные, потоком прибывавшие в Саксонию и Западную Силезию, приносили с собой свидетельства очевидцев о злодеяниях советских войск в отношении немецких мирных граждан, которые не были вовремя эвакуированы. Например, 20 октября советские танковые командиры нагнали колонну беженцев, потоком следовавших из района Гумбиннен в Восточной Пруссии; вся колонна была сметена, когда командир велел своим танкам двигаться прямо по беженцам с их повозками. Случай с беженцами из Гумбиннена стал сигналом для немцев о том, что ожидает их, если их лидеры не распорядятся об эвакуации из зоны боевых действий.

Неожиданное начало крупного советского наступления на Центральную Германию 12 января 1945 года несло с собой еще большие несчастья, чем этот первый эпизод в связи с Гумбинненом, но он напугал население и привел к тому, что у людей еще больше обострилась боязнь соседства с районами боевых действий.

12 января войска 1-го Украинского фронта, под командованием сурового, но блестящего маршала И. С. Конева прорвались с плацдарма в Баранув на Висле и начали массированное наступление в направлении Силезии. 13 января войска 1-го Белорусского фронта под командованием советского маршала Г. К. Жукова прорвались с плацдармов Пулавы и Магнушев; его танковые колонны взяли направление на Лодзь и Калиш. Одновременно было начато наступление на Восточную Пруссию, где оно застопорилось с октября после стремительного начала. Наступление велось войсками 3-го Белорусского фронта под командованием советского маршала Черняховского и преследовало целью захват Кенигсберга. 15 января был введен в действие план, состоявший в том, чтобы отрезать Восточную Пруссию от остального рейха. При этом войска 2-го Белорусского фронта двигались в направлении Торуни и Эльбинга.

Скромный ручеек устремившихся на запад беженцев за одни сутки превратился в мощный поток, который уже больше не могли сдерживать местные гаулейтеры. Начался, пока что добровольный, исход 5 миллионов немцев из Восточной Германии, обреченных к концу войны подвергнуться изгнанию, осуществленному самым жесточайшим образом за всю историю Европы, хотя и значительно уступающим геноциду нацистов в отношении евреев.

Несомненно, большая часть ответственности за хлынувший поток беженцев в западном направлении через Саксонию, как пеших колонн пленных солдат союзников и русских, так и бесчисленных фургонов гражданских беженцев, ложится на местных гаулейтеров тех районов, которые ощутили на себе мощь генерального наступления советских войск января 1945 года. В начале 1945 года около 4700 тысяч этнических немцев проживали в Силезии, ближайшей земле к востоку от Саксонии. Поскольку новости распространялись от одного города к другому, началась эвакуация немцев и из Силезии. Одна часть населения двигалась в юго-западном направлении через горы в Богемию и Моравию; другая, большая часть, следовала в фургонах по главной автодороге в Саксонию. Первым крупным городом на границе земель был Дрезден, и, были ли у них там друзья или нет, большинство беженцев намеревалось остановиться там. В осенние месяцы 1944 года слава об актах отмщения русских войск, совершавшихся ими в отношении населения Восточной Пруссии, распространилась далеко. Предупрежден — значит, вооружен, так что теперь, когда советское вторжение в Силезию началось, населению восточных областей уже не требовалось второго напоминания для того, чтобы оно освобождало путь захватчикам. Однако гаулейтер Ханке предпринял последнюю попытку замедлить паническое бегство людей из своего округа, как мы увидим в дальнейшем.

16 января 1945 года город Дрезден во второй раз стал объектом бомбовой атаки союзников, когда часть соединения из 400 «Либерейторов» 2-й военно-воздушной дивизии (стратегических ВВС США) атаковали «новые склады нефтеочистительного завода и сортировочные станции». За день до этого двумя командующими союзников была выпущена новая директива № 3 по стратегическим военно-воздушным силам в Европе относительно первоочередности атак предприятий нефтяной промышленности противника и во вторую

очередь уничтожения вражеских линий коммуникаций, делая особый упор на Рур. В сводке 8-й воздушной армии по целям было зафиксировано 133 эффективных самолето-вылетов на начавшуюся днем атаку сортировочных станций Дрездена. При этом бомбы легли точно вдоль одной из сторон Гамбергерштрассе, сортировочных станций в районе Фридрихштадт, причинив повреждения некоторым железнодорожным сооружениям. При бомбардировке, осуществляемой одной из авиагрупп, 4-й группой «Либерейторов», бомбы легли несколько вразброс, и на фото целей обозначилась локализация разрывов на территории больницы Фридрихштадта и на больничных зданиях. Каждый из «Либерейторов» сбросил восемь 150-килограммовых фугасных бомб. Зенитки вели чрезвычайно сильный огонь на пути к цели, и, хотя над Руландом зенитный огонь был плотным, экипажи самолетов, бомбивших Дрезден с высоты 6700 метров, были несколько удивлены, не встретив противодействия со стороны самого города. Говорили, что жертвами этой атаки стали 376 человек; в списке погибших впервые оказался британец: британский рядовой из второго крупнейшего рабочего отряда был убит по дороге в госпиталь.

> «Это первая такая жертва, и я надеюсь — последняя, — записал в своем дневнике представитель британского отряда. — Но учитывая, что около 170 человек из одного только этого отряда каждый день работают в городе, и с учетом того, как велика вероятность массированных бомбардировок, отнюдь не исключено, что будут новые жертвы».

В то время как граждане Германии были похоронены в ходе массовой траурной церемонии на одном из городских кладбищ, командование военного округа в Дрездене при удивительно строгом соблюдении Женевской конвенции построило городской гарнизон, и неудачливый британский солдат был похоронен «со всеми военными почестями и с британским и германским почетным караулом» на военном кладбище в Дрезден-Альбертштадте, как сообщил начальник лагеря лишившимся сына родителям. В Дрездене война все еще велась почти в духе старомодного рыцарства.

В тот же день 16 января группа армий «А» Германии настояла на немедленной эвакуации из района Силезии, и с 19 по 25 января первые крупные колонны эвакуированных собирались в главных городах Силезии и начинали долгий путь на запад.

В отличие от массовых эвакуаций из Берлина и Рура под натиском ночных атак бомбардировочной авиации Королевских ВВС (1,5 миллиона человек было эвакуировано из Берлина и около 2 миллионов из Рейнланда к концу 1944 года) это был акт гуманизма, проявленный в очень широком масштабе и за поразительно короткий отрезок времени. В течение семи дней 5 миллионов германских мирных граждан должны были быть оторваны от родных жилищ, проследовать по большим и малым дорогам в западном направлении вместе со всеми своими пожитками в ящиках и сумках и располагаться лагерем на открытом воздухе одну ночь за другой, несмотря на температуру воздуха ниже нуля. Когда массовый исход из Силезии стал нарастать, вмешался силезский гаулейтер Ханке. Он с неудовольствием наблюдал за оттоком рабочей силы с важных промышленных предприятий Силезии. И тогда он распорядился, чтобы эвакуировали только женщин и детей; все остальные, особенно те, кто был занят в промышленности, должны были оставаться на рабочих местах до последнего. Из-за этого указания ужасный груз был взвален на плечи остальных беженцев, устремившихся в западном направлении. Они теперь остались без помощи трудоспособных мужчин, которые могли бы оказывать им поддержку в пути. В то же время это объясняет непропорционально большое число женщин в числе жертв среди беженцев, которые остановились в Дрездене.

19 января Ханке распорядился об эвакуации Намслау в Нижней Силезии и определил Ландесхут в качестве района для приема горожан и Судетскую область для сельского населения. 20 января советские бронетанковые войска достигли Катовица, Бойтена, Глейвица и Гинденбурга, и вопреки декрету гаулейтера Ханке началась ограниченная эвакуация местного населения. 22 января первые русские части форсировали реку Одер между Бригом и Олау. Все главные железные дороги в западном направлении от Бреслау, столицы Силезии, были перекрыты. Теперь единственным спасением оставалось южное направление через Ратибор и Нейссе, и вскоре эти железные дороги были запружены тысячами женщин и детей,

бежавших в Дрезден и Саксонию. Однако населению промышленных районов приходилось оставаться на рабочих местах до последнего момента; бывали случаи, когда даже в то время, как советские войска вели бои, стараясь захватить шахты, немецкие шахтеры все еще находились в забое. Другим районам повезло больше. Из 700 тысяч жителей района между Оппельном и Глогау своевременно эвакуировались 600 тысяч человек; оставшиеся, этнические поляки, считали, что им не следует особо опасаться наступавших.

21 января гаулейтер отдал приказ на эвакуацию Требница. Все германское население пересело на доступные средства транспорта и потянулось в западном направлении. Поскольку большей частью это был район сельской местности, у отъезжающих на запад семей были крестьянские повозки и фургоны, которыми они и воспользовались, несмотря на жестокий холод первых двух месяцев 1945 года. Так как все верили, что советские войска будут на некоторое время остановлены на Одере, предназначенные для эвакуировавшихся районы находились всего лишь к западу от реки, в населенных пунктах, включая Лигниц, Гольдберг и Швайдниц. Однако, проявляя предусмотрительность, военные командиры настаивали на том, что эти районы расположены слишком близко к зоне боевых действий, и разместили гражданских еще на 20 километров к западу от реки: вскоре после этого русские форсировали Одер, возобновились полеты над Саксонией. Создавалось впечатление, будто судьба подстраивала так, чтобы к наступлению середины февраля максимальное число беженцев нашли убежище в столице Саксонии.

В Дрездене находилось ко времени атаки и довольно много военнопленных союзников. Командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС было связано точной информацией Международного Красного Креста о расположении его учреждений в пределах предполагаемых целей или вблизи них. Сэр Артур заявил, что в случае с Дрезденом никакой подобного рода информации у командования не было.

Военное министерство признает, что последний доклад по лагерям для военнопленных британцев в Дрездене был получен от державы-покровительницы в январе 1945 года, когда непосредственно в районе Дрездена было шестьдесят семь рабочих отрядов, которые образовывали лагерь Stalag ГУа; в дополнение к ним было семь

отрядов американцев, каждый из которых значительно превосходил по численности британский, как об этом докладывал после посещения Дрездена представитель швейцарской дипломатической миссии в Берлине между 15 и 22 января. Точную статистику еще более затрудняет наличие большого количества пленных солдат союзников и русских, временно находившихся в городе. Они были переброшены с восточных территорий, захватываемых советскими войсками. Британское правительство опубликовало вскоре после тройного удара по Дрездену список лагерей союзников на этих территориях, которые, как стало известно, были захвачены. Некоторые из девятнадцати лагерей, упомянутых в этом списке, располагались по всему городу к тому времени, когда была произведена атака. Другие, подобно Stalag VIIIb и VIIIc, соответственно в Оппельне и Сагане, которые также были эвакуированы через Дрезден, как известно, достигли города только после атаки. Stalag VIIIb был эвакуирован из Оппельна на Одере 26 января, но его узники не прибыли до 20 февраля, после трех недель марша. Stalag VIIIc с 15 тысячами заключенных был также направлен через Шпремберг в Дрезден. До какого уровня увеличилось количество наводнивших город пленных союзников в течение февраля, видно из доклада Международного Красного Креста, представитель которого посетил Дрезденский лагерь Stalag IVa 22 февраля. Согласно докладу, к тому времени в лагере находилось в общей сложности не менее 26 620 военнопленных, включая 2207 американцев.

Первые, официально сформированные поезда с востока начали прибывать в Дрезден. 26 января более тысячи девушек из отрядов государственной трудовой повинности рейха ожидали на Центральном вокзале, чтобы помочь сойти с поезда беженцам почтенного возраста и инвалидам, донести их багаж, открыть товарные вагоны, помочь им раздобыть пропитание и устроиться во временных жилищах. Потом пустые вагоны были отправлены обратно на восток, чтобы в них могли погрузиться новые беженцы. День и ночь в Дрездене продолжалась разгрузка беженцев, снабжение их продовольствием и пересылка. Темп работы настолько возрос, что в конце концов девушки из государственной трудовой повинности рейха, части гитлерюгенда, Лиги германских девушек, службы социального обеспечения национал-социалистического союза и женских ассоциаций были задействованы в этой социальной работе с беженцами.

Многие крупнейшие средние школы были закрыты и превращены в общевойсковые госпитали и госпитали люфтваффе. В течение нескольких дней после вторжения советских войск таким образом были преобразованы школы «Драйкенигс», «Вицтум» и государственные средние школы, так же как и средние школы в дрезденском Новом городе, в Дрезден-Йоханнштадт, Дрезден-Плауен, Дрезден-Базевиц, а также женские гимназии в дрезденском Новом городе и Дрезден-Маршнерштрассе. Школьники были освобождены от занятий и тоже должны были работать с беженцами на станциях. 1 февраля началось широкомасштабное привлечение школьных отрядов на станции дрезденского Нового города, а мальчики старшего школьного возраста должны были работать всю ночь с 19.55 вечера до 8.00 утра, ухаживая за больными беженцами, прибывавшими с востока.

В ходе массовой эвакуации с востока области провинции Глогау, Фрауштадт, Гурау, Милич, Требниц, Гросс-Вартенберг, Ульс, Намслау, Кройцберг, Розенберг и восточные районы Оппельна и Бриг совершенно опустели, оставленные их жителями. Существующая транспортная система, идущая в западном направлении, была перегружена, но организация социальной службы партии сумела организовать более или менее удовлетворяющие потребности пункты питания на остановках по дороге в Дрезден, чтобы облегчить страдания людей от голода и пронизывающего холода.

Теперь появились первые большие опасения среди гражданских жителей Бреслау, столицы Силезии. К счастью, население города Бреслау к январю 1945 года уже значительно поредело и насчитывало всего лишь 527 тысяч жителей. Уже была проведена эвакуация более 60 тысяч не являвшихся ценными кадрами граждан с осени 1944 года, когда город был объявлен крепостью. 21 января отдаленная канонада артиллерии, обстреливавшей Требниц, доносилась до Бреслау, и остававшиеся в городе женщины, дети, старики и инвалиды охотно уезжали на запад. Поскольку действовавшая служба железнодорожных перевозок безнадежно не справлялась с возросшими перевозками, более чем 100 тысячам человек пришлось буквально пешком шагать на запад. В отсутствие деревенских повозок и фургонов, на которых преимущественно эвакуировалось сельское население, у населения промышленных центров не было альтернативы нашему переходу. Им

требовалось несколько недель для того, чтобы достичь Саксонии, куда устремилась большая часть переселенцев.

Не одно только гражданское население эвакуировалось из Бреслау, которому предстояло стать ареной жестоких сражений до тех пор, пока 6 мая город не сдался. Готовясь к осаде, правительство распорядилось об эвакуации многих административных и военных учреждений в Дрезден из Бреслау. Так, все оборудование радиостанции Бреслау было демонтировано и перевезено в Дрезден, с указанием усилить маломощную радиостанцию города и одновременно перестроить на прежнюю длину волны, которая использовалась в Бреслау, с тем чтобы замаскировать ее местоположение. В данном случае грузовики с оборудованием радиостанции прибыли в Дрезден только во второй половине дня до первой атаки самолетов командования бомбардировочной авиации Королевских ВВС и разделили участь города. Управление военно-воздушного округа Бреслау также было переведено на новые квартиры в Дрезден.

Наряду с преждевременным концом радиопередатчиков Бреслау печальная участь постигла 158 ценных живописных полотен, что заслуживает еще большего сожаления. Художественные галереи Дрездена уже давно оставались без шедевров, которые сделали город знаменитым в мирное время. Однако во время эвакуации с территорий к востоку от Эльбы было решено, что замкам и дворцам, в которых в течение всей войны хранилась большая часть ценных произведений искусства, следует отдать преимущество. Поэтому так получилось, что ближе к вечеру 13 февраля почтенный реставратор, в ведении которого были два автофургона с 197 живописными полотнами, в том числе работы Курбе, Беклина и Райски, прибыл в Дрезден после дня пути из замков Милькель и Каменц. Водители отказались той ночью продолжать путь в Ширитц, район к западу от Эльбы, где картины должны были приняты на хранение. Поэтому грузовики припарковали на набережной Эльбы вблизи «Брюльской террасы», места, которое через несколько часов стало эпицентром огненного смерча.

К тому времени, когда началась операция по окружению Бреслау, в том городе оставалось только 200 тысяч граждан; большая часть населения бежала в Дрезден и другие большие и малые города рейха. Из остававшихся жителей Бреслау 40 тысяч были обречены на смерть

в ходе жестоких уличных боев и налетов советской авиации. События на востоке предвещали недоброе для будущего Дрездена, и только военнопленные, не разделявшие общего благодушного настроения в городе, похоже, осознавали уязвимость Дрездена в качестве центра транзита беженцев.

«Хотя Бреслау находится строго на востоке от нас, — записал один пленный в Дрездене 28 января, — железную дорогу не бомбят, и движение по ней немцев проходит вполне беспрепятственно. Вызывает удивление такая организация с нашей стороны или со стороны русских. Не знаю, с какой из них!»

Глава 2
УДАР ГРОМА

Впечатляющий темп советского наступления на востоке, сопровождавшегося приказами советского командования, провозглашавшего падение одного города на востоке рейха за другим, не могли не стать для западных союзников более чем обескураживающими. Было очевидно, что долгожданная Ялтинская конференция союзных держав, от которой во многом зависело будущее послевоенной Европы, открывалась в сопровождении широкомасштабной демонстрации советской военной мощи. По сравнению с успехами советских маршалов Конева и Жукова в Восточной Пруссии и Силезии достижения западных союзников в Италии и последние боевые действия в Арденнах должны были казаться весьма незначительными.

Когда открылась Ялтинская конференция, было очевидно, что политическим лидерам Запада под давлением обстоятельств придется договариваться с позиции силы. В сложившихся условиях было естественно, что правительства союзников должны окончательно объединить свои силы бомбардировочной авиации и таким образом произвести впечатление на Советский Союз. И хотя отдельные участки Западного фронта колебались, на Германском «внутреннем фронте» наступление союзников было столь же сокрушительным, как любое другое предпринятое советскими бронетанковыми войсками на востоке. Британское правительство оказалось в особенно затруднительном положении, когда оно вступило в переговоры с советским премьером: президент Рузвельт, который уже был больным человеком, проявил мало плодотворного участия в судьбе будущих границ Восточной Европы.

Однако зимняя погода в Европе была столь же неблагоприятной для действий бомбардировочной авиации, как и для колонн беженцев, тянувшихся в западном направлении. Она побудила Объединенный комитет разведывательных служб внести дельное предложение по наиболее эффективному размещению сил бомбовой авиации

союзников. Это был видоизмененный план, разработанный до этого под кодовым названием «Удар грома».

В июле 1944 года начальники штабов обсудили возможность того, чтобы Берлин был выбран в качестве цели для удара «сокрушительной силы», подрывающего моральный дух военных, политиков и мирных граждан. Предложение было выдвинуто на рассмотрение премьер-министра, а затем включено в подробный меморандум, представленный начальникам штабов 1 августа. Этот меморандум официальные историки справедливо окрестили «ордером» на проведение дрезденской операции. В качестве альтернативы Берлину вся мощь атаки могла бы быть сконцентрирована на одном большом городе, но не на Берлине, что привело бы к колоссальным разрушениям. Эффект был бы особенно сильным, если бы это был город, до сих пор относительно не пострадавший.

По мнению министерства иностранных дел, управления политической войны и министерства экономической войны, с которыми обсуждался «Удар грома» и получил принципиальное одобрение, такая атака могла ускорить неотвратимую победу или склонить чашу весов в ее пользу.

Но по совету Объединенного комитета по планированию этот план был отложен до того времени, когда Объединенный комитет по разведке посчитает складывающиеся обстоятельства благоприятными. В докладах 25 января 1945 года Объединенный комитет по разведке представил подробную оценку нового советского наступления на Восточном фронте, в свете которого «Удар грома» был пересмотрен. По мнению комитета, поддержка, которую силы стратегической бомбардировочной авиации союзников могли себе позволить оказать русским в течение последующих нескольких недель, оправдывала срочное рассмотрение возможностей использования их таким образом. В этом докладе от 25 января делался особый упор на необходимость сосредоточиться на объектах нефтяной промышленности. Бомбежка танковых заводов, которые снабжали танковые дивизии машинами, отправляемыми прямо на фронт, должна была стоять хотя бы на втором месте после первостепенной атаки на нефтяные объекты. Наконец, комитет доложил о возможности вмешательства в попытки немцев спешно отправлять подкрепление на Восточный фронт (хотя это, конечно, едва ли было серьезной угрозой на данном этапе войны,

как мы видели выше по реакции Гитлера на просьбу Гудериана). Комитет предложил подвергнуть бомбардировке коммуникации, и в особенности «интенсивной и продолжительной бомбардировке» — Берлин. Однако это был первый доклад, привлекший особое внимание к возможности оказания поддержки русским на Восточном фронте, и, хоть и поставленная на последнее место, атака коммуникаций была обсуждена в этом контексте.

Во втором докладе Объединенного комитета по разведке «Удар грома» рассматривался более подробно в качестве средства оказания поддержки русским, поскольку изначальный план сокрушительного удара для подрыва морального духа, как в нем утверждалось, не стал бы решающим, даже будучи соотнесен во времени таким образом, чтобы совпасть с благоприятным этапом наступления русских. Один из недостатков подобного рода доклада, и в этом нет вины комитета, состоит в том, что советский Генеральный штаб не ставил западных союзников заранее в известность о своих предстоящих военных операциях. Крупное наступление советских войск началось, если вспомнить, 12 февраля, но только 25 января Объединенный комитет по разведке опубликовал подробные доклады о нем. Можно заметить, что минимальная задержка хотя бы на 13 дней перерыва между началом нового наступления русских и самого раннего «одновременного» нанесения «Удара грома» по германскому городу не способствовала утверждению тесного взаимного сотрудничества между Западом и Востоком, а скорее наоборот.

Объединенный комитет по разведке полагал, что, если такая атака планируется в связи с той обстановкой, которая преобладала на Восточном фронте, силы стратегической бомбардировочной авиации все же еще могли оказывать поддержку советскому наступлению таким образом, который, по крайней мере, показал бы немцам, что взаимное сотрудничество между Востоком и Западом — реальность (немцы использовали бы любой разлад между союзниками). Огромное замешательство могло бы произойти за позициями немцев в случае осуществления атаки на переполненный беженцами Берлин. Огромный поток беженцев из подвергнутого воздушному удару Берлина прибавился бы к уже хлынувшим на запад с захваченных советскими войсками территорий переселенцам. Это, несомненно, «создало бы препятствия упорядоченному движению войск на

[Восточный] фронт и сковало германскую военную и административную машину». В дополнение к этим тактическим соображениям в этом втором докладе комитета выражалось мнение, имеющее значение ввиду предстоящей Ялтинской конференции о том, что, возможно, есть «политическая ценность» в демонстрации русским «наилучшим открытым для нас способом» желания оказать им поддержку в текущем наступлении.

Британское министерство авиации не замедлило приступить к действиям, руководствуясь этим докладом. Заместитель начальника штаба ВВС сразу же позвонил сэру Артуру Харрису, чтобы ознакомить его с изложенными в докладе рекомендациями и обсудить возможные последствия. И хотя Харрис подтвердил, что рассматривал Берлин как уже «намеченный объект», сэр Норман Боттомли указал, что, поскольку теперь составлен в полном объеме план сокрушающего удара по Берлину, Харрису придется координировать свои операции со стратегическими ВВС США и, по всей вероятности, консультироваться с начальниками штабов. В ходе этого разговора, судя по записке, переданной Боттомли начальнику штаба военно-воздушных сил, сэру Чарльзу Порталу, на следующий день, сэр Артур предложил осуществить дополнительные атаки на Хемниц, Лейпциг и Дрезден, которые, наравне с Берлином, разделяли задачу по приему эвакуированных с востока и которые опять же были ключевыми пунктами в системах коммуникаций, обслуживающих Восточный фронт.

Было особенно нелепо, что сэр Артур Харрис должен был теперь консультироваться по плану сосредоточения всей мощи бомбардировочной авиации в районе атаки, поскольку он давно и безрезультатно отстаивал перед штабом ВВС стратегию продолжения ковровых бомбардировок района в качестве ключевого условия разгрома Германии, в противоположность бомбардировкам избранных объектов. Правительство и штаб ВВС с самых первых дней войны знали о возможности воздушных атак районов в качестве средства нанесения удара в сердце военной промышленности Германии, так же как знали о сопутствующем им психологическом эффекте. И в самом деле, усилия командования бомбардировочной авиации в 1943–1944 годах были в значительной степени направлены на бомбардировку городов. Однако на этой стадии войны успех воздушных атак на

нефтеочистительные заводы, проводимых сэром Артуром Харрисом и американцами летом 1944 года, убедил штаб ВВС, что, продолжая отдавать высший приоритет атакам на нефтяные объекты, можно решающим образом повлиять на ход войны еще до конца года. Однако Харрис настаивал на возможности продолжения атак районов как средстве расчленения Германии, подрыва ее материальной базы и морального духа населения в противовес невозможности действовать по намеченному плану, необходимому для бомбардировок по точечным целям при определенных погодных условиях.

Несмотря на включение нефтяных объектов в список целей высшего приоритета в течение осени 1944 года, в период с октября по декабрь 58 процентов операций командования бомбардировочной авиации было нацелено на города. (Доля 14 процентов, приходящаяся на нефтяные предприятия, предполагает более значительные усилия, чем может отображать голая цифра, из-за точных координат расположения целей.) В письме сэру Чарльзу Порталу 1 ноября Харрис отмечал, что в течение 18 месяцев бомбардировочная авиация, фактически, разрушила 45 из 60 главных германских городов. Кроме того, командование предложило подвергнуть разрушению нетронутые объекты: Магдебург, Халле, Лейпциг, Дрезден, Хемниц, Бреслау, Нюрнберг, Мюнхен, Коблен и Карлсруэ, а также довершить разрушение Берлина и Ганновера. Однако предлагавшееся изменение приоритетов не было уступкой Харрису со стороны штаба ВВС, и тупик стратегической линии продолжал оставаться.

В середине января с развязыванием нового наступления русских Харрис в письме Порталу от 18 января довел дело до кульминации, вновь выразив свое недовольство политикой бомбардировки выборочных целей, которой требовал план, ставивший на первое место нефтяные объекты. Он выступал за разрушение Магдебурга, Лейпцига, Хемница, Дрездена, Бреслау, Позена, Халле, Эрфурта, Гота, Веймара, Эйзенаха и оставшейся части Берлина — то есть за перенос внимания с промышленных объектов на восточногерманские города. В заключение в письме указывается, что Порталу следует подумать, не лучше ли поступить так для успеха британского оружия, что только и имеет значение, если Харрис должен остаться при своем командовании. Перед лицом ультиматума сэр Чарльз Портал был вынужден сделать неприятный выбор: либо остаться на критическом

этапе войны без командующего, репутация которого была чрезвычайно высока, либо оставить нынешний тупик по поводу приоритетов. Он выбрал последнее, и в письме от 20 января попросил Харриса остаться, но рассмотреть существующие приоритеты, несмотря на свое недоверие к ним.

Именно при таких обстоятельствах спустя менее чем неделю возрождение «Удара грома» — главного элемента в концепции бомбардировки района — получило самую сильную поддержку. Безотносительно к разговору Боттомли с Харрисом премьер-министр в течение нескольких часов веско выражал свою личную озабоченность бомбардировкой населенных центров Восточной Германии.

Можно предположить, что ко времени своего вмешательства вечером 25-го премьер-министр прочитал в докладах Объединенного комитета по разведке о новом советском наступлении и возможном осуществлении плана «Удар грома». Кроме того, в тот день другие факты приобрели значение при рассмотрении им докладов. Лондонские газеты описывали сцены страданий людей в восточногерманских городах, когда нахлынули беженцы из Бреслау и Силезии, так же как и из Восточной Пруссии перед наступлением русской армии. Тем не менее, как сообщала «Таймс», утром 25-го германские радиокомментаторы утверждали, что, хотя все беженцы потоком следовали через Берлин, столица рейха не была парализована. В довершение всего русские в тот день перешли Одер около Бреслау, и весть об этом быстро достигла Уайтхолла. Военная ситуация на Восточном фронте казалась благоприятной для срочного рассмотрения докладов комитета.

В тот вечер премьер-министр связался по телефону с министром авиации сэром Арчибальдом Синклером, чтобы получить информацию о планах в связи с ситуацией в Восточной Германии. Об этом разговоре личный секретарь и ассистент Синклера писал, что премьер-министр потребовал сообщить ему, что планирует предпринять командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС в отношении «немцев, отступающих из Бреслау».

Господин Черчилль настаивал на том, что ситуация в Восточной Германии требует принятия срочных мер, поэтому необходимо было спешно провести консультации в министерстве авиации. Утром следующего дня начальник штаба ВВС, который уже получил доклад

Боттомли о своем разговоре с Харрисом накануне вечером, заметил заместителю, что, не посягая на приоритет атак нефтяных объектов и необходимость нанесения ударов по ракетным заводам и базам подлодок, им следует приложить усилия к тому, чтобы изыскать возможность для совершения масштабной атаки Берлина и для атак Дрездена, Лейпцига, Хемница и других городов. Массированные бомбардировки этих городов не только вызовут замешательство в ходе эвакуации с востока, но и затруднят продвижение войск с запада.

План, конечно, должен быть согласован с начальниками англо-американского объединенного штаба и с сэром Артуром Теддером, заместителем главнокомандующего. Даже несмотря на то, что контроль над силами стратегической бомбардировочной авиации почти полностью перешел прошлой осенью от штаба Верховного командования экспедиционных сил союзников к начальникам объединенного штаба, к началу 1945 года штаб ВВС был озабочен значительностью непосредственной поддержки армии, которая требовалась от бомбардировочных сил. На конференции в Квебеке в сентябре 1944 года по рекомендации сэра Чарльза Портала контроль над стратегическими операциями бомбардировщиков был передан начальникам объединенного штаба, который подчинялся только командным полномочиям генерала Эйзенхауэра в связи с чрезвычайной необходимостью их применения в боях на суше. Ввиду быстрого развития событий, влиявших на стратегическую ситуацию в то время, сэр Чарльз Портал заявлял: «В самое ближайшее время может возникнуть необходимость применения всех сил стратегической бомбардировочной авиации для атаки, прямой целью которой будет подрыв морального духа немцев».

Выбор психологически обоснованного момента для нанесения этого удара мог быть лучше всего сделан начальниками объединенного штаба, да и извлечь наибольшую пользу из этой акции можно было бы при их непосредственном контроле сил бомбардировочной авиации.

Однако, несмотря на доклады Объединенного комитета по разведке и очевидный успех русского вторжения, Портал в своих замечаниях от 26 января выразил сомнение, настало ли время для «Удара грома» в полном масштабе. Он также сомневался в том, оправданна ли массированная бомбардировка коммуникаций, в

надежде задержать переброску на восток германских войск пополнения.

Сэр Арчибальд Синклер, проконсультировавшись со штабом ВВС, ответил в записке от 26 января на требование, высказанное по телефону премьер-министром, в соответствии со своим пониманием планов внесения сумятицы в боевые порядки войск противника, отходящих перед русским наступлением. Синклер советовал этого не делать на том основании, что такое движение войск «большими массами отступавших в западном направлении в Дрезден и Берлин» более удобно атаковать тактическими ВВС, особенно ввиду того факта, что точных разведданных о передвижениях войск не поступало и что такие атаки следует координировать с русскими, поскольку цели находятся в пределах района их боевых операций.

Следовательно, ввиду рекомендаций сэра Чарльза, он отстаивал продолжение атак нефтяных предприятий, если только погода позволяла осуществлять точное бомбометание по целям, а если погода не позволяла — проводить бомбардировку района.

Эти возможности можно было использовать, чтобы при сложившейся благоприятной обстановке подвергнуть бомбардировке Берлин и другие крупные города Восточной Германии, такие как Лейпциг, Дрезден и Хемниц. Все они были не только административными центрами, из которых контролировались передвижения войск и граждан, но и главными центрами коммуникаций, через которые проходила большая часть транспортных потоков. В заключение он сказал — в связи с замечаниями Портала о необходимости предварительных консультаций, — что возможность этих атак, проводимых в масштабе, необходимом для достижения решающего воздействия на ситуацию в Восточной Германии, в настоящее время рассматривается.

Несмотря на подробные и убедительные аргументы, изложенные Синклером, относительно продолжения атак на нефтяные объекты, премьер-министр сразу же отреагировал:

> «Я не спрашивал вас вчера вечером о планах ускорения процесса отступления немецких войск из Бреслау. Напротив, я спрашивал, следует ли рассматривать сейчас Берлин и, без сомнения, другие крупные города Восточной Германии в

качестве особенно привлекательных целей. Я рад, что этот вопрос „рассматривается“. Прошу вас, доложите мне завтра, что будет предпринято».

Непосредственным результатом этого жесткого ответа должно было стать то, что штаб ВВС запаникует (заместитель его начальника сэр Норман Боттомли замещал сэра Чарльза Портала в связи с поездкой того в Ялту) и выпустит инструкцию для сэра Артура Харриса, согласно которой многонаселенные восточные города, включая Дрезден, неизбежно станут объектом модифицированной версии «Удара грома». Боттомли напомнил о своем телефонном разговоре за два дня до этого с сэром Артуром Харрисом, в котором затрагивались атака Берлина и атаки на Дрезден, Хемниц и Лейпциг. Он вложил в свое письмо Харрису копии докладов Объединенного комитета по разведке от 25 января, в которых рассматривался план проведения атаки «Удар грома» в отношении Берлина. Однако он добавил, что сэр Чарльз Портал не думает, что будет правильным пытаться атаковать Берлин в масштабах «Удара грома» в ближайшем будущем, поскольку сомнительно, что такая атака, даже осуществленная с большим уроном для противника, будет иметь решающее значение. В то же время Портал согласился, что, не умаляя значения нефтяных объектов, командованию бомбардировочной авиации следует приложить усилия к тому, чтобы изыскать возможность осуществить крупную атаку Берлина и аналогичные атаки Дрездена, Лейпцига, Хемница и других городов. Такие массированные бомбардировки не только вызовут замешательство в рядах эвакуирующихся с востока, но и затруднят переброску войск с запада.

Сэр Норман Боттомли завершал свое письмо Харрису формальной просьбой, чтобы — при условии проявления неизменного уровня мастерства при выполнении этих бомбовых ударов по восточным населенным центрам, «игнорируя требования придерживаться перечня целей из числа нефтяных и других объектов в рамках действующей директивы [т. е. директивы № 3]» и если позволяют погодные условия и наличие луны — командование предпринимало такие атаки «с особенным намерением

воспользоваться обстановкой хаоса, которая, вероятнее всего, возникла в вышеупомянутых городах в ходе успешного наступления русских».

Условия освещенности луной вряд ли были особенно благоприятными до 4 февраля, и премьер-министр был проинформирован об этом сразу же после того, как письмо Боттомли передали сэру Артуру Харрису. На следующий день, 28 января премьер-министр формально признал послание. Понятно, что он преследовал определенную цель: вскоре после 4 февраля, в разгар Ялтинской конференции, он был в состоянии нанести эффектный удар по восточногерманскому городу, чтобы произвести впечатление на русскую делегацию. Но он не мог предвидеть, что девять дней пройдут, и закончится Ялтинская конференция, прежде чем погода станет благоприятной для такой операции дальнего радиуса действия.

К 31 января план совместной атаки союзниками восточногерманских городов вступил в новую стадию, когда в результате встреч между заместителем начальника штаба ВВС сэром Артуром Теддером и командующим стратегическими силами ВВС США генералом Карлом Спаацем был согласован новый расклад приоритетов. Директива № 3 для операций стратегических ВВС с 15 января как будто исключала возможность атак целей на востоке Германии, ставя условием, согласно ее положениям, что стратегические ВВС, базирующиеся в Соединенном Королевстве, особое внимание уделят линиям коммуникаций Рура. Основные заводы-производители синтетических масел все еще были высшими приоритетами для сил бомбардировочной авиации союзников. Однако постольку, поскольку речь шла о стратегических бомбардировщиках, действовавших из Великобритании, второе место по важности теперь перешло от коммуникаций Рура к атакам Берлина, Лейпцига, Дрездена и других восточногерманских городов. Атаки были призваны нарушить процесс эвакуации беженцев с востока и помешать передвижениям войск. Генерал Спаац соответственно проинструктировал 8-ю воздушную армию генерал-майора Дж. Х. Дулиттла, штаб-квартира которого, так же как и командования бомбардировочной авиации, находилась в Хай-Уайкомб, атаковать Берлин, очевидно в рамках этого плана.

Докладывая об этом соглашении сэру Чарльзу Порталу 31 января, когда тот был на Мальте с начальниками объединенного штаба перед

трехсторонней конференцией в верхах в Ялте, сэр Норман Боттомли добавил, что русские ввиду высоких темпов своего наступления, особенно в направлении Берлина, «возможно, хотели бы знать о наших намерениях и планах атаки целей в Восточной Германии». Но не было свидетельств того, что рейд на Дрезден специально обсуждался с русскими в Ялте, и русские отрицали, что какая-либо информация об атаке района бомбардировочным командованием поступала к ним по обычным каналам связи британской военной миссии в Москве. Одной из причин этого могли быть осложнения в связи с тем, что с того времени, как генерал-лейтенант М. Б. Барроуз уехал из Москвы в ноябре 1944 года, будучи главой миссии, британское правительство, в ответ на холодность, с которой относились к миссии в Москве, не прислало ему замену.

Генерал Спаац особо настаивал на том, чтобы с запиской Боттомли Порталу, в которой откровенно раскрывалось кое-что непосредственно связанное с бомбардировкой американцами объектов в масштабе района, был бы также ознакомлен генерал Лоуренс, который председательствовал в Ялте вместо выздоравливающего главкома американских ВВС Х. Х. Арнольда. Вполне вероятно, что Спаац искал определенной поддержки этой новой политики в вышестоящей инстанции. Однако это послание Кутер увидел не ранее 13 февраля. К тому времени 8-я американская воздушная армия уже предприняла массированную атаку Берлина. Письмо сэра Нормана Боттомли от 27 января явно призывало к проведению крупных авиарейдов, и в нем предполагалось, что наилучших результатов можно достичь согласованными атаками, а не одиночными ударами, то есть используя методы дневной бомбардировки силами 8-й воздушной армии в связке с ночными атаками бомбардировочной авиации. Идея состояла в том, что, если американские дневные авиарейды вызовут пожары, они помогут бомбардировочному командованию успешно продолжить атаку ночью. На практике такая возможность представлялась редко, потому что погодные условия днем имели тенденцию отличаться от таковых в ночное время. Атака Берлина 8-й воздушной армией 3 февраля первоначально планировалась как часть такой комбинированной операции, и подготовка к ней в предварительном плане должна была быть согласована между сэром Норманом Боттомли и генералом Спаацем.

В ретроспективе нетрудно догадаться о природе совместного подхода к этой программе атак, совершаемых силами британской и американской бомбардировочной авиации. Американцы не позволили бы, чтобы их бомбардировщики отправлялись в рейды только с целью устрашения исключительно против мирного германского населения. Они едва ли отказали бы в обоснованной просьбе направить бомбардировщики для атаки военных целей в самом центре жилых кварталов, хотя им было известно о низкой точности этих атак, когда они проводятся вслепую, как всегда было в эти первые зимние месяцы. Американские атаки вслепую по заданным целям в жилых районах столь же широко распространились бы, как и ночные атаки вслепую, проводившиеся британскими бомбардировщиками по самим жилым районам. Высшие офицеры командования бомбардировочной авиации, фактически, настаивали на том, что, поскольку методы радиолакационного обозначения целей гораздо более точные в ночное время, дневные атаки вслепую еще больше распространены, чем атаки по целям, обозначенным с помощью радара.

В это время идея о том, что Дрезден был важным промышленным городом, выглядит весьма поверхностной. Отдел военного министерства, ответственный за инструктаж начальника имперского Генерального штаба по всем вопросам, полностью поддерживал атаку германских заводов по производству синтетических масел, но с самым серьезным сомнением относился к стратегическим воздушным атакам германских городов. Когда русские обратились с просьбой о проведении союзниками воздушных атак на центры коммуникаций, была выпущена карта с указанием некоторых таких центров, которые могли быть включены в соответствующий этой просьбе список. Одним из городов в списке к этой карте коммуникаций был Дрезден, поскольку подходил под эту категорию. Но он конечно же не был важным промышленным центром. И в самом деле, информация, которую отдел должен был предоставить начальнику имперского Генерального штаба о Дрездене, состояла в том, что город не так уж широко использовался германской армией в качестве транспортного узла, а больше огромными массами беженцев с советского фронта.

2 февраля заместители начальников штабов в Лондоне информировали британских начальников штабов, которые все еще участвовали в конференции начальников объединенных штабов на

Мальте, что они одобрили новые приоритеты. Они их слегка подкорректировали за счет включения танковых заводов, но все же на втором по важности месте после заводов синтетических масел стояли Берлин, Лейпциг, Дрезден и подобные им города, «массированная атака которых вызовет сильнейшую неразбериху в процессе эвакуации граждан с востока и затруднит отправку пополнений». Авианалеты на магистраль Рур — Кельн — Кассель были вынесены в ряду приоритетов на третье место. Когда улягутся обломки и осядет пыль от тройного удара по Дрездену и внешний мир узнает о масштабах трагедии, мы увидим, что возникнет спор о том, следовала ли 8-я воздушная американская армия первоначальной директиве № 3 или вышеупомянутой предложенной директиве. Генерал Спаац утверждает, что ни на одном из этапов не было отступлений от директивы США на атаку «военных объектов»; в случае с Дрезденом ими были сортировочные станции.

Новые приоритеты были, очевидно, в некотором отношении учтены стратегическими ВВС США днем 3 февраля, когда сокрушительный удар был нанесен по Берлину почти тысячей «Летающих крепостей». Как и было запланировано, военные объекты атаки для «Летающих крепостей» были намечены не иначе, как в самом центре жилых и деловых районов. В цитировавшихся в Швеции германских отчетах утверждалось, что погибли более 25 тысяч человек, в том числе много жертв было среди беженцев.[1] 8 февраля на совещании командного состава военно-воздушных сил союзников генерал Спаац мог обратить внимание на впечатляющие результаты, достигнутые его бомбардировщиками в этой атаке Берлина. В то же время он добавил, что «есть подозрения, что 6-я танковая армия» двигалась через столицу в качестве подкрепления на Восточный фронт. Неизвестно, знал ли на этом этапе войны генерал Спаац о доказанной неточности бомбардировок во время авиарейдов 8-й воздушной армии, которая в условиях плохой погоды полагалась только на приборы. Его подчиненному, командующему 8-й воздушной армией, генерал-майору Дж. Х. Дулиттлу это, конечно, должно было быть известно. В записке от 26 января его проинформировали, что вероятная погрешность выхода армии на цель по дуге во время этой атаки вслепую могла быть около 3 километров, что «требует

сплошного бомбометания по району, чтобы достичь какого-либо результата».

4 и 5 февраля погода мешала проведению дальнейших операций дальнего радиуса действия, и 6-го пришлось отказаться от попытки провести точную атаку по нефтяным объектам и заняться смежными объектами второй очереди в виде сортировочных станций в Хемнице, в 50 километрах к юго-западу от Дрездена, и в Магдебурге. Около 800 тонн бомб было сброшено на каждый из этих городов, в соответствии с общим духом оказания поддержки русским. Было ясно, что недалеко то время, когда бомбы с британских или американских бомбардировщиков начнут падать на Дрезден.

7 и 8 февраля силы тяжелых бомбардировщиков были выделены для дневных операций над Германией, но в обоих случаях операции были отложены из-за ухудшавшихся погодных условий. 7 февраля член парламента от лейбористов Эдмунд Пебрик потребовал сообщить ему, когда будут бомбить Хемниц, Дрезден, Дессау, Фрейбург и Вюрцбург, «которые до сих пор совсем в малой степени или вовсе не испытывали ничего в этом роде». Эттли ответил, что никаких заявлений в отношении будущих операций сделано не будет; он едва ли мог раскрыть, даже если бы знал, что планы бомбардировки двух из этих городов уже были в руках командования бомбардировочной авиации (и, вероятно, также и у 8-й воздушной армии) в соответствии с письмом Боттомли от 27 января. Наступательные действия авиации по бомбардировке районов, направленные против германских городов, были на пороге кульминации.

Как только советские бронетанковые войска временно остановились на Одере, приток беженцев в Дрезден уменьшился до струйки. Затем 8 февраля советские армии значительными силами форсировали Одер, и районы непосредственно к западу от Одера стали полями кровавых боев. Беженцы, которые всего несколько дней назад считали себя в безопасности в этих районах, теперь возобновили стремительное бегство на запад. В то же самое время советские войска начали брать в клещи Бреслау, чтобы блокировать город.

Теперь уже началась также лихорадочная эвакуация и из Западной Силезии. Из 35 тысяч жителей города Грюнберга благодаря незамедлительным партийным приказам на эвакуацию почти 4 тысяч человек ушли вовремя. Другим городам повезло меньше: Лигниц уже

был объявлен районом приема беженцев из городов к востоку от Одера; обычная численность его населения в 76 тысяч человек многократно возросла за счет этих беженцев; 20 тысяч германских граждан силой заставили оставаться на месте, когда советские войска заняли город, который был вторым по величине в Западной Силезии. То, что такой большой процент населения оказался в западне, стало результатом отсутствия в Нижней Силезии сельскохозяйственного транспорта, наличие которого позволило жителям других провинций покинуть их с меньшими трудностями.

Масштаб этой массовой миграции беженцев, которой предстояло стать как причиной, так и отличительным признаком дрезденской трагедии, может быть обозначен лишь приблизительно. В начале 1945 года население Силезии насчитывало 4 718 000 человек, из которых 1 500 000 либо не смогли вовремя уехать, либо, будучи польского происхождения, оставались на месте. Из 3 200 000 человек, обратившихся в бегство, половина нашла пристанище в чехословацком протекторате, даже не подозревая, какой расистской жестокости они могут подвергнуться после чешского восстания; остальные в количестве около 1 600 000 бежали дальше в Германскую империю. Силезцы представляли, пожалуй, 80 процентов перемещенных лиц, заполнивших Дрезден в ночь тройного удара. Город, в котором в мирное время насчитывалось 630 тысяч граждан, накануне атаки был настолько переполнен, что количество его возросшего населения теперь колебалось между 1 200 000 и 1 400 000 человек. Тут были беженцы из Силезии, Восточной Пруссии и Померании, где проходил Восточный фронт, берлинцы и рейнландцы с запада, военнопленные из сил союзной коалиции и русских войск, поселения эвакуированных детей и подневольные рабочие многих национальностей. Из них, что неудивительно, несколько сотен тысяч не имели подходящих жилищ, и никто не имел возможности спрятаться в бомбоубежище.

12 февраля во второй половине дня с прибытием в Дрезден последних официально зарегистрированных поездов беженцев с востока население города приблизилось к максимуму. Первые официальные поезда беженцев должны были последовать в западном направлении спустя несколько дней. Колонны беженцев все еще стекались в Дрезден, следуя пешим порядком и в повозках на конной тяге, беспрерывный поток людей тянулся вдоль автомагистрали с

востока. Не все в этой бесконечной колонне беженцев были гражданскими — тут были и солдаты, отбившиеся от своих частей на фронте. Патрули полевой жандармерии были расставлены на окраинах города, как для того, чтобы контролировать этот поток с востока беженцев, так и чтобы направлять солдат в районы сосредоточения. Примечательно, что вера русских в то, что Дрезден сам использовался в качестве района сосредоточения для этих войск, не нашла свидетельского подтверждения. Полевая жандармерия направляла военных для перегруппировки в районы сосредоточения за пределами города. Беженцев теперь тоже заставляли сворачивать, огибая город, поскольку подъездные дороги были уже забиты длинными вереницами повозок с лошадьми; пешим беженцам разрешали войти в город, но предупреждали о необходимости в течение трех дней продолжить путь дальше.

Очень немногие из этих восточных беженцев, особенно крестьян, когда-либо ранее слышали сирену воздушной тревоги; в течение шести дней до тройного удара предостережения о воздушных налетах не звучали в Дрездене; большинство беженцев были простыми тружениками села, которые жили вдали от безобразных проявлений современной войны в фермерских общинах восточных областей. Это были крестьяне, которые не видели для себя никакого проку от политики «жизненного пространства», которую фюрер придумал для них на востоке. Теперь они должны были стать жертвами ужасов войны, которую нацистские агрессоры развязали в Европе.

Появление Дрездена в качестве специфической цели для атаки стало сюрпризом для штаба разведки командования. С 1944 года в дополнение к директивам, выпускавшимся время от времени для двух командующих бомбардировочной авиацией союзников, командование бомбардировочной авиации получило список приоритетных целей на неделю от Объединенной комиссии по стратегическим целям. В общий комитет входили представители руководства британских и американских ВВС и разведотделы штаба Верховного командования экспедиционных сил союзников. Командование бомбардировочной авиации обычно выбирало эти цели из недельных списков, с учетом погодных условий и соответствующих тактических соображений. Иногда, конечно, просили особого разрешения на определенные цели, но в этих случаях неизменно находилась причина для острой

необходимости в этом. Однако Дрезден все еще не фигурировал в этих еженедельных списках целей.

Инструкции Боттомли передавались в рабочем порядке в разведотдел командования бомбардировочной авиации для того, чтобы подготовить предварительные планы атак. Однако в течение нескольких дней включение Дрездена в этот список подвергалось сомнению. У них, конечно, было досье на Дрезден. Хотя в нем, например, указывалось, что в этом районе большое число военнопленных, но не сообщалось никаких подробностей об их приблизительном местонахождении. Более того, имелось очень мало указаний на то, что Дрезден был городом большого промышленного значения или что он широко использовался для передвижений войск. Отсутствовала обычная точная информация о противовоздушной обороне. Особенно разведотдел интересовали указания, какие объекты должны были быть выбраны в качестве целей.

Ввиду этого сэр Роберт Сондби полагал, что, пожалуй, важность Дрездена в нынешней программе переоценена. Поэтому, опираясь на авторитет сэра Артура Харриса, он поставил под сомнение приказ министерства авиации. В свете их информации он предложил дважды проверить, прежде чем включать Дрезден в список целей и действовать. Шефы командования бомбардировочной авиации не так легко брали под сомнение приказы и, когда возникали такие случаи, говорили с сэром Норманом Боттомли или его представителем шифром по телефону. Прежде Боттомли уже имел дело с подобными ситуациями и позвонил в ответ Сондби в течение считаных часов. Однако в данном случае ему сказали, что дело должно быть передано в более высокую инстанцию.

Не прошло и нескольких дней, как последовал ответ. Сэр Роберт Сондби был проинформирован по телефону с шифратором, что Дрезден будет включен в приказ на бомбежку и что атака произойдет при первом удобном случае. Он понимал, что атака была частью программы, в которой премьер-министр лично заинтересован, и что с ответом на его запрос затянул из-за того, что за ним обратились к Черчиллю в Ялте. Однако, пожалуй, следовало бы заметить, что сэр Чарльз Портал тоже был в Ялте и что сомнения вполне могли охватить только его, особенно ввиду того факта, что в то время обсуждались новые приоритеты. Сэр Роберт Сондби понимал, что русские особо

просили об атаке Дрездена, и полагал, что эта просьба была озвучена в Ялте.

Официальные историки не нашли свидетельств этой просьбы. С другой стороны, бюллетень новостей Би-би-си от 14 февраля, в котором авиарейд описывался как «один из наиболее мощных ударов в сердце Германии, нанести который лидеры союзников обещали в Ялте», говорил в поддержку веры в существование такой просьбы.

Русские отрицают это, и более вероятным представляется, что подтверждение приказа на атаку Дрездена обнаруживается в общем духе одобрения меморандума, представленного в Ялте советским заместителем начальника Генерального штаба, генералом Антоновым, 4 февраля. В нем он предлагает, чтобы стратегические силы бомбардировочной авиации западных союзников атаковали с воздуха коммуникации вблизи Восточного фронта; упоминая, в частности, атаки, призванные парализовать такие центры, как Берлин и Лейпциг. Нет свидетельств и того, что просьба поступила по обычному каналу связи военной миссии в Москве. Генерал Дин, глава американской миссии, который в то время также был в Ялте, не помнит о какой-либо подобной просьбе русских, но указывает, что это не исключает возможности, что просьба была передана по какому-то другому каналу. Однако в другой связи Дрезден был особо упомянут в Ялте. Вопрос о пограничной линии проведения операций силами советской авиации и авиации союзников некоторое время был предметом споров, и 5 февраля в Ялте генерал Антонов предложил, чтобы разделительная линия для бомбардировщиков проходила через Берлин, Дрезден, Вену и Загреб. Города, через которые она пролегает, должны были быть выделены для воздушных операций западных сил, хотя генерал Кутер отметил, что это затруднит операции по нанесению ударов по центрам промышленности и коммуникаций по соседству с Берлином и Дрезденом. Однако никакого соглашения заключено не было.

Если уж приказ на бомбардировку был подтвержден, у сэра Артура Харриса не возникло дальнейших возражений по поводу необходимости его выполнения. Он пишет в своих мемуарах «Наступательные действия бомбардировочной авиации»: «Атака Дрездена была в то время признана военной необходимостью гораздо более высокопоставленными людьми, чем я». Однако фактически вплоть до следующей недели метеорологическая служба командования

бомбардировочной авиации не давала благоприятного прогноза для прорыва авиации дальнего действия в Центральную Германию. Таким образом, вопрос об этом становился спорным, и политическое преимущество авиарейда на Дрезден было потеряно. Несомненно, премьер-министр был столь же поглощен делами в завершение Ялтинской конференции 11 февраля, как и в день ее открытия, и не видел причины, если уж он настоял на таких рейдах, теперь их отменять.

Из трех городов, отмеченных в приказе Боттомли, помимо Берлина, Дрезден стал рассматриваться как объект первоочередной атаки не только по тем соображениям, что был выделен, когда был подтвержден первоначальный приказ. Причиной стало еще и то обстоятельство, что шансы на благоприятные погодные условия для такой атаки бомбардировщиков дальнего радиуса действия в это время года были чрезвычайно малы, и, если условия оказывались хоть сколько-нибудь подходящими, такой возможностью следовало воспользоваться незамедлительно.

12 февраля было решено, что погода позволит 8-й воздушной армии атаковать Дрезден на следующее утро. Депеша поступила и в Москву, начальнику отдела авиации американской военной миссии генерал-майору Эдмунду Хиллу, с просьбой проинформировать Генеральный штаб советской армии о том, что 8-я воздушная армия атакует сортировочные станции в Дрездене на следующий день, 13 февраля. Во второй половине дня 12 февраля командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС было проинформировано офицером связи, что с учетом погодных условий американцы атакуют Дрезден утром 13 — го. Для того чтобы эффект от этой совместной операции был максимальным, командованию, следовательно, придется назначить атаку ночью 13-го.

Американские летчики уже были проинструктированы для атаки Дрездена, когда операция была отменена, как вспоминает генерал Спаац, по причине плохой погоды. Во всяком случае, генерал-майору Хиллу в Москве снова телеграфировали, чтобы он сообщил в Генеральный штаб советской армии, что на следующий день (14 февраля), если позволит погода, 8-я воздушная армия атакует сортировочные станции в Дрездене и Хемнице. Так, собственно говоря, и случилось. Но между тем стратегические ВВС США были

избавлены от необходимости совершения первой беспрецедентной по масштабам атаки Дрездена; теперь уже это выпало на долю командования бомбардировочной авиации Королевских ВВС.

Однако утром 13-го в штаб-квартиру генерала Спааца поступила телеграмма от генерала Кутера из Ялты. Вопрос о новых приоритетах теперь уже был в фокусе его внимания, и суть этой телеграммы состояла в том, чтобы получить ответ на вопрос, санкционировались ли этой новой директивой «тотальные атаки городов».

Это можно объяснить тем, что новая директива, фактически, никогда не появлялась, хотя содержащиеся в ней новые приоритеты были согласованы со Спаацем и Боттомли, одобрены с некоторыми поправками заместителями начальников штабов и утверждены британскими начальниками штабов 6 февраля. Боттомли в соответствии с рекомендациями Портала предложил Спаацу, чтобы новая директива была выпущена. Нет сомнения в том, что заключенные в ней приоритеты были устно согласованы между Спаацем и Боттомли в конце января, но формально эта директива никогда не издавалась начальниками объединенного штаба, и генерал Спаац заявил, что атаки Берлина и Дрездена были осуществлены в рамках директивы № 3.

13-го на ежедневном утреннем совещании под председательством сэра Артура Харриса доложили, что погодные условия будут благоприятны для атаки Дрездена. Согласно прогнозу метеорологической службы министерства авиации, несмотря на облачность на протяжении большей части пути до Дрездена, ожидается, что верхняя граница облаков снизится до 2000 метров на расстоянии от 5 до 7 градусов к востоку. В районах Дрездена и Лейпцига возможны прояснения до полуоблачности и существует «риск распространения тонких облачных слоев на высоте от 5000 до 6000 метров». В метеорологическом докладе дополнительно сообщалось, что аэродромы бомбардировочной авиации будут «в целом пригодны» для посадки к тому времени, когда бомбардировщики вернутся после девятичасового полета на Дрезден.

Таким образом, решение выбрать Дрезден в качестве цели для бомбардировки в ту ночь было принято, и план передан на утверждение штабом Верховного командования экспедиционных сил союзников, главным образом в связи с военной ситуацией в целом. Это

утверждение стало обычным делом со времени операции «Оверлорд» в связи с необходимостью тесного сотрудничества между сухопутными и военно-воздушными силами и было важной формальностью — в случае с Дрезденом из-за высокого темпа наступления русских. Незадолго до 9.00 утра маршал авиации Р. Д. Оксланд, офицер связи командования бомбардировочной авиации в штабе Верховного главнокомандования, подтвердил разрешение, и приказ на выполнение атаки Дрездена был отдан. «Жестокий бомбовый удар», предписанный в приказе Боттомли от 27 января и подтвержденный в разговоре по телефону Сондби с министерством авиации, был теперь переведен в русло практических задач по планированию атаки.

Авиарейд на Дрезден перестал быть предметом обсуждений в посланиях и записках между политиками и комиссиями; теперь он был делом техники и людей, связанным с бомбами и вспышками, инструктажем офицеров, пилотов и бомбардиров. «Хотя и обуреваемый дурными предчувствиями, — отмечает сэр Роберт Сондби, — я не стоял перед альтернативой и должен был пойти на эту массированную воздушную атаку».

Часть третья
ПРОВЕДЕНИЕ АТАКИ

Глава 1
ПЛАН АТАКИ

Технические и стратегические проблемы, которые стояли перед командованием бомбардировочной авиации при проведении массированной воздушной атаки Дрездена, города в самом сердце Германии, не могли быть разрешены на каком-либо более раннем этапе войны.

Командованию было приказано нанести массированный удар по городу. Но погодные условия в феврале 1945 года были плохими, и для атаки, которая потребовала бы от соединения «Ланкастеров» от девяти до десяти часов лета и степени расчета по времени и сосредоточения на цели на уровне лучших достижений Харриса, метеорологические прогнозы имели немаловажное значение.

В первые недели 1945 года ночная истребительная авиация противовоздушной обороны немцев оставляла желать лучшего. Этих истребителей становилось все меньше, а их экипажи работали на пределе сил. Но территория района, который им нужно было защищать, тоже быстро сокращалась, по мере того как наступавшие армии накатывались на границы рейха, все дальше и дальше углубляясь на территорию Германии.

По этой причине главком ВВС маршал Харрис спланировал проведение атаки Дрездена Королевскими ВВС как двойной удар, эффективность которого была опробована в начале октября 1944 года. Преимущество стратегии двойной атаки состояло в том, что эскадрильи истребителей оказываются введенными в заблуждение, полагая, что первая атака и есть главный удар, они садятся и совершают дозаправку, а к этому времени, спустя три часа, вторая волна бомбардировщиков пересекает границы рейха. Была и более реальная надежда на то, что пожарные службы и другие вспомогательные силы противовоздушной обороны будут отвлечены на пожары, вызванные первой атакой; потом они завязнут и окажутся выведены из строя вторым ударом.

Третья выгода от двойного удара стала очевидна по результатам атаки Дрездена: всякая телефонная и телеграфная связь с

истребителями и сетью батарей ПВО прерывается; как активная, так и вспомогательная противовоздушная оборона оказываются парализованными и застигнутыми врасплох второй атакой. Главком ВВС маршал Харрис и эксперты по тактике просчитали, что оптимальный разрыв во времени между атаками такого двойного удара должен составлять около трех часов. Если разрыв будет короче, эскадрильи истребителей могут не успеть в достаточной мере рассредоточиться; пожары не успеют распространиться по улицам, а пожарные команды не будут перегружены работой ко времени второй атаки. Если же со второй атакой слишком затягивать, активная противовоздушная оборона успеет оправиться от последствий первой атаки и окажется снова готовой к бою и, зная вероятный выбор целей для второй атаки, сможет нанести более ощутимый урон строю бомбардировщиков.

В течение нескольких дней после того, как Харрис получил подтверждение приказа на бомбежку Дрездена, пояс облаков и непредсказуемая непогода господствовали над Центральной Европой. За исключением 3-й группы бомбардировщиков — соединения, специально обученного и снаряженного для дневного бомбометания вслепую в условиях слоистой облачности, все самолеты командования бомбардировочной авиации были благополучно посажены. Подошла к концу Ялтинская конференция. Штабные офицеры сэра Артура Харриса провели остававшиеся дни, собирая все доступные им материалы в рамках подготовки к атаке, но они все еще не могли представить сделанные через радиолокационный прицел H2S сравнительные фотографии, которые не были включены в оригинальное досье по Дрездену.

12 февраля 1945 года метеорологический отдел в Хай-Уайкомб уже мог обещать двум командованиям бомбардировочной авиации союзников приемлемые погодные условия над континентом в течение следующего дня, во вторник 13-го.

В первые часы вторника американские экипажи были проинструктированы для атаки по двум альтернативным целям. Если погода удовлетворяла требованиям, экипажи «Летающих крепостей» должны были попытаться осуществить план «Б», совершить длительный перелет до Дрездена и атаковать там сортировочные станции либо в ходе точной визуальной атаки, либо атаки вслепую,

полагаясь на приборы, в качестве предварительного удара перед ударом тяжелых бомбардировщиков Королевских ВВС. Если непогода исключала операции над Центральной Германией, то альтернативной целью для атаки, по плану «А», становился Кассель. Но погодные условия, которые выглядели благоприятными минувшей ночью, вдруг резко ухудшились рано утром в тот роковой день, и обе американские миссии были отменены, очевидно в связи с этим обстоятельством. Облака заволокли Европу и сам Дрезден, мелкая снежная крупа сыпалась с неба. Так что честь нанесения первого удара по Дрездену, нетронутой цели — как это преподносилось экипажу головного бомбардировщика — выпала на долю бомбардировочного командования Королевских ВВС. Вскоре после 9 утра во вторник 13 февраля, ознакомившись с прогнозом погоды и синоптическими картами, главнокомандующий приказал своему заместителю, маршалу авиации сэру Роберту Сондби, приступить к атаке Дрездена. План атаки уже был утвержден; Сондби оставалось только передать соответствующий закодированный сигнал в пять штабов соответствующих бомбардировочных групп.

Русский фронт пролегал менее чем в 130 километрах к востоку от Дрездена. Нельзя было допустить, чтобы какой-либо из «Ланкастеров» сбился с курса и сбросил бомбы за позициями советской армии; а тем более эскадрильям указателей целей непозволительно было ошибиться по широте при обозначении цели. Самое современное электронное навигационное оборудование Королевских ВВС под кодовым названием «Лоран» предназначалось для первоначального определения района цели, а низкоуровневый визуальный указатель служил для точного выбора города для атаки.

«Лоран», громоздкий комплект оборудования американского производства в нескольких металлических контейнерах, был закреплен в и без того тесных кабинах девяти скоростных бомбардировщиков «Москито». Первоначально его планировалось установить на «Ланкастерах» и использовать в операциях дальнего радиуса действия на Тихоокеанском театре военных действий.

По существу являющийся дальнейшим усовершенствованием радионавигационного прибора «Джи», который опутывал паутиной лучей небо над Западной Европой, «Лоран» был предназначен для применения в очень большом радиусе действия, в то время как «Джи»

был достаточно эффективен лишь при использовании его на сравнительно коротких расстояниях от систем радиопередатчиков.

«Лоран», при использовании отраженных от слоя «Е» ионосферы радиоволн, имел радиус действия 2400 километров, но эффективно использовать слой ионосферы можно было только во время ночных полетов. Вплоть до февраля 1945 года эта техника никогда не применялась в операциях Королевских ВВС. Теперь же с появлением приказа на бомбардировки городов авиацией дальнего радиуса действия и почти в пределах видимости русских позиций требовалась высочайшая степень надежности навигационного оборудования наведения самолета на цель, а обеспечить это мог только «Лоран». Экипажи самолетов «Ланкастер» и «Москито», оснащенных прибором «Лоран», были хорошо подготовлены для операций с этим оборудованием. Начальники аэронавигационного отдела командования бомбардировочной авиации скрестили пальцы от дурного глаза и выразили надежду, что ночью приборы будут работать безукоризненно. Радиолучи английской системы «Джи» даже при отсутствии помех пропадали в 240 километрах к западу от Дрездена. Сигналы, поступавшие от передвижных «Джи» — передатчиков, выдвигавшихся из-за позиций союзников, были неуверенными и слабыми. Они даже не покрывали город-мишень Дрезден. Осложнение, связанное с успешной ориентацией по курсу на Дрезден, состояло в том, что лучи прибора «Лоран», очевидно, нельзя было уловить на высоте ниже 6 тысяч метров. Головному бомбардировщику и восьми самолетам-маркировщикам «Москито», вероятно, пришлось бы испытать весьма неприятное ощущение при пике 6 тысяч метров до их обычной высоты наведения на цель в тысячу футов и меньше в отрезок времени от 4 до 5 минут, если они своевременно достигнут района цели.

Было ясно, что любое ошибочное указание цели приведет к политическому конфузу: лидеры союзников решили поддержать наступление советской армии атакой населенных центров. Этот план предполагал не только своевременно продемонстрировать солидарность с русскими, но и сокрушающую мощь, которой обладают западные союзники. Когда опустился пепел и поднялась завеса дыма, обнаружилось, что «Ланкастеры» командования бомбардировочной авиации не справились со своей задачей и бомбили не ту цель, конфуз был бы большим, если бы бомбардировщикам

предстояло нанести удар по городу за позициями русских, и последствия были бы более серьезными.

Харрис настаивал на том, чтобы «Лоран» был в распоряжении экипажей, ответственных за первоначальное обнаружение города и обозначение района бомбометания разноцветными огнями указателей цели. Это было причиной его решения о том, что первоначальный удар должен быть нанесен с применением знаменитой к тому времени техники визуального обнаружения цели на низкой высоте 5-й бомбардировочной группы вице-маршала авиации достопочтенного Ральфа Кохрэйна. (Фактически, командование группой за месяц до этого перешло к вице-маршалу авиации Х. А. Константайну, но для разных целей и нужд техника, выработанная для атаки Дрездена, была отработана и развита в тот период, когда Кохрэйн был в штабе 5-й группы.)

Персональные «следопыты» 5-й группы хорошо зарекомендовали себя в безупречной маркировке целей. Правда, в 1942 году они показали не лучшие результаты. Тогда атакам подверглись несколько не являвшихся целями городов, однако вовсе не по причине неспособности или нерешительности экипажей в группе вице-маршала авиации Беннета, а из-за отсутствия в те первые дни надежной радиолокационной поддержки для ночной навигации и «слепого» бомбометания.

В первые месяцы существования соединений «следопытов» они обозначили в качестве цели Гарбург вместо Гамбурга; совершенно упустили Фленсбург, а также Саарбрюккен. Изучение многих авиарейдов на города, подобные Франкфурту, которые вошли в официальные отчеты в качестве верно обозначенных экипажами «следопытов» 8-й группы, обнаружило на основании городских архивов и донесений начальника полиции, что, «хотя сирены в ту ночь и звучали, ни одна бомба не упала в границах города». До того как стали применять оборудование обозначения целей радиотехнической системы «Гобой» для точного бомбометания вслепую, контроль за которой осуществлялся дистанционно из Англии и которая могла с точностью до 50 метров проследить за местоположением самолетов-маркировщиков «Москито» и отдать приказ на сбрасывание светящихся бомб с той же степенью точности, на соединения «следопытов» с недоверием взирали многие высшие офицеры в штабе

командования бомбардировочной авиации. Трудности связи с системой «Гобой» возникали тогда, когда объект находился так далеко, как Рур; мощность сигнала даже мобильных радиостанций за позициями союзников во Франции и Германии не достигала той, которая обеспечивалась на половине расстояния до Дрездена. Более того, «следопыты» были совершенно не подготовлены в визуальном распознавании целей с низких высот. Поэтому главком авиации маршал Харрис выбрал соединение «следопытов» 5-й группы в качестве передового в атаке на Дрезден ночью 13 февраля 1945 года. Восьми самолетам-маркировщикам «Москито» из 627-й эскадрильи предстояло, используя оборудование «Лоран», сориентироваться на город, действуя независимо от главных сил самолетов-маркировщиков и бомбардировщиков. От «Москито» будут неукоснительно требовать, чтобы они долетели до Дрездена с оборудованием указателей цели на борту и следовали только по почти прямому маршруту, в то время как соединения «Ланкастеров» — маркировщиков и бомбардировщиков — направятся в Дрезден курсом, предполагающим встречу над Ридингом, затем полетят далее через Ла-Манш к намеченному пункту на французском побережье возле устья Соммы. Оттуда они будут лететь 200 километров на восток, достигнув 5-градусной долготы, после чего возьмут направление прямо на Рур, заставив выть сирены во всех промышленных центрах Германии. В 16 километрах к северу от Ахена бомбардировщики последуют через Рейн между Дюссельдорфом и Кельном; в 9.00 вечера с боевыми порядками бомбардировщиков, все еще пересекающими Рейнланд, эскадрильи скоростных «Москито» из 8-й группы легкой ночной ударной авиации атакуют Дортмунд и Бонн, чтобы отвлечь внимание дежурных ночных истребителей. В то время как «Ланкастеры» пойдут северным путем вокруг Касселя и Лейпцига, за 15 минут до того как должна будет начаться атака Дрездена, соединение «Галифаксов» 4-й и 6-й групп атакуют нефтеочистительный завод в Белене, непосредственно к югу от Лейпцига, масштабным отвлекающим маневром. Однако «Ланкастеры» проследовали на юго-восток, почти над руслом реки Эльба, на большой скорости подгоняемые попутным ветром вниз по направлению к городу-мишени Дрездену. Все силы авиации будут выведены из атаки на совершенно другое южное направление по вектору к югу от Нюрнберга, Штутгарта и Страсбурга.

Выделенные из 83-й и 97-й эскадрилей передовые самолеты-маркировщики «Ланкастеры», снабженные светящимися бомбами и оборудованные приборами «Лоран», будут приближаться к цели тем же маршрутом. В экипажах этих «Ланкастеров» были специально подготовленные операторы РЛС, имевшие высокую квалификацию в обработке данных, полученных с помощью станций H2S. На маленькой электронно-лучевой трубке этого оборудования временная развертка давала грубые теневые очертания ландшафта под самолетом, обозначая реки и большие водные пространства в виде темных полос среди зеленых областей самой земли и ярко сияющих городов. В лучшем случае H2S давал лишь подтверждение нахождения города впереди бомбардировщика; по крайней мере, если не было, как в случае с Гамбургом и Кенигсбергом, четко очерченной береговой линии или системы доков, сам город не был достаточно легко различим в этой трубке. Дрезден на экране радара был одним из трудноопределимых городов на реке, которыми изобилует Центральная Германия как с одной, так и с другой стороны проходившего там советско-германского фронта. Только характерный изгиб в виде латинской буквы S реки Эльба послужил для операторов радаров приметой, чтобы они насторожились. У них не было сделанных через РЛС фотоснимков для сравнения, которыми они могли бы руководствоваться. Во время атак других городов были получены фотографии цели, сделанные «лейкой» с экрана прицела H2S; и операторы могли сравнить для верности фотоснимки цели с изображением на их экранах. Но с того времени, как был взят на вооружение прицел H2S, Дрезден еще не подвергался атаке авиации бомбардировочного командования Королевских ВВС. Недостаточная подготовка, которой отличалась атака Дрездена, все-таки проявилась в этом отсутствии фотоснимков очертаний объектов, сделанных через прицел H2S.

Именно 83-я и 97-я эскадрильи «Ланкастеров» должны были достичь Дрездена за одиннадцать минут до времени «Ч»: в то время как одни сбрасывают над городом цепочки горящих 3 минуты парашютных осветительных бомб вместе с фугасными бомбами замедленного действия, другие выбрасывают зеленые маркировочные бомбы для обозначения цели, которые устроены так, что взрываются при определенном давлении на высоте 700–900 метров

приблизительно на месте точки цели, в тот момент, как она появляется на экране радара. Совсем не оставалось времени на какую-либо попытку визуального распознавания при этих первых заходах бомбардировщиков над целью. Их задачей было лишь указать приблизительное расположение города и ориентировочно обозначить с точностью до одной-двух миль точку прицеливания для сбрасывания бомб. Этими яркими мерцающими огнями должны были руководствоваться экипажи восьми самолетов «Москито», задача которых состояла в том, чтобы различить ландшафт с высоты всего лишь трех тысяч футов в качестве собственно объекта маркирования и обозначить его серией красных маркировочных бомб.

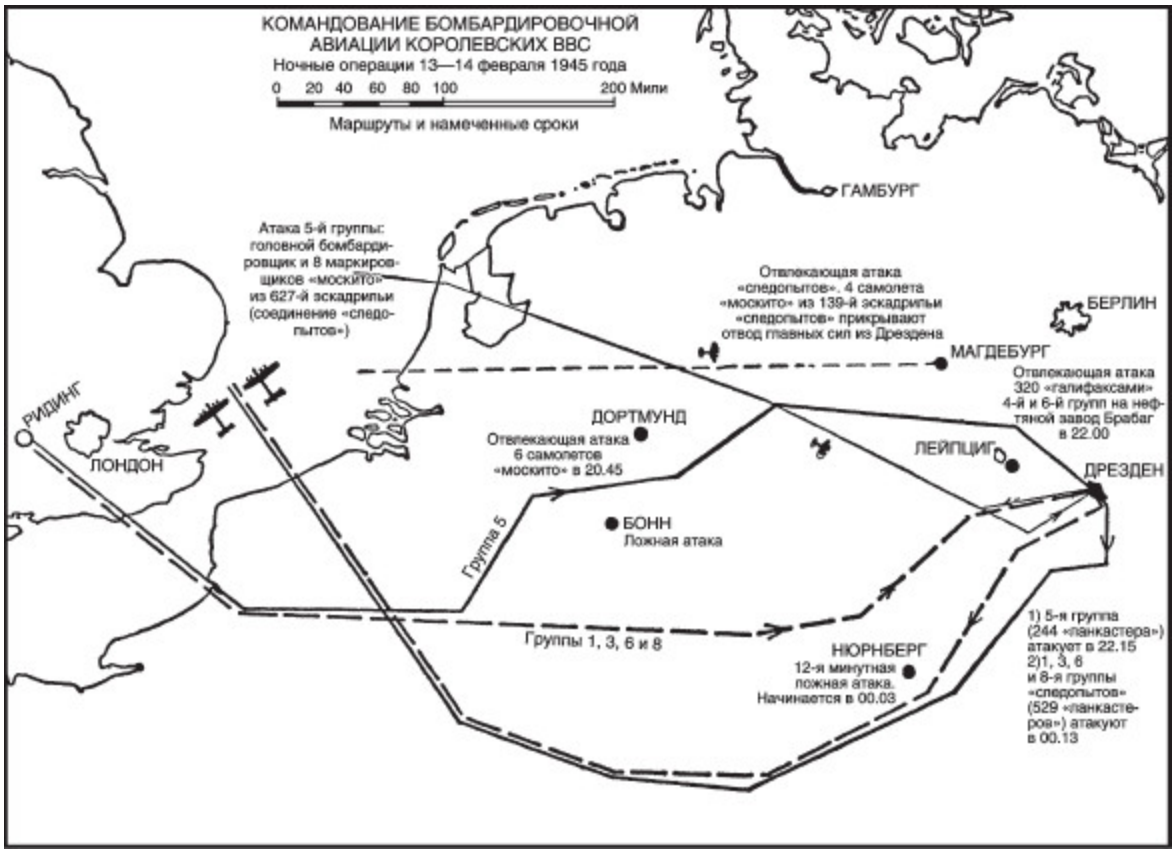
Если первая атака Дрездена должна была дать безошибочные световые ориентиры, которые требовались Харрису для второго удара, город должен был быть охвачен довольно сильным пожаром. Германский инженер, руководивший мероприятиями гражданской обороны в Дрездене в это время, впоследствии характеризует феномен огненного смерча следующим образом: «Медленно нарастающие вспышками серии огней равномерно рассыпались по большому району, огни не были видны жителям (которые предпочитали оставаться в своих подвалах, опасаясь взрывов бомб замедленного действия) и вдруг умножились и распространились в тысячи отдельных очагов пожаров, составлявших одно целое».

Все это займет по времени более полутора часов; главком авиации маршал Харрис подсчитал, что за три часа приличные пожары охватят центр города. Этому способствовали сильный ветер на земле и то, что зажигательные бомбы плотно ложились в границах сектора цели. Трех часов будет вполне достаточно для пожарных команд из большинства крупных городов Центральной Германии для того, чтобы прийти на помощь горящему Дрездену и добраться до самого центра. И в самом деле, все произошло именно так, как он и предполагал.

Одна только атака сектора 5-й группой обеспечила степень концентрации, необходимую для начала огненной бури. Каждый раз ее пускали в ход, пока не возникал пожар определенной степени интенсивности. До сих пор огненный смерч был просто непредсказуемым результатом атаки. В двойном ударе по Дрездену огненный смерч должен был стать неотъемлемой частью стратегии.

Как и во всех других последних массированных атаках, выполнявшихся 5-й группой, головной бомбардировщик был необходим для контроля за развитием атаки.

Для атаки на Дрезден выбор, естественно, пал на самого опытного контролера 5-й группы, к которому обращались головные бомбардировщики группы. Безусловно, избранный командир крыла сам контролировал авиарейды на несколько германских городов, включая Карлсруэ и Хайльбронн, и был экспертом в указании целей и развитии атак в секторе. Главный маркировщик целей был также ветераном, участвовавшим в атаке на Хайльбронн и в других секторных атаках. Командир головного бомбардировщика в атаке Дрездена писал после войны, что тот, кто управлял головным бомбардировщиком, по существу, был личным представителем командующего воздушными операциями в районе, выбранном в качестве цели. Со статусом командира эскадрильи на него будет возложен контроль за проведением всей операции после самого подробного инструктажа. У командира головного бомбардировщика была ответственная и опасная работа. Он должен был оставаться в районе бомбометания на протяжении всей атаки, часто на очень низкой высоте, невзирая на опасность и огонь средств ПВО противника. Следя за тем, чтобы атака проходила гладко, командир головного бомбардировщика в значительной мере выполнял задачу создания необходимой психологической атмосферы. «Вы часто не столько обращаете внимание на инструкции, сколько чувствуете облегчение, слыша вселяющую уверенность английскую речь, которая ставит все на свои места из того, что вам предстоит. Это особенно трогает после длинного утомительного пути через огонь зениток и в условиях плохой погоды», — отметил однажды пилот после очередного авиарейда на город в районе Лейпцига. Манера говорить по-английски и дикция обычно бывали не просто хорошими, но превосходными. Командиры головных бомбардировщиков и главные маркировщики целей направлялись на краткие курсы техники речи в Станморе. Все командиры головных бомбардировщиков 5-й группы подготавливались на 54-й авиабазе в Конингсби, в штаб-квартире руководства для отдельного соединения «следопытов» группы.



В штабе 5-й группы утро 13 февраля было посвящено уточнению последних деталей осуществления двойного удара по Дрездену, который столько раз готовился и все время откладывался. Командир разведгруппы авиакрыла опять был вынужден жаловаться на почти полное незнание города и системы его противовоздушной обороны. Однако полагали, что если Дрезден и в самом деле использовался для прохождения войск со снаряжением и боеприпасами на Восточный фронт, то ПВО должна была быть усилена после последней атаки Дрездена американскими бомбардировщиками утром 16 января 1945 года.

Наличие колонн армейского автотранспорта, следовавшего через город, также заставляло штаб разведки предполагать, что в этих колоннах и на поездах вполне могли быть легкие зенитные орудия. Эти орудия, малоэффективные на высоте сверх 2500 метров и гораздо ниже высоты полета соединений «Ланкастеров», которые должны были провести первую и вторую атаки Дрездена, тем не менее могли представлять большую опасность для экипажей «Москито», пикировавших на город с высоты менее тысячи футов. На инструктажах на авиабазе насколько часов спустя летчикам скажут,

что оборона Дрездена «неизвестна». Это будет не единственным курьезным моментом инструктажа, который предполагал, что 6 тысяч летчиков будут во всех деталях ознакомлены с операциями в отношении Дрездена ночью 13 февраля 1945 года.

Ближе к полудню поступило сообщение из Хай-Уайкомб, что метеорологи прогнозируют легкий ветер, дующий через весь город с юго-запада. Но по телетайпу дополнительно передали предупреждение, что погодные условия очень неблагоприятны и, только если строго придерживаться временного режима вплоть до минуты, атака может стать успешной. Если атака 5-й группы по какой-либо причине будет отсрочена более чем на полчаса, то двойная атака сорвется, потому что вторая миссия будет отменена.

Пояс слоисто-кучевых облаков протянулся над всей Центральной Европой; просвет в слое облаков, проплывавших над Дрезденом, вероятно, мог оставаться от четырех до пяти часов. Небо над Дрезденом начнет очищаться еще до 22.00. В течение пяти часов облачность вернется. Двойную атаку следовало провести в этот отрезок времени. Несмотря на эти неблагоприятные факторы, не способствовавшие полному успеху рейдов, приказ на выполнение задачи по бомбардировке Дрездена был отдан из подземного оперативного пункта командования бомбардировочной авиации. Главкому ВВС маршалу Харрису не впервые приходилось действовать, рискуя потерпеть фиаско, и для него было типичным такое прямое и смелое отношение к подобного рода решениям, проявившееся в том, что он продолжал активно действовать, несмотря на свои ранние оговорки по поводу указания бомбить Дрезден.

К полудню приказ на выполнение задачи был передан в штабы каждой из групп. Для участия в первой атаке были выделены 245 «Ланкастеров» из 5-й группы, хотя позднее один вышел из строя. Крупнейший авиаконтингент для нанесения второго удара был выделен из 1-й группы со штабом в Боутри: было запрошено более 200 «Ланкастеров». Были направлены в Дрезден 150 «Ланкастеров» из эскадрилей 3-й группы и 67 из канадской 6-й бомбардировочной группы. Остальные силы для участия во второй атаке были обеспечены 8-й группой «следопытов»: поскольку Дрезден находился вне радиуса действия «следопытов» группы «Москито», был выделен 61 «Ланкастер» для выполнения задачи по обозначению точек

прицеливания для второй атаки. Многие из них были оборудованы последней модификацией радиолокационного прицела H2S. Ожидалось, что это новое оборудование H2S Mark IIIF обеспечит достаточно четкое изображение наземных объектов на экране радара, что позволит экипажам получить более ясную картину отличительных особенностей топографии местности. Десять из этих «следопытов» обеспечивала 405-я эскадрилья, ванкуверская эскадрилья Королевских ВВС Канады. Один из наиболее опытных экипажей «Ланкастеров» этой эскадрильи стал единственным экипажем «следопытов», не вернувшимся с дрезденской операции. Крупнейший летный контингент образовывали 7 подготовленных эскадрилей с 12 «Ланкастерами» в качестве соединения «следопытов»; 635-я эскадрилья выделила как головной бомбардировщик, так и ведомого головного бомбардировщика для этой операции, а также девять других «Ланкастеров»; передовой визуальный указатель целей поступил из 405-й эскадрильи; 35-я эскадрилья направила 10 экипажей, а 156-я и 582-я эскадрильи — по 9 каждая. Поскольку записи 582-й эскадрильи неполны, нельзя точно сказать о составе экипажей ее «следопытов».

В дополнение к атакам Бонна и Дортмунда вице-маршал авиации Беннет запланировал также операции своих бомбардировщиков в отношении еще шести целей, включая Дрезден и Белен. Две из них были ложными, и экипажи должны были сбрасывать на них только осветительные ракеты, а не бомбы. Однако через 30 минут после полуночи, как раз когда два строя бомбардировщиков, один атакующий, а второй отходящий, проследуют мимо к северу и югу от Нюрнберга, соединение «Москито» проведет 12-минутную атаку этого города. И опять в 2.00 ночи после завершения последней атаки Дрездена на очень большой высоте полетят четыре «Москито» — в том числе один с новой герметичной кабиной «Марк-16» из 139-й эскадрильи, каждый из которых сбросит четыре 200-килограммовые бомбы на Магдебург. Поскольку командиры германской противовоздушной обороны прекрасно знали, что командованию бомбардировочной авиации приказано наращивать во всевозрастающей степени сосредоточение на самом слабом звене Германии, на ее нефтяной промышленности и резервах, было принято решение проводить ночную атаку небольшими силами, но эффективно

в отношении завода синтетических масел в Белене, в 16 километрах к югу от Лейпцига и неподалеку от Дрездена.

Час «Ч» для Белена был назначен в 22.00, за 15 минут до того, как первый удар обрушился на Дрезден. Эту атаку поручалось выполнить 4-й и 6-й группам «Галифаксов». 320 самолетов было выделено для атаки Белена, добрую треть которых составляла 6-я группа канадских ВВС. Бомбардировщик «Галифакс», четырехмоторный, как и «Ланкастер», и с тем же радиусом действия, имел, однако, значительно меньшую бомбовую нагрузку и постепенно выводился из состава группы: поскольку, согласно приказу, авианалет на Дрезден планировал быть «жестким», целесообразно было направить туда главным образом соединение «Ланкастеров» для того, чтобы они могли сбросить максимальный груз зажигательных и фугасных бомб. Налет на Белен едва ли планировался как нечто большее, чем отвлекающий маневр, принимая во внимание преимущественно неблагоприятный прогноз для рейдов на малые цели, такие как нефтеперерабатывающие заводы.

Предполагалось, что первая атака Дрездена послужит своего рода маяком для экипажей во второй атаке спустя три с четвертью часа; вторая атака, с обозначением целей группой «следопытов» — «Ланкастеров» будет придерживаться стандартной техники с использованием H2S. С наступлением часа «Ч» в 1.30 ночи 14 февраля для нанесения второго удара «слепые» «Ланкастеры» — осветители в количестве двенадцати машин, не считая выделенных 582-й эскадрильей, совершат пролет в 1.23 (час «Ч» минус 7 минут) ночи над городом вслепую, полагаясь только на показания своих радиолокационных прицелов H2S, и сбросят серию осветительных бомб над приблизительным расположением точки цели. В 1.24 ночи, т. е. минутой позднее, «Ланкастер» — ведомый головного бомбардировщика совершит пролет с бомбардировкой через город и попытку, распознавая однозначно избранную цель для атаки, обозначить ее шестью красными осветительными бомбами — указателями цели. Головной бомбардировщик, облетая город в северо-восточном направлении, оценит расстояние между этими красными огнями и истинной точкой цели и, если оно окажется большим, попытается более точно сбросить собственные красные указатели цели, используя первые красные огни как базовые линии. Если огни

ведомого головного бомбардировщика легли точно, передовой визуальный маркировщик сбросит вокруг них красные и зеленые осветительные бомбы, чтобы четче обозначить точку цели. Рядовой летный состав «Ланкастеров», из которых в дрезденской операции участвовали 20 машин, атакуют затем волнами по три одновременно, с интервалами 3–4 минуты в течение всего налета на смену угасающим огням-указателям цели предыдущей волны самолетов-маркировщиков, и в то же время визуально выделяя все произведенные маркировочные выстрелы.

Были также приняты меры предосторожности на случай, если цель закроют облака; при умеренной облачности 13 действующих «вслепую» маркировщиков (исключая относящиеся к 582-й эскадрилье) предполагалось задействовать для сбрасывания заблаговременно зеленых маркировочных светящих бомб. Головной бомбардировщик должен был проверить, видна ли подсветка через облака; если нет, то в качестве последнего средства пустят в ход 8 (исключая относящихся к 582-й эскадрилье) «слепых» маркировщиков с грузом освещающих небо бомб «Ванганui» такого рода, которые испускают красный свет с зелеными вспышками-звездочками. Их должны были сбрасывать на парашютах над облаками вслепую, руководствуясь одними только показаниями радара. Если же облачность оказывалась бы достаточно плотной во время второй атаки Дрездена, без этих осветителей было бы не обойтись. Однако погода над Дрезденом была прекрасной, и ни «слепые» самолеты-маркировщики, ни «слепые» самолеты-маркировщики подсветки неба не были вызваны для того, чтобы сбросить груз светящих бомб головным бомбардировщиком.

Пилот головного бомбардировщика, участвовавшего во второй атаке Дрездена, был очень опытным, имел за плечами более трех вылетов на такого рода операции. Однажды в ноябре 1944 года его назначили пилотировать головной бомбардировщик во время опасной атаки Фрейбурга в Бреслау, но он отказался, поскольку когда-то учился там в университете, и многие его друзья жили в районе фрейбургского собора, который был точкой цели в атаке. В Дрездене же он никогда не бывал, и, хотя голубоко сожалел о необходимости разрушения такого красивого города, он не мог найти персональной причины для отказа.

Приказ на осуществление бомбардировки Дрездена не обошелся без вопросов: вскоре после получения его командование группы «следопытов» посчитало необходимым сделать ответный звонок в Хай-Уайкомб, что-бы убедиться, что его штаб правильно понял приказ. Когда приказ бомбить Дрезден был подтвержден, вице-маршал авиации Беннет смог побороть свои сомнения об истинном характере атаки и довольствоваться обсуждением точки цели, выделенной для соединения маркировщиков его группы. Подобным же образом командир 1-й группы вспоминает, что он и штаб его командования были «несколько удивлены», когда прочитали телеграфное послание из штаба командования бомбардировочной авиации. Другие командиры группы помнят явно неуверенные нотки в голосе своего главнокомандующего, когда тот подтвердил приказ, и у них создалось впечатление, что он был чрезвычайно недоволен предстоящим делом. К вечеру, когда 6 тысяч летчиков прошли инструктаж, неудовлетворение проникло до самых нижних уровней командования.

Во второй половине дня участвующий в первой атаке пилот головного бомбардировщика был вызван в здание разведки 54-й авиабазы для последнего инструктажа по плану атаки. Офицеры базы напрасно искали одну из обычных карт целей, приготовленную для атак германских городов: карты целей на этом этапе войны представляли собой специально напечатанные планы, на которых пригороды и города были литографированы в сером, фиолетовом и белом цветах, отражая воображение художника о том, как они выглядят ночью. Полосы воды и реки выглядели ослепительно белыми среди черных и серых городов и фиолетовых оттенков пересечений, изображающих поля, леса и открытые пространства сельской местности. На этих картах целей были обозначены основные позиции зенитных орудий, местные аэродромы и расположения немецких макетов орудий. Особая цель появилась в середине карты, в центре системы концентрических одномильных кругов. Сама цель четко изображалась на этих картах целей оранжевым цветом, будь то территория завода Круппа в Эссене, заводы «Фокке-Вульфа» в Бремене или нефтеочистительный завод в Гельзенкирхене.

Для Дрездена такой карты целей не было. Может быть, как предполагают сэр Роберт Сондби и коммодор авиации Х. Ф. Сэттерли, это убедительное свидетельство отсутствия сколько-нибудь сильного

желания со стороны главкома ВВС маршала Харриса разрушать город. Будь все иначе, он со свойственной ему скрупулезностью поставил бы в известность разведку командования бомбардировочной авиации, чтобы она убедилась в том, что призведена аэрофотосъемка города, с достаточной частотой для того, чтобы можно было определить характер цели, ее обороны и какие-либо объекты с макетами в непосредственном соседстве с ней. Он бы обрисовал и обозначил расположение эскадрилей истребительной авиации Дрездена на авиабазе в Дрезден-Клоцше. Непременно отметил бы размер территории комплекса военных казарм к северу от города и соседний с ними, но теперь бывший арсенал.

Между тем головной бомбардировщик и его ведомый для операции обеспечены были *картой целей района Дрезден (Германия),* — довольно устаревшей картой, с помощью которой головной бомбардировщик и его соединение самолетов-маркировщиков должны были распознать и обозначить точку цели для того, что должно было стать кульминацией стратегического наступления на Германию. Эта карта являлась не чем иным, как черно-белой глянцевой отпечатанной копией аэрофотоснимка, сделанного с высококачественных снимков аэрофотосъемки Дрездена, датированных ноябрем 1943 года. Но при всем ее убожестве, по сравнению со значительно превосходящими ее картами целей, обычно выпускаемыми специально для бомбардировочных операций в Германии, Франции и Италии, на этой карте, по крайней мере, были четко обозначены пункты, с которых могла быть предпринята попытка обозначения целей в Дрездене. Любопытно, что единственный черный крест стоял на карте целей на большом здании в центре сектора. Это было здание главного полицейского управления Дрездена, в подземных бетонных бункерах которого располагался командный центр штаба ПВО, во главе с гаулейтером Саксонии Мартином Мучманном.

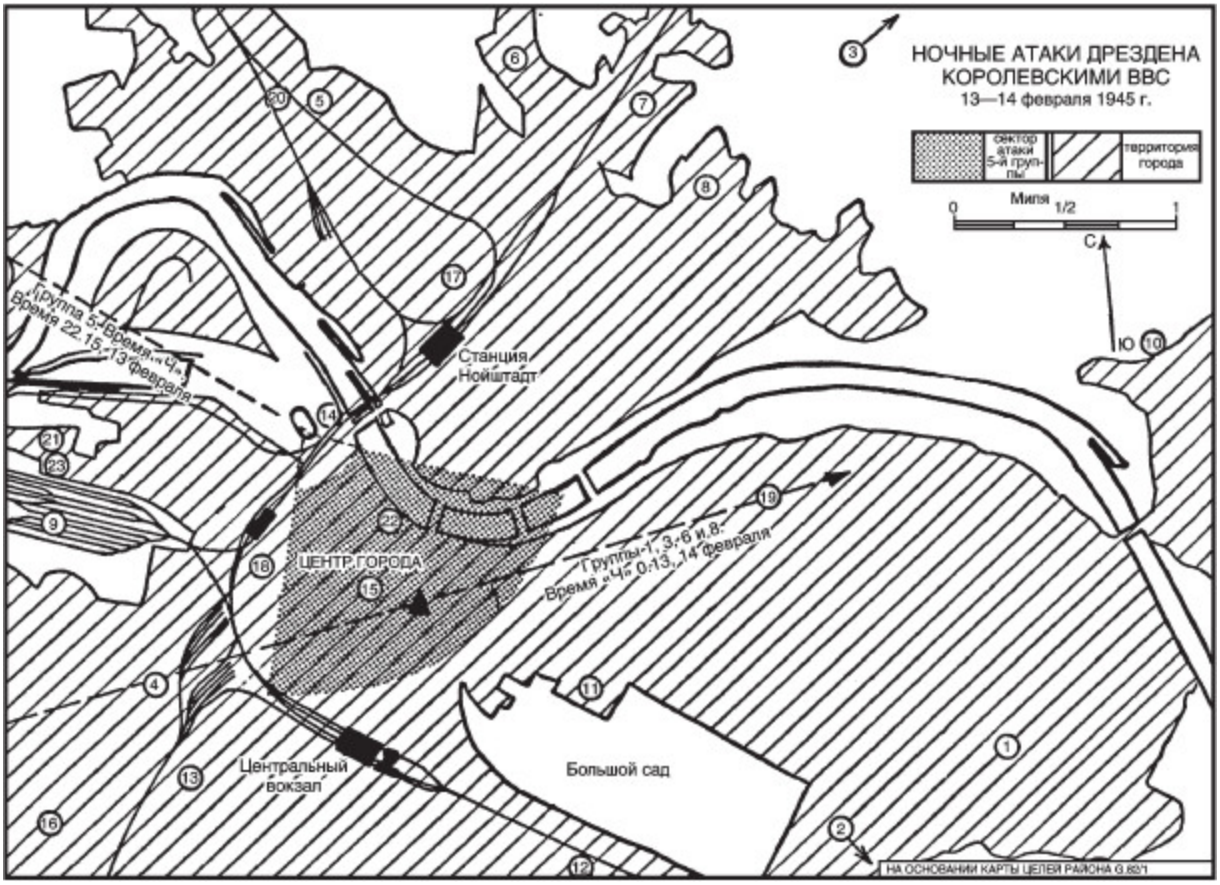
Самой заметной деталью топографии города, которая распознавалась на мозаике аэрофотоснимка, был большой стадион к западу от Старого города, главный из трех стадионов, располагавшихся вокруг Дрездена.

Избранный целью стадион с открытой спортивной ареной Дрезден-Фридрихштадт вытянулся на 150 метров в длину и удачно

вписывался между полосой реки с одной стороны и линией железной дороги с другой. Эти две линии могли служить базовыми для соединения самолетов-маркировщиков при поиске стадиона в прогнозируемых условиях минимальной видимости над Дрезденом.

Лидеру маркировщиков нужно было четко обозначить этот стадион одним красным световым указателем. Когда головной бомбардировщик сверил свое местоположение, он дал указание остальным самолетам-маркировщикам «Москито» дополнительно обозначить цель красными указателями так, чтобы весь стадион четко высвечивался красными огнями. Затем в атаку пойдут главные силы «Ланкастеров», которые оглашали ревом окрестности в нескольких километрах к северо-западу. Они пролетят почти через весь город по ветру, прицеливаясь по красным огням указателей стадиона, и после пристрелки, соотнесенной во времени, эскадрилья за эскадрильей и самолет за самолетом, сменяя друг друга, сбросят свои бомбы на сам город.

Поскольку каждый из «Ланкастеров» имел свое направление, которого должен был придерживаться в полете над Дрезденом, бомбардировщики веером расходились от стадиона над городом и сбрасывали бомбы в секторе в форме сыра с дырочками и в конечном счете в радиусе от непосредственной близости от стадиона до максимальной удаленности на 2400 ярдов от точки цели. Этот сектор включал в себя весь Старый город и был помечен огненным смерчем, который послужит маяком для второй атаки «Ланкастеров». Как мы знаем из информации, полученной от местного начальника Центрального дрезденского отдела учета погибших и пропавших без вести, именно этот район стал «главным районом разверзшегося ада». Те, кто сразу же по окончании первого авианалета выбрались на открытое место и ушли на окраины, спаслись. «Однако те, кто ждали второго налета, не вышли живыми из центральной части города… Были также районы в Штризене и особенно в окрестностях Зайдницплац, где едва ли кто-нибудь из ожидавших второй атаки остался в живых».



1. Завод «Цейсс-Икон»
2. (8 километров к юго-востоку) Завод «Заксенверк»
3. (14 километров к северо-востоку) Завод «Заксенверк»
4. Стеклодувный завод Сименса
5. Завод «Цейсс-Икон Гулеверк»
6. Промышленная зона
7. Арсенал
8. Армейские казармы
9. Сортировочные станции Фридрихштадта
10. Бункер СС в скале
11. Военный автопарк
12. Зональный командный пункт ПВО
13. Табачная фабрика Трейдинга
14. Табачная фабрика Енидзе
15. Центральный телеграф
16. Газовый завод Лебтау
17. Газовый завод Нойштадта
18. Гидроэлектростанция Веттина

19. Гидроэлектростанция Йоханштадта
20. Нефтехранилище
21. Нефтехранилище («Шелл»)
22. Районная котельная
23. Фабрика Зейделя и Науманна

На инструктаже пилоту и штурману головного бомбардировщика было сказано, что цель атаки состоит в том, чтобы нарушить движение железнодорожного и другого транспорта через Дрезден. Но даже когда они изучали этот сектор, площадью в 1,28 квадратной мили, выделенный для точной массированной атаки 5-й бомбардировочной группой, вероятно, никому из присутствовавших офицеров не пришло в голову, что на самом деле не было ни одной железнодорожной линии, проходящей через сектор, отмеченный для ковровой бомбардировки. В секторе не было ни одной из 18 пассажирских и товарных станций; не входил в него и железнодорожный мост Мариенбрюке через Эльбу, самый важный для дальних перевозок в любом направлении.

Если этот факт и приходил в голову пилоту головного бомбардировщика, он не упомянул о нем во время специального инструктажа. Единственной деталью, которая не стерлась у него из памяти и через 18 лет после атаки, было то, что в конце инструктажа командующий базой вспомнил, что до войны ему однажды приходилось бывать в Дрездене и он останавливался в знаменитом отеле на Дрезден-Альтмаркт, огромной площади в центре Старого города. Эта площадь оказалась в самом центре сектора, отмеченного для массированных бомбардировок в течение 8 часов. Так вот командующий упомянул, что персонал отеля обсчитал его при отбытии, и выразил надежду, что впредь они будут внимательнее к клиентам — эта беззаботная ремарка разрядила атмосферу. Был присвоен и позывной для главных сил бомбардировщиков: «тарелкосушилки». Это не было еще одним обращением к мифической, но ложной ассоциации города-цели с фарфором, а просто достаточно звучным выражением, легко узнаваемым экипажами главных сил. Его использовали часто. Час «Ч», который стал основным временем отсчета для всех, был намечен на 22.15.

В 22.15 первые фугасные бомбы должны были упасть на Старый город Дрездена. Но до этого времени соединение указателей целей

должно было по крайней мере десять минут потратить на то, чтобы обозначить спортивный стадион в западной части города маркировочными огнями.

К 17.30 вечера 8 экипажей самолетов-маркировщиков получили инструкции, и к каждому самолету перед вылетом подвесили по одной сигнальной бомбе. Самолеты были осмотрены, и подвешены дополнительные топливные баки. Расход топлива до Дрездена для «Москито» должен был быть в пределах их оперативного радиуса действия, и запасное топливо бралось только за счет использования меньшего числа сигнальных бомб; ошибки в технике обозначения целей быть не должно.

При таких условиях, если экипажам «Москито» предстояло долететь до Дрездена, у них не было возможности для совершения большого маневра с целью сбить со следа ночные истребители противника. В лучшем случае они могли несколько километров лететь в направлении Хемница, несколько километров на юго-запад от города-мишени, а затем, в последний момент взять курс на Дрезден. Но даже в том случае соединение маркировщиков должно было миновать несколько хорошо прикрытых зенитными орудиями районов.

К 17.30 с аэродромов 5-й группы в центральных графствах Англии взмыли в воздух первые эскадрильи «Ланкастеров». К 18.00 все силы — 244 бомбардировщика первой волны — были в воздухе, беря вслед за первым самолетом-маркировщиком курс на Германию.

Глава 2
СОЕДИНЕНИЯ «ТАРЕЛКОСУШИЛОК» ПРИБЫВАЮТ

Сумерки уже опустились на Англию, и многие летчики, должно быть, поглядывали друг на друга с беспокойным ожиданием того, что вскоре произойдет, смотрели на небо, затянутое свинцовыми облаками, и читали сводки прогноза погоды. Обледенение ожидалось на самых низких высотах, прогнозировались электрические помехи, и десять десятых всех облаков закрывали большую часть Западной Европы. Мало кому из летчиков улыбалась перспектива девяти- или десятичасового полета через занятую противником территорию при подобных погодных условиях. Единственным утешением было то, что плохая видимость и облачность над Германией заставит ночные истребители противника оставаться на земле. Только истребители на тех аэродромах, где облачность не была такой плотной, представляли опасность для авиасоединений.

Девять самолетов «Москито» соединения маркировщиков были оборудованы самой современной электронной аппаратурой, разработанной западными учеными. Мрачные предчувствия, которые охватили их при виде ухудшающихся погодных условий, должно быть, усилились, когда они вспомнили полученные во время инструктажа указания о том, что, если «у них возникнут неприятности, они должны повернуть обратно на запад и попытаться по возможности избежать вынужденной посадки к востоку от Дрездена. Им также предписывалось в этом случае уничтожить самолет. Экипажам предпочтительнее было приземлиться на занятой немцами территории, а не на той, которую захватили советские войска».

В то же самое время, когда эскадрильи самолетов-маркировщиков загружались топливом и бомбами для атаки Дрездена, ученые Фарнборо в последний раз проверяли специальную фотокамеру, установленную в бомбовом отсеке головного самолета маркировщиков «Москито», который также исполнял обязанности ведомого головного бомбардировщика. Фотокамера была оборудована системой высокоскоростной вспышки, предназначенной для фотографирования

цели с очень низкой высоты с интервалом в полсекунды во время самого процесса маркирования. Предполагалось, что таким способом будет получено документальное (в виде фотоснимка) подтверждение того, где легли бомбы — указатели цели. Камера была устроена так, что включалась, как только лидер маркировщиков нажимал кнопку бомбосбрасывателя, и продолжала работать в режиме вспышки и фотографирования района цели, пока не кончится пленка. Этот аппарат впервые предстояло применить над Дрезденом.

В 19.57 13 февраля «Москито» поднялись в воздух с авиабазы в Конингсби. В 21.28 они вышли за пределы радиуса действия навигационной системы радиомаяков «Джи» как в Англии, так и во Франции. Дул сильный западный ветер. На высоте 6 тысяч метров над СевероЗападной Германией сильный и неизменный ветер гнал «Москито» к цели. Теперь штурманам приходилось полагаться на собственную аэронавигацию и правильность прогноза ветра на полет, для того чтобы придерживаться курса и не допустить пролета над какими-либо сильно защищенными районами. Так продолжалось до тех пор, пока они не уловили слабые сигналы на приборах навигационного оборудования дальнего радиуса действия «Лоран». В 22.00 должна была начаться ложная атака Белена, а через несколько минут после нее маркировщики, полагаясь только на радиолокацию, сбросят свои световые парашютные бомбы и зеленые первичные указатели над Дрезденом.

Только в 22.49 штурманы, наконец, приняли сигналы от передатчиков навигационной системы «Лоран». Им нужно было уловить два луча для точного определения местоположения; в то время как пилот головного бомбардировщика озабоченно смотрел на часы, его штурман терпеливо всматривался в экран радара прибора «Лоран», пытаясь уловить второй луч. Самолеты «Москито» были вынуждены подниматься все выше и выше, нащупывая в эфире неуловимый радиолуч. Было 21.56. Примерно через пять минут соединение осветителей будет над Дрезденом. Головной бомбардировщик «Москито» шел на высоте 6 тысяч метров. В этот момент штурман обнаружил потерянный луч и сразу же получил необходимые ему координаты. Они находились в 25 километрах к югу от Хемница. Поворачивая на обратный курс, пилоты всех девяти «Москито»

обследовали горизонт на предмет заметных огней, которые подтвердили бы, что их расчеты верны.

Сельская местность под ними была укрыта сплошной пеленой облаков, холодное февральское небо над ними было чистым и звездным. Но даже когда «Москито» покрыли последние 50 километров до Дрездена, снизившись на 5 тысяч метров за какие-нибудь 4–5 минут, они увидели, что небо очищается точно так, как и предсказывали метеорологи. Над Дрезденом они обнаружат лишь три слоя облаков над целью: тонкий слой слоисто-кучевых облаков на высоте от 4 до 5 тысяч метров, еще один слой облаков на высоте от 2 до 3 тысяч метров и рваные облака на высоте от 1 до 2 тысяч метров.

В то же время край горизонта над Дрезденом вспарывала цепочка сполохов яркого белого света, и одиночный шар зеленого цвета повис в небе. Прибыла передовая эскадрилья «Ланкастеров» — осветителей 83-й эскадрильи. Первоначальные осветительные огни зеленого цвета, сориентированные на цель по радару над S-образной излучиной Эльбы, вместе со спущенными на парашютах магниевыми огнями, падали прямо на Дрезден. Теперь уже атака развивалась с неумолимой военной точностью. После первой волны «слепых» осветительных «Ланкастеров» вторая волна проследовала над районом цели, сбрасывая гирлянды белых огней; на этот раз штурманы-бомбардиры полагались на визуальное обнаружение, а также на показания радаров.

Наконец, наступила очередь соединения самолетов-маркировщиков «Москито», ослепительно красные маркировочные бомбы, до этого покоившиеся в бомбовых отсеках, устремились вниз на Дрезден, отмечая стадион, объект, от которого зависела вся атака.

Дрезден находился в сфере ответственности 1-й дивизии истребителей. Штаб дивизии находился в Деберице, неподалеку от Берлина. Другие штабы командования истребительной авиации размещались в огромных бункерах, устроенных в Арнеме, Штаде, Меце и Шлайссхайме. Эти командные центры истребительной авиации летчики окрестили «оперными театрами боевых действий».

> «При входе, — писал генерал ночной истребительной авиации люфтваффе, — вас сразу же охватывала царившая тут атмосфера нервозности. Искусственный свет делал лица еще более осунувшимися, чем они были на самом деле.

Спертый воздух, сигаретный дым, жужжание вентиляторов, стук телетайпов, заглушающий голоса ведущих бесконечные переговоры телефонисток, — все это вызывало головную боль. В центре внимания в этом зале был огромный щит из матового стекла, на который были в виде световых пятен и светящихся надписей спроектированы данные о расположении, высоте, силе и направлении движения как группировок противника, так и собственных самолетов. Каждая отдельная метка и каждое изменение, отраженные здесь, были результатом донесений и наблюдений, полученным с радарных установок, от самолетов наблюдения и самолетов-разведчиков, с пунктов прослушивания, а также из действующих частей.

Перед картой, на ступеньках, как в амфитеатре, сидели в несколько рядов операторы наведения, которые отдавали приказы ночным истребителям по мере развития сражения».

И вот судьба вмешалась в решение участи Дрездена. В то самое утро 13 февраля 1945 года германское Верховное командование выпустило новую директиву для люфтваффе, определяющую приоритеты в использовании авиационного бензина. «Наивысшим приоритетом являются соединения скоростных бомбардировщиков в районе линии фронта днем и операции самолетов, действующих с бреющего полета по тем же целям ночью. Учитывая падение производства на нефтеочистительных заводах, операции истребительной авиации ПВО отменяются». Для эскадрилий истребителей не хватало топлива.

Ночью 13 февраля 1943 года дилемма, с которой столкнулись офицеры наведения в «оперном театре боевых действий» в Деберице, была очевидна. Во-первых, имевшаяся у них информация была весьма скудной; даже их обычные пункты перехвата сигналов с радаров противника, которые засекали настройку и проверку радиолокационных установок и радиосвязи по утрам перед полномасштабными атаками, были теперь заглушены «завесами», опускавшимися в районе восточного побережья Британских островов и вдоль Западного фронта. Цепь пунктов раннего оповещения немцев вдоль побережья Ла-Манша уже давно попала в руки союзников;

данные о низколетящих вражеских бомбардировщиках, приближающихся из-за позиций союзников, поступят к ним только в тот момент, когда самолеты окажутся в радиусе действия системы радарных установок в самом рейхе. А затем, когда угроза материализуется в промозглый вечер 13 февраля 1945 года, лишь 244 бомбардировщика покажутся из-за «завесы» на радарах. Проблема, стоявшая перед операторами, выражалась не только вопросом: «Куда направляются эти бомбардировщики?» — но и таким, как: «Что собирается делать главком ВВС маршал Харрис с 750 другими задействованными бомбардировщиками сегодня ночью?» По мере того как строй бомбардировщиков «Ланкастер» все больше и больше углублялся в Южную и Центральную Германию и вскоре к ним присоединились еще 300 «Галифаксов», направленных в Белен, угроза стала для операторов более понятной. Но приказ на вылет для эскадрилей в Центральной Германии был отдан только после того, как стало понятно, что третий, меньший строй красных стрел на экране из матового стекла перед ними вовсе не обычный беспокоящий рейд на Берлин, а массированная атака либо на Лейпциг и Хемниц, либо вместе с ними и на Дрезден, большим единым потоком бомбардировщиков. В этот момент операторы решили, что прямая угроза нависла над одним из саксонских городов, но мало у кого возникли серьезные сомнения о возможности атаки Дрездена. В первом тревожном донесении из Дрездена сообщалось о том, что тысяча парашютистов высадились к западу от города. Примерно в 21.55 в Дрезден-Клоцше поступил приказ поднять в воздух базирующуюся там эскадрилью ночных истребителей V/NJG.5. Но к тому времени было слишком поздно, маркировка целей уже начиналась. Один из пилотов ночных истребителей Ме-110, базировавшихся в Клоцше, 25-летний унтер-офицер, который добровольно пошел в ПВО рейха, описывал 13 февраля в своем дневнике как «самый печальный день» в его карьере пилота ночного истребителя. В полдень он проверил и испытал свой самолет. Радиолокационный прицел SN-2 был в идеальном порядке. «Вечером мы были подняты по тревоге, впервые за день. Естественно, это касалось только авиаэкипажей. Приказ на вылет поступил слишком поздно…» Пилоты подняли самолеты в воздух в 21.55, в то самое время, когда самолеты-маркировщики «Москито» находились на

высоте 6 тысяч футов, пытаясь уловить лучи прибором «Лоран». Двухмоторным ночным истребителям «Мессершмит» понадобилось полчаса для того, чтобы достичь высоты, необходимой для атаки, кружа вокруг своего аэродрома в 8 километрах от Дрездена. Расчеты легких зенитных орудий на аэродроме все больше нервничали по мере того, как гул приближающейся армады бомбардировщиков эхом отдавался из-за горизонта; когда один из прожекторов поймал лучом самолет, идущий на довольно малой высоте, все легкие орудия открыли по нему огонь. Самолет рухнул, объятый пламенем. Это был единственный успех расчетов зенитных орудий в течение ночи: одним из трех членов экипажа Ме-110 был молодой летчик в звании унтер-офицера. Так плохо подготовленная столица Саксонии проявила себя в защите от атаки. Во всей Германии лишь 27 ночных истребителей поднялись в воздух, чтобы отразить самый мощный в истории авианалет.

Три «Ланкастера» из двух эскадрилей «следопытов» были оборудованы как самолеты спецсвязи; их задачей было передавать указания от головного бомбардировщика по азбуке Морзе другим бомбардировщикам соединения, если установленный на бомбардировщиках радиопередатчик выйдет из строя или возникнут помехи. Иногда один из радистов бомбардировщика случайно переключался на свой УКВ-передатчик, создавая помехи связи между головным и остальными бомбардировщиками. В других случаях их создавали немцы. Самолеты спецсвязи также задействовались в качестве средства связи между головным бомбардировщиком и авиабазой группы в Англии. Обмен данными по уточненным прогнозам погоды и направлениям ветра происходил между головным бомбардировщиком и базой. В таких операциях от головного бомбардировщика требовалось моментально оценить возможность успеха рейда и передать свои соображения в Англию, даже если он все еще находился над целью.

В налете на Дрезден все три «Ланкастера» связи были выделены 97-й эскадрильей. В первом самолете связи, который пилотировал лейтенант ВВС, был установлен специальный проволочный самописец, чтобы производить постоянную запись развития атаки. Запись будет представлена на экстренное рассмотрение для оценки, необходимой для авианалетов на Дрезден в последующие дни.

Командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС все еще стремилось учиться на ошибках и расширять арсенал своих методов и своей техники.

Когда головной бомбардировщик «Москито» приближался к району цели, он включил один из двух своих УКВ-передатчиков; в первый раз было нарушено радиомолчание над Германией. «Штурман наведения лидеру маркировщиков. Как слышите? Прием». Лидер маркировщиков ответил, что слышит головной бомбардировщик хорошо «на уровне громкости сигнала 5». Аналогичный запрос первого самолета связи показал, что слышимость между первым самолетом связи и головным бомбардировщиком «громкая и отчетливая». Указания в ходе всей операции будут даваться открытым текстом; шифр используют только для основных приказов, таких как «возвращаемся» или «отмена задачи». От головного бомбардировщика не требовалось никаких подтверждений, за исключением приказа «уходим». Над районом цели все еще наблюдалась облачность; головной бомбардировщик снова вызвал лидера маркировщиков: «Вы все еще выше облаков?» — «Пока выше», — ответил тот. Он тоже только что опустился на высоту 5 тысяч метров менее чем за 5 минут; штурман головного бомбардировщика чувствовал себя не лучшим образом из-за резкой боли в ушах во время снижения. Командир головного бомбардировщика после некоторой паузы спросил лидера маркировщиков, видит ли тот первые зеленые огни, сброшенные 83-й эскадрильей. «Да, да, я их вижу. Облачность не очень плотная». — «Не очень», — подтвердил головной бомбардировщик. Настало время приступить к обозначению целей. Теперь огни горели над городом ослепительно ярко; город выглядел мирным и безмятежным. Лидер маркировщиков на «Москито» тщательно осмотрел цель: к своему удивлению, он не увидел ни одного прожектора, ни одной вспышки огня зениток. Он осторожно облетел город, определяясь с местоположением своего самолета.

> «Когда я пролетал над городом, мне было ясно, что там много деревянно-кирпичных зданий; это напомнило мне Шропшир, Херефорд и Ладлоу. Они, казалось, склонялись над рекой, через которую были перекинуты несколько

довольно грациозно изогнутых мостов; здания являли собой выдающиеся образцы городской архитектуры».

На сортировочных станциях Дрезден-Фридрихштад — там он увидел единственный паровозик, натуженно пыхтя увозивший несколько товарных вагонов. Возле большого здания, в котором он узнал Центральный вокзал — во второй половине дня перед рейдом он изучал в Вудхолл-Спа мозаичный аэрофотоснимок Дрездена — появился еще один столб дыма — трудяга паровоз увозил пассажирский поезд с белыми вагонами на открытое пространство.

Наступило время начать первый заход на обозначаемую цель. Он был на расстоянии 6 тысяч метров. Теперь он начал круто пикировать, внимательно следя за высотомером: бомбы-указатели были настроены так, чтобы взорваться под действием изменения атмосферного давления на высоте 200 метров. Если сбросить их с высоты ниже этой, то они либо подожгут маленький деревянный самолет, либо не будут падать необходимым каскадом.

Он проследил за линиями железной дороги, уходящими от Центрального вокзала по дуге справа к реке. Налево от железнодорожных мостов находился объект его маркировки; теперь он был готов начать заход и послал вызов: «Лидер маркировщиков: пошел!», чтобы предупредить других маркировщиков, которые в противном случае начали бы заходы на обозначение цели. С 6 тысяч метров «Москито» пикировали до высоты менее 300 метров, открывая створки бомболюков, оказавшись прямо над точкой цели. Первый ампульный патрон с огневой смесью загорелся, когда камера указывала на больницу в Дрезден-Фридрихштадте, самый крупный больничный комплекс в Центральной Германии. В объектив камеры попал момент, когда 500-килограммовая бомба — указатель цели выбрасывалась из бомбового отсека, силуэт ребристой канистры угрожающе замаячил над крышей небольшого прямоугольного здания на территории больницы.

Лидер маркировщиков быстро выровнял машину, сохраняя большую скорость, хотя он все еще не знал, есть ли там внизу зенитки, в то время как не только Дрезден, но и его самолет был ярко освещен. Вспышка фотокамеры сработала во второй раз: бомбы выделялась темным пятном над залитым светом стадионом. Один из пилотов

«Москито», которого не предупредили о новшестве с использованием фотокамеры, невольно крикнул своему штурману: «О боже, лидер маркировщиков подбит». Но в этот момент первая цепочка красных осветительных бомб вспыхнула ослепительным светом.

«Москито» пролетел над стадионом и устремился к реке. Его фотокамера все еще выдавала регулярные вспышки с интервалом в одну секунду. Третья вспышка совпала с нахождением самолета над железнодорожным подъездным путем; там разгружался санитарный поезд с Восточного фронта. Теперь это оказалось навечно запечатлено на фотопленке до того, как появились бомбардировщики, чтобы разбомбить подъездные пути, обозначенные на карте. С четвертой вспышкой лидер маркировщиков пересекал реку Эльбу; ватные клубы пара поднимались вверх из трубы единственного паровозика, пыхтя двигавшегося по железной дороге, пролегавшей за садами Японского дворца. Второй «маркировщик, пошел!». Следующий маркировщик «Москито» летал над железнодорожной линией, готовый учесть промах при сбросе красных светящих бомб — указателей цели лидером маркировщиков.

В то же время головной бомбардировщик сверил по карте целей района местоположение трех дрезденских стадионов, в том числе того, который был маркирован, и мрачно объявил: «Вы обозначили не ту цель». На мгновение из УКВ-приемника слышалось лишь напряженное дыхание. Затем последовал облегченный вздох: «Нет, все в порядке, продолжайте». Головному бомбардировщику были ясно видны красные маркировочные огни, горящие в кроваво-красном бассейне неподалеку от стадиона. «Алло, лидер, — позвал он, — указатель находится примерно в 100 метрах от обозначаемой цели». Этот первоначальный маркировочный выстрел был чрезвычайно точным. Когда вспоминаешь, что в первую ночь битвы за Гамбург в 1943 году маркировщики официальной группы «следопытов» были приблизительно на расстоянии от 1 до 11 километров от точки цели, используя при этом технику визуального обнаружения, можно увидеть фундаментальную разницу между уровнем техники, достигнутым двумя бомбовыми группами. «Штурман наведения лидеру маркировщиков: хороший выстрел!» — «Теперь отходим; отходим». — «Лидер маркировщиков всем маркерам: отходим, отходим». — «Пятый

маркировщик лидеру: понял». — «Второй маркировщик лидеру: есть отход!».

Было шесть с половиной минут одиннадцатого. До времени «Ч» осталось еще почти девять минут, но маркируемая цель была четко и недвусмысленно обозначена. Другим «Москито» оставалось только сбросить свои красные маркировочные бомбы на уже горящее место, для усиления огня. Единственное, что беспокоило головной бомбардировщик, было насколько хорошо видны маркировочные бомбы через тонкий слой облаков, особенно бомбардировщикам «Ланкастер», которые сосредоточились на эшелоне на высоте около 2500 метров. Эскадрилье «Ланкастеров» было дано указание приближаться к обозначаемой цели на различных высотах, чтобы избежать столкновений во время барражирования над городом. 97-я эскадрилья «Ланкастеров» со специальным оборудованием находилась на высоте 5400 метров над Дрезденом. «Ланкастер» — контролер-3 на вопрос штурмана наведения: «Скажите, как видите свет?» — ответил: «Вижу три указателя цели сквозь облака». Головной бомбардировщик, полагая, что контролер видит только зеленые указатели цели, спросил: «А красные видите?» И услышал в ответ: «Я как раз вижу красные».

Один за другим еще два маркировщика «Москито» сбросили красные осветители на стадион. Пилот головного бомбардировщика вспомнил, что у каждого «Москито» только по одному маркеру, и предупредил их, чтобы не торопились; бомбы еще могут понадобиться. Было семь минут одиннадцатого, восемь минут до времени «Ч». Маркирование прошло намного лучше, чем ожидалось. «Штурман наведения соединению осветителей: больше никаких огней, *никаких огней!»* Еще один «Москито» отказался от намерения маркировать стадион. Несколько нетерпеливо головной бомбардировщик призвал всех маркировщиков: «Поспешите, завершайте маркировку и уходите из района». Сияющее средоточие красных маркировочных огней заполнило пространство вокруг стадиона, каждый маркер — островок горящих факелов, разбросанных в радиусе нескольких десятков квадратных метров. Их было слишком много для того, чтобы быстро погасить, даже если бы среди немцев нашлись достаточно смелые люди, чтобы рискнуть пройти в то место, которое, по их мнению, могло быть эпицентром района цели.

В Дрездене по радиопередатчику воздушного оповещения объявили предостережение: «Боевые порядки самолетов-бомбардировщиков совершают беспокоящий налет по кругу от района Марта-Генрих до Марта-Генрих. Первая волна боевых порядков тяжелых бомбардировщиков находится у Нордполь-Фридрих, теперь над Отто-Фридрих; они идут курсом восток-север-восток». Упомянутые участки соответствующим образом отметили сеткой на командирских картах прокладки курса. Однако, волнуясь, объявляющий перепутал самолеты-бомбардировщики, совершающие беспокоящие действия, — девять самолетов «Москито» соединения маркировщиков — с тяжелыми бомбардировщиками и наоборот. Через некоторое время до командующего ПВО района дошло, что на самом деле это были «следопыты» «Москито», прилетевшие из района Хемница, а боевые порядки тяжелых бомбардировщиков приближались через Ризу с северо-запада. Сразу же был передан сигнал в командный пункт ПВО в цокольном этаже здания Альбертинума. Последнее переданное радиодонесение из этого пункта оказалось пронзительно тревожным: «Бомбы падают на городские кварталы! Держите наготове песок и воду!» Но все же граждан не предупредили о том, чтобы они прятались в убежище.

Головной бомбардировщик в последний раз проконтролировал «Ланкастер», находящийся на самом высоком эшелоне: «Вы видите красные указатели целей?» Ответ его удовлетворил: «Я вижу зеленые и красные огни указателей целей». Было девять минут одиннадцатого — 6 минут до времени «Ч». Маркирование было завершено, и головной бомбардировщик хотел, чтобы атака началась в первый же подходящий момент; запас горючего в баках позволял ему оставаться в воздухе над целью еще 12 минут. Он хотел увидеть начало атаки и убедиться, что все идет хорошо.

Как раз в этот момент дрезденцы, которые уже покинули открытое пространство и боязливо прислушивались в своих полуподвалах и подвалах к гулу легких самолетов «Москито», сновавших взад-вперед над крышами столицы Саксонии, в первый раз были проинформированы о характере истинной угрозы их городу. В 22.09 голос с характерным саксонским выговором очень взволнованного диктора прорвался из громкоговорителей: «Внимание, внимание, внимание! После первых заходов крупное соединение вражеских

бомбардировщиков изменило курс и теперь приближается к границам города. Населению предписано немедленно проследовать в подвалы и погреба. Полиции дано указание арестовывать всех тех, кто останется на открытых местах…»

Командир головного бомбардировщика «Москито», находящегося на высоте 1000 метров над притихшим городом, вновь и вновь повторял по своему УКВ-передатчику: «Штурман наведения соединению „тарелкосушилок“: выходите в атаку и бомбите по красным указателям целей согласно плану. Бомбите по красным огням указателей целей согласно плану».

Было ровно 22.10.

Лидер маркировщиков вызвал головной бомбардировщик и спросил: «Могу я теперь отправить соединение маркировщиков домой?»

Пилоту головного бомбардировщика пришло в голову, что немцы вполне могли устроить ложную цель по соседству; не имея в своем распоряжении карты целей с указанием таких мест, было бы неразумным игнорировать эту возможность. «Штурман наведения лидеру маркировщиков: если вы какое-то время будете поблизости и оставите одного парня с желтыми огнями, то остальные могут отправляться домой». — «Хорошо, штурман. Лидер ко всем маркировщикам: уходим домой, уходим домой. Подтверждаю». Один за другим маркировщики третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой подтвердили: «Уходим домой…»

Лидер маркировщиков увидел идущий по кругу самолет с горящими зелеными и красными навигационными огнями. Летчик явно нарывался на неприятности над вражеской территорией. «У вас горят навигационные огни», — предостерег он самолет. Огни не погасли. Похоже, это был один из немецких Ме-110, все еще совершавший круги при наборе высоты; но «Москито», совершенно безоружные, ничего не могли с ним поделать, разве что пойти на таран.

Головной бомбардировщик все еще передавал бомбардировщикам основных сил: «Штурман наведения соединению „тарелкосушилок“: бомбите по средоточию красных огней — указателей целей согласно плану».

Орудия, защищавшие небо Дрездена, все еще молчали. Не было видно ни одной орудийной вспышки. Командиру в головном бомбардировщике становилось ясно, что Дрезден, фактически, незащищен. Он мог, не опасаясь, приказать тяжелым четырехмоторным «Ланкастерам» опускаться и бомбить с низких высот, обеспечивая, таким образом, более равномерное распределение сбрасываемых бомб над сектором, обозначенным для атаки. Он вызвал «Ланкастер» связи № 1, который поддерживал постоянный контакт азбукой Морзе с бомбардировщиками: «Передайте самолету на высшем эшелоне приказ спуститься ниже среднего слоя облаков». — «Вас понял». К 22.13 бомбы начали падать на Дрезден. Лидер маркировщиков привлек внимание головного бомбардировщика к характерным вертикальным взрывам огромных 2000-килограммовых и 1000-килограммовых фугасных бомб, способных выбивать окна и срывать крыши с легко воспламеняющихся зданий Старого города Дрездена, некоторым из которых было более тысячи лет. Яркая голубая вспышка разорвала темноту, когда сдетонировала серия бомб, упавших на большой площади сектора цели; экипажи решили, что удар, вероятно, пришелся по электроподстанции.

«Лидер маркировщиков штурману наведения: бомбы, кажется, теперь легли как надо. Конец». — «Да, они показали себя отлично». — «Алло, соединение „тарелкосушилок“. Хорошая работа. Выходите в атаку и возьмите под прицел красные указатели цели согласно плану. Кто-то основательно промахнулся! Кто-то сбросил очень далеко». — «Штурман наведения лидеру маркировщиков: теперь, если хотите, можете идти домой. Спасибо». — «Алло, штурман наведения: спасибо, уходим домой». — «Хорошая работа, соединение „тарелкосушилок“. Отлично отбомбились», — резюмировал головной бомбардировщик.

«Ланкастеры» устремились к обозначенной цели на стадионе, эскадрилья за эскадрильей, самолеты приближались к стадиону и ослепительному красному свету маркировочных бомб с различного направления, одни устремлялись на юг, другие — почти на восток, веером расходясь по пылающему Старому городу. Весь сектор в форме куска сыра представлял собой множество мерцающих огней — тут и там наблюдались ослепительные вспышки фугасных бомб, разбрасывающих осколки и разрушающих здания, поджигающих верхушки крыш.

К 22.18 следы от бомб покрывали весь сектор, один-два случайных всплеска огня появились в темных районах за пределами сектора. Головной бомбардировщик тоже заметил, что эти бомбы упали слишком далеко, и теперь предупредил остальных «Ланкастеров»: «Алло, соединения „тарелкосушилок“, старайтесь отслеживать красные огни. Бомбометание становится беспорядочным. Отслеживайте по возможности красные огни и бомбите согласно плану».

У него было еще три минуты, в течение которых он мог оставаться над городом. Совсем близко он заметил вспышки света. Красные и желтые огни с указанием немецкого ложного объекта поджигались напрасно. Когда немцы сооружали ложные объекты, они никак не могли понять того, что горящий город с воздуха выглядит беспорядочной бурлящей массой дыма, взрывающихся фугасных бомб и многочисленных очагов возгораний от зажигательных бомб. Немецкие ложные объекты были построены аккуратными прямоугольниками, столь же аккуратно на равных расстояниях были распространены горящие зажигательные бомбы по поверхности земли. Тем не менее, обязанностью головного бомбардировщика было убедиться в том, что ни одна из бомб не потрачена понапрасну на ложную цель. В данном случае он полагал, что ложная цель не стоила того, чтобы тратить на нее желтую светящую бомбу отмены маркировки; он просто передал по радио всем экипажам остававшихся бомбардировщиков соединения «тарелкосушилок»: «Ложные цели на расстоянии от 19 до 15 километров по азимуту 300 градусов точно от центра города». Через минуту он повторил предупреждение: «Скорее завершайте бомбардировку и уходите домой. Не обращайте внимания на огни ложной цели».

В 22.20 ночью 13 февраля 1945 года пилот головного бомбардировщика в последний раз вызвал самолет «Ланкастер» связи № 1, когда поворачивал свой «Москито» на курс домой. «Штурман наведения связному № 1: отправьте послание домой: „ЦЕЛЬ УСПЕШНО АТАКОВАНА ТОЧКА ОСНОВНОЙ ПЛАН ТОЧКА СКВОЗЬ ОБЛАКА ТОЧКА“».

Глава 3
ГОРОД В ОГНЕ

О том, в какой мере успех этой первой атаки Дрездена 5-й группой поздним вечером 13 февраля 1945 года был обеспечен точностью прогнозов погоды над районом цели, можно судить в сравнении с более крупной в количественном отношении атакой — с участием 320 «Галифаксов» — бомбежкой завода синтетических масел в Белене, всего в 160 километрах к западу от Дрездена.

Метеорологическая служба в штабе командования бомбардировочной авиации прогнозировала, что просвет в слоях облаков над Западной и Центральной Европой превратится в полное прояснение над Дрезденом только на четыре-пять часов. Но даже когда первое соединение маркировщиков ворвалось в Дрезден почти прямо с запада, самолеты опускались по кромке облаков в течение последних 35 минут. Над самим Беленом, как докладывали экипажи, были слоисто-кучевые облака. Виднелись только слабые огни «следопытов» — маркировщиков, и они были слишком рассредоточены. Мало того что маркировочные огни не были сконцентрированы должным образом, немцы еще зажгли ряд ложных указателей целей, в нескольких милях от настоящих, и экипажи «Галифаксов», будучи не в состоянии различать отдельные объекты на местности, в значительной степени обманулись, несмотря на предостережения головного бомбардировщика. Бомбометание прошло с большим разбросом.

Будь такие же слоистые облака над Дрезденом всего 15 минутами позднее, когда бомбардировщики 5-й группы прибыли к несчастливому городу, в первой атаке почти наверняка не удалось бы достичь степени концентрации на площади, необходимой для зарождения огненного смерча.

Записи, сохранившиеся на метеорологическом пункте местного аэродрома истребителей в Дрезден-Клоцше, подтверждают, что не только начало атаки было почти невозможным, но что гряды облаков были столь же близки к строю авиации в конце второго удара. Так что, несмотря на то что, хотя в 19.00 только одна десятая часть облаков

была ниже 3 тысяч метров, в течение 10 заключительных минут второго удара по Дрездену, в 2.00 ночи 14 февраля сплошная облачность заволакивала десять десятых неба как выше, так и ниже 3 тысяч метров. В течение этого точно предсказанного прояснения в облачности над Дрезденом командованию бомбардировочной авиации приходилось успеть провести два мощных авианалета с интервалом между ними в три часа. Как подтверждает командир авиакрыла, М. Смит, пилотировавший головной бомбардировщик в этой атаке, если бы первый авиарейд на Дрезден был произведен на десять — пятнадцать минут раньше, вся операция с двойным ударом, несомненно, успеха бы не имела. «Ланкастеры» не могли оставаться в воздухе, совершая круги в течение 15 минут в ожидании, пока небо очистится от облаков.

Таким образом, командование бомбардировочной авиации было близко к тому, чтобы лишиться своего огромного переломного успеха в своем авиационном наступлении на Германию; и в равной степени близки были послевоенные противники Великобритании к тому, чтобы лишиться одного из величайших обвинений против нее.

К 22.30 вечера 13 февраля все первое соединение, участвовавшее в атаке на Дрезден, пробиралось обратно в Англию. Через 10 минут после завершения первой атаки бомбардировщики вдруг прекратили использовать средство «окно», быстро снизились и продолжили полет на высоте всего 1800 метров, — ускользнув за пределы досягаемости системы немецких радиолокаторов. Только когда эскадрильи 5-й группы приблизились к позициям союзников в точке в нескольких километрах от Страсбурга, они начали медленно набирать высоту до 4500 метров. Отход бомбардировщиков теперь прикрывали новые силы, прибывающие со стороны Франции и Южной Германии, — соединение из 529 «Ланкастеров», готовое начать атаку Дрездена в 1.30 ночи. После полуночи экипажи этих новых эскадрилий бомбардировщиков выбрасывали каскады металлизированных лент, в то время как самолеты пролетали через занятую союзниками территорию, в конце концов пересекая линию фронта в точке, находящейся в 32 километрах к северу от Люксембурга.

Это была настоящая армада бомбардировщиков, несущая даже еще более тяжелый бомбовый груз, чем тот, что был сброшен во время рейда тысячи бомбардировщиков на Кельн 33 месяца назад. Впереди

строя бомбардировщиков летели «Ланкастеры» освещения «вслепую», с бомбами замедленного действия и парашютными осветительными бомбами, установленными так, чтобы загореться на высоте 6 тысяч метров и осветить местность для ведомого головного бомбардировщика, что позволяло ему распознать цель и обозначить точку цели. Были «Ланкастеры» — маркировщики «вслепую», были визуальные «центровщики», регулярно появлявшиеся в боевых порядках бомбардировщиков. В авангарде атакующих сил летели эскадрильи истребителей, оборудованные для ночного полета и атак с бреющего полета немецких аэродромов. К строю бомбардировщиков примыкали «Либерейторы» и «Летающие крепости» группы № 100. В каждом были по два специально обученных оператора радиосвязи, выполнявшие такого рода обязанности, о которых не разрешалось рассказывать даже другим членам летного экипажа, и в каждом были тонны металлизированных лент.

Настроение экипажей, направленных для нанесения второго удара по Дрездену, в ту ночь не было радостным. На инструктаже они узнали совсем немного о характере цели, которую им предстояло атаковать. На большинстве авиабаз инструктаж прошел без пояснений, и молодые летчики удовлетворились тем, что сообщили им офицеры. После инструктажа некоторые из пилотов, которым доводилось бывать в Дрездене до войны, огорчались из-за необходимости совершать этот рейд. Неприятности для большинства экипажей начались, когда они вошли в комнаты для инструктажа и командир базы снял коричневую бумагу, закрывавшую карту целей и маршрутов, висевшую на дальней от них стене комнаты. Первой реакцией большинства экипажей был ужас оттого, насколько глубоко нужно было проникнуть на территорию Германии. Пилоты и штурманы переглянулись и прикинули продолжительность полета до Дрездена: он мог занять около десяти часов. Это было на пределе возможностей самолета «Ланкастер»; не усматривалось большого резона в том, чтобы так долго находиться в пути для проникновения на вражескую территорию с целью атаки цели, которая не казалась такой уж важной. Многие из членов экипажей выражали удивление и недоумение по поводу того, почему бы не попросить русских самих атаковать город, если это было так «жизненно важно» для фронта.

Возражения многих летчиков отметались различными надуманными уверениями офицеров разведки. В связи с этим следует вспомнить, что маршал авиации сэр Роберт Сондби в штабе командования бомбардировочной авиации «не видел никакой причины для бомбардировки Дрездена», поскольку город «не был в нашем списке целей».

Не следует забывать и о послевоенных заявлениях тех, кто был близок к кругам в комиссиях по планированию выбора целей, например к чиновникам в военном министерстве, кто отвечал за инструктаж начальника Генерального штаба империи по всем вопросам авиации. Они говорили: Дрезден, конечно, не был важным промышленным центром, и из имевшейся в то время информации следовало, что город использовался не столько германской армией в качестве транспортного узла, сколько огромным числом беженцев с советского фронта. Поскольку нет сомнения в том, что эти сведения, не ставящие Дрезден в разряд целей для стратегических бомбардировщиков союзников, были хорошо известны как в военном министерстве, так и в кругах министерства авиации, и никогда не вызывали сомнений у высших офицеров штаба командования бомбардировочной авиации. Как-то так получилось, что эта информация попала к летным экипажам в искаженном виде. Экипажам бомбардировочной 3-й группы передали: «Ваша группа атакует штаб германской армии в Дрездене». Некоторые летчики 75-й эскадрильи даже помнят, что Дрезден считался городом-крепостью. Экипажи инструктировали на атаку Дрездена, чтобы «уничтожить германское оружие и склады снабжения». Им дали понять, что это был один из главных центров снабжения для Восточного фронта. Для 1-й группы, как стало известно, внимание акцентировалось на важности Дрездена как железнодорожного узла. Экипажам сказали, что в качестве цели для них выбран железнодорожный вокзал. Согласно информации, подготовленной штабом 6-й канадской группы, «Дрезден был важным промышленным районом, где выпускались электромоторы, точные инструменты, химикаты и боеприпасы». В немногих эскадрильях находились люди, которых изначально предупредили о присутствии в городе нескольких сот тысяч беженцев или лагерей для военнопленных, в которых, на окраинах города, содержались 26 620 военнопленных. Местные офицеры-инструкторы на базах, казалось,

дали волю своему богатому воображению; на одной из авиабаз экипажам сказали, что они атакуют штаб-квартиру гестапо в центре города; на другой — что это важные заводы боеприпасов; а на третьей — что это большой завод по производству отравляющих веществ.

Впервые всем экипажам выдали люцитовые конверты, с вложенными в них большими государственными флагами, с вышитыми надписями на русском языке: *«Я англичанин»*. Хотя в ряде случаев это было не вполне корректно — в ночной операции участвовали австралийские эскадрильи, — это был максимум того, что командование могло предложить для их личной безопасности на случай, если их отнесет за позиции русских. Им не предложили большей помощи, но предупредили, что русские солдаты имеют привычку стрелять при виде незнакомых военных, независимо от того, развернут у них английский государственный флаг или нет.

Инструктаж завершился подробным объяснением техники обозначения целей «следопытами», как давать позывные для главных сил и головного бомбардировщика, и предостережениями общего характера. Экипажам советовали, чтобы ведущие бомбардировщики тщательно распознавали огни целеуказателей не только из-за создания немцами ложных указателей целей, но и потому, что Дрезден, «вероятно, будет гореть» и маркировочные огни сольются с другими огнями. Головному бомбардировщику дали позывной «Сырный пирог», «Ланкастерам» главных сил — «Натиск». Только в случае с рейдом на Дрезден были упущены некоторые привычные детали инструктажа. Обычно, когда эскадрилью инструктируют в отношении того, что считают достойной целью, все радостно приветствуют командира базы, когда тот поднимается на трибуну, даже если мишень трудная, такая, как Гамбург или Берлин. В случае с Дрезденом радостные приветствия отсутствовали, видимо, по причине явного, может быть даже умышленного отсутствия информации о городе и характере его противовоздушной обороны. Даже если летчики и были ободрены разговором о штаб-квартире гестапо и заводах отравляющих газов, многим экипажам явно не прибавило воодушевления то, что они услышали о беженцах. Одну из эскадрилей группы № 100 (радиопротиводействия) подробно проинструктировали о характере цели; офицер разведки даже предположил, что, вероятно, настоящей

целью рейда было убить как можно больше беженцев, которые, как было известно, укрывались в городе, и посеять панику и хаос за Восточным фронтом. После этого замечания вся эскадрилья до последнего летчика преисполнилась решимости взаимодействовать, но только придерживаясь буквы отданных приказов. Некоторым экипажам не чужда была практика брать на борт кусочки бетона, стали и старые бутылки, чтобы сбрасывать их на вражеские деревни и города, мимо которых пролетали. Они единогласно выступали за то, чтобы показать свое неодобрение этой миссии, отказавшись от этой практики в ту ночь. Однако такая реакция никак не была общепринятой в бомбардировочной авиации в отношении ночных операций. Реагировали обычными легкомысленными шутками, вероятно, чтобы скрыть обеспокоенность расстоянием до цели, как рассказывал об этом штурман-бомбардир.

В отличие от большинства авиарейдов на объекты в Германии на этом этапе войны соединение несло с собой около 75 процентов зажигательных бомб. Поскольку на более ранних стадиях войны была доказана выгода от использования во время атак большего процента зажигательных бомб, с учетом не проявляющейся сразу возгораемости объекта, германские города один за другим подвергались атакам, бомбежкам и разрушениям. А в Руре едва ли можно было найти город, в котором сотни акров территории не превратились бы в несгораемую груду камней. По этой причине бомбовый груз включал в себя в еще большем количестве бризантные взрывчатые вещества для экономии сбрасывавшихся зажигательных бомб.

С Дрезденом случай был противоположного свойства: целью был фактически нетронутый город, и в отношении него мог быть задействован весь арсенал средств, как в случае с Гамбургом. Сначала фугасными бомбами выбиваются окна и срываются крыши; затем сбрасывается «град» зажигательных бомб. Они поджигают дома, в которые попадают, и порождают бурю огненных искр. Эти искры, в свою очередь, пробиваются сквозь поврежденные, искореженные крыши и выбитые окна, поджигая занавески, ковры, мебель и стропила.

Бомбардировщикам, которые волнами заходят на вторую атаку, нужно только нести с собой достаточное количество фугасных бомб, чтобы огонь распространялся и чтобы прижимать к земле истребители.

Так, бомбовая нагрузка 3-й бомбардировочной группы состояла из бомб двух типов. Одна волна бомбардировщиков несла с собой 4000-фунтовые фугасные «блокбастеры» и пять 750-фунтовых «кластеров» (кассетных бомб). В 1-й группе бомбовый груз был несколько отличным: зажигательные бомбы, чаще сбрасываемые из маленьких бомбовых контейнеров в виде металлических желобов в бомбовых отсеках. В них лежали шестиугольные, длиной 21 дюйм 4-фунтовые термитно-зажигательные бомбы, и из них они выбрасывались в воздух над целью. Этот дождь маленьких бомб представлял опасность для других самолетов над районом цели, и они не обладали баллистическими свойствами, позволявшими точно направлять их на цель.

Тем не менее, при атаке Дрездена, где предполагалось поджечь все, что только возможно, эти зажигательные бомбы достигли неожиданного полезного результата: нарушили радиосвязь над целью. 1-я авиагруппа несла с собой 17 этих контейнеров по одной 1000-килограммовой бомбе каждый. В другом варианте это была одна 2000-килограммовая бомба с 12 контейнерами бомб. В общей сложности 650 тысяч зажигательных бомб были заложены в бомбодержателях и бомбовых кассетах разбрасываемого типа «Ланкастеров», атаковавших Дрезден. Ни один из них не нес с собой «фосфорных» бомб. Все самолеты соединения заправили горючим под завязку, по 2154 галлона бензина на каждый. В течение двух часов после старта в самолете стоял удушливый запах бензина.

Температура над континентом значительно упала, и многие самолеты столкнулись с такой неприятностью, как обледенение. Синее пламя огней святого Эльма (феномен статического электричества) играло по краям крыльев и вокруг вращающихся пропеллеров. Во многих самолетах было холодно так, что автопилоты выходили из строя, и летчикам приходилось более чем по 9 часов лететь на ручном управлении. К счастью, между германской границей и целью была гряда густых облаков, что вынуждало много вражеских истребителей оставаться на земле. Вскоре после того как самолеты долетели до южных районов Рура, проявила себя противовоздушная оборона; многие экипажи увидели заградительный зенитный огонь над городами Рура. Первая ложная атака, начатая командиром «следопытов», вице-маршалом ВВС Беннетом, была в разгаре —

небольшая атака Дортмунда самолетами «Москито», легких ударных сил ночных бомбардировщиков. Были сброшены шесть фугасных бомб, из которых две не взорвались. Кроме того, экипажи «Либерейтеров» группы № 100, с их выброшенными в воздух каскадами металлизированных лент системы «окно», совершали облет параллельно 8-го градуса восточной долготы, создавая экран, непроницаемый для радиолокационной системы немцев. У Хемница гряда облаков разрядилась. Хемниц и вовсе не был отмечен на штурманских картах, которыми пользовались пилоты; может быть, по этой причине некоторые оказались неосторожны и не сумели облететь районы расположения зениток. Когда строй бомбардировщиков, теперь уже частично рассеивавшийся и вышедший далеко за пределы радиуса действия радионавигационной системы «Джи», ревя мощными моторами «Зигмар», появился из-за гряды облаков и проследовал мимо сильно защищенного города, зенитные батареи на всем протяжении позиций открыли огонь. Один за другим три «Ланкастера» были подбиты и объятые пламенем заскользили к земле. Другие получили попадания снарядов зениток, но смогли завершить полет до Дрездена.

Теперь летчики ясно видели огни пожара после атаки 5-й группы. И в самом деле, огни были видны с расстояния более пятидесяти миль. Некоторые из экипажей «следопытов» позже признали, что были глубоко подавлены при виде полыхающего города, и объясняли это чувство острым соперничеством, существовавшим тогда между 8-й группой, официальными «следопытами», которые первыми вышли во вторую атаку, и 5-й группой, которая так успешно начала этот двойной удар. «Группа № 5 была нам известна под прозвищем „Линкольнширские браконьеры“, или „независимые ВВС“. Мы с раздражением взирали на то, как успешно они действовали». Хотя это звучит жестоко, ввиду ужасного зрелища внизу, но откровенно отражает позицию экипажей бомбардировщиков, сделавших заявления, без которых эта часть повествования в книге была бы невозможной.

В отличие от «Москито» и соединения осветителей 5-й группы, у «следопытов» во второй атаке не было оборудования «Лоран», и, если бы первый удар не удался, маловероятно, что они достигли бы необходимой концентрации удара по цели; фактически атака началась с задержкой лишь на несколько секунд.

Час «Ч» для второй атаки Дрездена был в 1.30 ночи. В 1.23 ночи действовавшие вслепую «Ланкастеры» — осветители сбросили свои гирлянды огней поперек точки цели, а в 1.28 прибыл головной бомбардировщик. К своему ужасу он обнаружил, что весь центр города сметен огненным смерчем, и он может ясно различить точку цели. Сильный юго-западный ветер дул сверху, и облако дыма от горящего города застилало всю восточную часть города.

В 1.30 ночи прибыл ведомый головного бомбардировщика и тоже обнаружил, что точка прицеливания не видна из-за огня и дыма. Поскольку два головных бомбардировщика договорились между собой еще до старта, что ведомый совершит первый маркировочный заход, командир авиакрыла Х. Ле Гуд вызвал пилота головного бомбардировщика, командира эскадрильи К. де Веселова, чтобы обсудить с ним альтернативную тактику маркирования. Вопрос состоял в том, следует ли советовать экипажам сосредоточить свои бомбовые удары на уже горящем районе или же распространить атаку шире.

Поскольку не могло быть и речи о том, чтобы даже при мощных осветительных огнях распознать цель сквозь облака дыма и огня, головной бомбардировщик в конце концов решился на второй заход, при котором главные бомбардировочные силы будут сосредоточены на районах, не пострадавших от первой атаки. Поэтому огни ведомого головного бомбардировщика не применялись для обозначения точки цели; он (и поддерживавшие его визуальные корректировщики бомбометания) производили маркировку сначала с одной, а затем с другой стороны района огненного смерча сериями красных и зеленых указателей целей, беспокоясь лишь о том, чтобы удостовериться, что бомбометание проходит с не слишком большим разбросом. Штурман-бомбардир из экипажа командира авиакрыла Ле Гуда отмечал впоследствии в своем бортовом журнале: «13–14 февраля 1945 года. Дрезден. Никакой обороны, шесть красных указателей цели и четыре 500-фунтовые фугасные бомбы на борту; дым от первой атаки не дает маркировать точку цели».

Сам командир авиакрыла, австралиец Ле Гуд, отмечает: «13–14 февраля 1945 года. Дрезден. Над целью чисто, практически весь город в огне. Никаких зениток».

Командир головного бомбардировщика и его ведомый, находясь над целью, вели разговор относительно сортировочных станций, но ведомый не имел возможности видеть их достаточно отчетливо, несмотря на то что они находились с наветренной стороны от района пожара. Поэтому головной бомбардировщик передал по стандартной приемо-передающей установке экипажам «Натиска» главных сил указание бомбить сначала слева, затем справа, затем за районами горящих огней и полыхающих пожаров. Оба главных бомбардировщика оставались над районом цели на протяжении всех двадцати минут атаки; когда головной бомбардировщик покидал район, он вновь проверил сортировочные станции и на этот раз смог рассмотреть во всех деталях эффект, произведенный авианалетом. В журнале эскадрильи записано, что в ходе дачи показаний после войны он заявлял, что «сортировочные станции к юго-западу избежали больших повреждений».

В некоторых районах Дрездена сирены не звучали. В большинстве районов энергоснабжение было нарушено в результате первой атаки, и второй налет стал для людей совершенной неожиданностью.

Когда «Ланкастеры» освещения пролетали над горящим Дрезденом, за несколько минут до времени «Ч», бомбардиры-навигаторы видели оживленные дороги и автострады, ведущие в Дрезден. Длинные колонны грузовиков с ярко горящими фарами медленно ползли к городу. Это, видимо, были колонны грузовиков, доставлявших продовольствие, а также пожарные команды, прибывавшие из других городов Центральной Германии.

Было очевидно, что подтверждался второй компонент стратегии двойного удара Харриса: уничтожение не только пассивной обороны Дрездена, но и большого количества сил, привлеченных из окрестных городов.

«Это был единственный раз, когда мне стало жалко немцев, — сказал штурман-бомбардир „Ланкастера“ из состава 635-й эскадрильи. — Но моя жалость длилась всего несколько секунд; задача состояла в том, чтобы нанести удар по врагу и ударить по нему очень сильно».

Соединение «Ланкастеров» к тому времени осветило весь район сериями парашютных светящих бомб.

С точки зрения немцев, начало массированной атаки города, предваряемое волнами «следопытов», должно было стать зловещим зрелищем: указатели цели, опускавшиеся сверкающими каскадами, ослепительно сияли над обреченным городом, предвещая его ужасную кончину. Экипажи бомбардировщиков получили инструкции следить за горящими в небе огнями, опускавшимися на город-мишень; но в огнях едва ли была необходимость. В 1.24 ночи 14 февраля 1945 года у экипажей не было никакого сомнения в том, что они на самом деле находятся над Дрезденом. Весь город, от одного конца до другого стал морем огня. «Район был так ярко освещен, — писал впоследствии один летчик в своем дневнике, — что нам были видны другие наши самолеты, так же как след от собственного самолета в разреженном воздухе».

> «Фантастический свет на 300 километров вокруг становился все ярче, когда мы приближались к цели, — писал другой летчик из 3-й группы. — На высоте 6000 метров мы могли различать в неземном ярком сиянии детали местности, которые никогда до этого не видели; впервые за время множества операций мне стало жаль жителей, находящихся внизу».

Штурман другого самолета той же группы вспоминает:

> «Я никогда не покидал своего кресла в самолете, но пилот в тот раз позвал меня, чтобы я подошел и посмотрел. Зрелище было поистине фантастическим. С высоты 6000 метров Дрезден выглядел городом, каждая улица которого была объята огнем».

Бортинженер 1-й группы вспоминает, что мог писать в бортовом журнале при свете, проникавшем в кабину по всей длине фюзеляжа.

> «Признаюсь, я бросил взгляд вниз, когда бомбы падали, — вспоминает штурман-бомбардир еще одного бомбардировщика 1-й группы, — и своими глазами увидел шокирующую панораму города, полыхающего от одного конца до другого. Виден был густой дым, относимый ветром

> от Дрездена. Открывалась панорама ярко сверкавшего города. Первой реакцией была потрясшая меня мысль о совпадении происходившей внизу бойни с предостережениями евангелистов на проповедях перед войной».

Огнями указателей целей можно было руководствоваться, если они горели в течение четырех минут каждый. По этой причине было спланировано так, что бомбардировщики визуальной маркировки должны были прибывать с интервалами три-четыре минуты на протяжении всей атаки Дрездена. Немногим из экипажей главных сил был хорошо известен характер цели, которую они атаковали, так как единицы удосужились изучить накануне во второй половине дня в комнатах инструктажа карты и планы, составленные с учетом данных разведки. Большинство довольствовались тем, что брали прицел по огням указателей целей, сбрасываемых «следопытами», и следовали инструкциям, передаваемым по радио головным бомбардировщиком.

> «Головной бомбардировщик летел гораздо ниже, чем мы, — записал пилот 3-й группы. — Он направлял каждую в отдельности волну атаки и был больше всего озабочен тем, чтобы мы не расходовали бомбы на районы, уже объятые пламенем».

Штурманы-бомбардиры были слишком заняты для того, чтобы поинтересоваться, как им уничтожить железнодорожную станцию, штаб германской армии, здание гестапо или завод по производству отравляющих газов, о которых им сообщили с таким популистским энтузиазмом, если головной бомбардировщик постоянно указывал главным силам, чтобы они сбрасывали бомбы на различные части города. Одним из районов, который упрямо не желал загораться, был Большой сад, прямоугольный парк в Дрездене, сравнимый по размеру с лондонским Гайд-парком. Многие тонны бомб были израсходованы в тщетных попытках поджечь парк, облака дыма, относимые ветром в восточном направлении через город, закрывали эту часть района цели.

И опять немецкая истребительная авиация была парализована. На этот раз трудность заключалась не в отсутствии топлива или в

недостаточной подготовке аэродромов. Пилоты ночных истребителей на аэродроме в Клоцше ясно видели большие пожары, разгоравшиеся в Дрездене, менее чем в 8 километрах к югу. Когда к ним по обычным каналам проводной связи поступила новость о другом соединении, приближающемся к Центральной Германии с юга, никто из летчиков уже не сомневался, что и вторая атака нацелена на Дрезден. Командир авиабазы сразу же приказал всем экипажам занять места в самолетах Ме-110 в готовности № 1. Наземные команды находились рядом и готовили оборудование для старта.

В 00.30 зажглись огни по периметру и освещение взлетно-посадочной полосы, ярко высвечивая силуэты сотен самолетов, размещенных вокруг внешней границы аэродрома. Все эскадрильи истребителей и транспортных самолетов были стянуты в Клоцше для того, чтобы обезопасить Восточный фронт и предотвратить его прорыв. Но взлетно-посадочные полосы предназначались не для ночных истребителей. Командир авиабазы объяснил, что из Бреслау ожидается прибытие транспортных самолетов (они были блокированы тогда армиями маршала Конева). Огни взлетно-посадочных полос можно было выключать только время от времени. Экипажи истребителей протестовали, заявляя, что аэродром может быть уничтожен, если экипажи бомбардировщиков заметят его. Командир авиабазы оставался непреклонен.

Огни аэродрома то включались, то выключались, как будто давая знак британским самолетам атаковать.

Как бы то ни было, 18 «Мессершмитов» с полными топливными баками и готовым к бою вооружением ждали команды к взлету. На этот раз было ясно, что им хватит времени для того, чтобы набрать необходимую для атаки высоту. Но прошли сначала 10, затем 20 и, наконец, 30 минут после объявления по проводной связи тревоги, а зеленая ракета все не загоралась.

> «Так что мы сидели в кабинах, ожидая своей участи, — с горечью вспоминал один из пилотов ночных истребителей. — Беспомощно взирали на ход второго налета на Дрезден. Самолет вражеских „следопытов“ сбросил свои „рождественские елки“ прямо над нами, ярко осветив

аэродром, переполненный самолетами, переброшенными с Восточного фронта.

Волна за волной тяжелых бомбардировщиков пролетала над головой, бомбы со свистом падали на город. А огни взлетно-посадочных полос все еще то зажигались, то гасли, зажигались и гасли, в ожидании транспортных самолетов из Бреслау.

В любой момент летное поле могло быть сметено с лица земли. Напряженные нервы у некоторых техников и членов команды обслуживания не выдерживали: они бежали в поисках укрытия. Мы не надеялись, что аэродром уцелеет, но, возможно, у экипажей бомбардировщиков был определенный приказ, которому они следовали, аэродром не входил в список напечатанных целей. В то же время у немецких соединений в подобной ситуации едва ли хватило бы дисциплины не атаковать объект, расположенный прямо около района цели, который так явно себя обнаруживает, даже если эта цель не была упомянута в первоначальных инструкциях».

Зеленая ракета все еще не была выпущена. Пилоты Ме-110, которых покинул обслуживающий персонал, недовольно вылезли из кабин; за ними последовали и другие экипажи. Налет на Дрезден окончился. Они наблюдали за всем происходящим с аэродрома, расположенного в пяти милях от города, и не могли предпринять хоть каких-то оборонительных действий. Командир авиабазы, который по собственной инициативе приказал пилотам оставаться в кабинах самолетов, теперь вяло признал, что не имел возможности связаться с Берлином-Деберицем, чтобы получить разрешение поднять в воздух эскадрилью. Он объяснил, что телефонная связь через Дрезден не работала, по какой-то причине не действовал и канал коротковолновой радиосвязи между штабом 1-й дивизии истребительной авиации в Деберицем и аэродромом. Линии телефонной связи, конечно, пролегали через Старый город в Дрездене. Радиосвязь противника выводилась из строя во время каждой крупной ночной атаки со времени ввода в действие в ноябре 1943 года группы № 100 (радиопротиводействия). Немецкий пилот записал в своем дневнике:

> «Результат: полномасштабная атака Дрездена; город разбит вдребезги. Нам оставалось только стоять и смотреть. Как такое стало возможным? Люди все чаще говорят о саботаже или по меньшей мере о безответственном пораженчестве в рядах „господ“ в штабе командования. У меня ощущение, что все гигантскими шагами идет к своему концу. Что потом? Несчастная родина!»

Противовоздушная оборона на земле хранила молчание; многие члены экипажей «Ланкастеров» чувствовали себя почти пристыженными в отсутствие сопротивления. Многие экипажи облетели горящий город несколько раз, не потревоженные какой бы то ни было противовоздушной обороной. В течение 10 минут «Ланкастер», оборудованный киносъемочными камерами, кружил над целью, снимая все, что происходило внизу, для киносъемочной группы Королевских ВВС. Кинолента, отданная в фильмотеку Королевского военного музея, представляет собой одну из самых мрачных, но притягательных записей, сделанных во время Второй мировой войны. Но этот фильм служит окончательным, решающим свидетельством того, что Дрезден был незащищен: никакие прожекторы, никакие зенитки не попадали в поле зрения на протяжении просмотра всей киноленты. «Когда мы прибыли в район цели к концу атаки, было очевидно, что город обречен», — вспоминает пилот «Ланкастера» 3-й группы, бомбардировщика, который отстал из-за повреждения, нанесенного снарядом зенитки над Хемницем. Согласно инструкциям, этот «Ланкастер» должен был прибыть к Дрездену за пять минут до окончания атаки, но опоздал более чем на 10 минут. Очевидно, что этот самолет был последним, пролетевшим над целью. «Было море огня, которое по моей оценке покрыло около 100 квадратных километров, — вспоминает пилот. — Жар, исходивший из горнила внизу, ощущался даже в моей кабине. Небо было ярко-алого с белым цвета, а в самолете свет был каким-то зловещим, как при закате солнца осенью. Нас охватил такой ужас от жуткого пламени, что, хотя мы были одни над городом, продолжали кружить в некотором отдалении в течение нескольких минут, прежде чем взять курс домой, пребывая во власти своего представления о кошмаре, творившемся внизу».

Другой пилот 3-й группы по пути домой был настолько впечатлен постоянным красным свечением в небе позади, что сверил местонахождение самолета со штурманом: они были на расстоянии более 240 километров от Дрездена. Вместо того чтобы померкнуть, зарево за горизонтом, казалось, становилось ярче. В своем дневнике пилот впоследствии отмечал: «Впервые Королевские ВВС бомбили город. Думаю, что это не должно повториться».

Даже министерство авиации было потрясено масштабом пожаров, которые они устроили в Дрездене. В официальном сообщении министерства отмечалось, что пожары были видны «за 300 километров от цели». Почти 650 тысяч зажигательных бомб, выбрасывавшихся как из отдельных кассет, так и сериями, было сброшено на город. Бомбовый груз составлял сотни 2000-килограммовых и 4000-килограммовых бомб. Сначала было объявлено, что ночные операции, в которых командование бомбардировочной авиации задействовало 1400 самолетов, стоили ему 16 самолетов. Таким образом, потери значительно превышали один процент от всех участников рейда.

Но к 20.20 следующего дня число потерь сократилось всего до шести «Ланкастеров»: десять совершили посадку на континенте, из-за того что им не хватило горючего. Самый успешный в истории ночной рейд командования бомбардировочной авиации, с самым глубоким проникновением на территорию Германии, был совершен с потерями менее чем полпроцента. В 6.49 утра в среду 14 февраля 1945 года официальное сообщение министерства авиации стало расходиться по телетайпам по всему англоговорящему миру:

> «МОЛНИЯ. ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ КОМАНДОВАНИЕ БОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИИ НАПРАВИЛО 140 САМОЛЕТОВ. ГЛАВНОЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛ ДРЕЗДЕН. КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. 06.50 ЧАС, 14.2.1945 г.».

Однако испытания Дрездена не закончились. Новое соединение американских бомбардировщиков уже поднималось в воздух. Главной целью 1350 «Летающих крепостей» и «Либерейторов» снова был Дрезден. Третья массированная атака в течение 14 часов шла полным ходом.

Глава 4
ТРОЙНОЙ УДАР В ЗАВЕРШЕНИЕ

В Москве новость о том, что Дрезден будет атакован британскими и американскими ВВС, была принята Генеральным штабом советской армии без комментариев. 12 февраля 1945 года начальник отдела по делам авиации американской военной миссии в Москве генерал-майор Эдмунд У. Хилл объявил Генеральному штабу, что 8-я британская воздушная армия атакует сортировочные станции в Дрездене утром 13 февраля. Но, как мы знаем, хотя американские экипажи получили инструкции на выполнение этой задачи, погодные условия заставили отменить операцию.

Судя по этой информации, писал автору один советский историк, союзники поставили в известность советское командование только о своем намерении бомбить сортировочные станции Дрездена. О массированных атаках по самим городским кварталам Генеральному штабу Красной армии не было сообщено.

Тем не менее, командование Красной армии, должно быть, прекрасно знало о том, что следовало за масштабными атаками сортировочных станций британских и американских бомбардировщиков, из того, что ей было известно об авиарейдах союзников на другие железнодорожные узлы. 13 февраля 1945 года генерал-майор Хилл опять объявил, что, если позволит погода, английские ВВС будут атаковать сортировочные станции в Дрездене и Хемнице на следующий день. 14 февраля с утра погода была благоприятной, и командованием американских ВВС был отдан приказ на атаку Дрездена — третий удар по городу за последние 14 часов. Почти одновременно должна была начаться атака расположенного в 60 километрах к юго-западу от него Хемница, чтобы подготовить почву для новой атаки бомбардировщиков Артура Харриса в ту же самую ночь. Хемницу была уготована участь, которая по первоначальному плану должна была постигнуть Дрезден в результате атаки американцев, предшествующей британскому двойному удару.

Даже до того, как возвращавшиеся «Ланкастеры» командования бомбардировочной авиации пересекли английскую береговую линию,

летный состав более 1350 «Летающих крепостей» и «Либерейторов», а также всех пятнадцати американских авиагрупп истребителей перед вылетом на операцию сидел за своим обычным завтраком, состоявшим из вареных яиц и кофе. Инструктаж начался в 4.40 утра 14 февраля, задолго до морозного рассвета над пригородом в Восточной Англии. 1-я дивизия должна была нанести третий удар по Дрездену силами 450 «Летающих крепостей». И снова самые тяжелые бомбардировщики с максимальной бомбовой нагрузкой были направлены на Дрезден, а все прочие посланы на выполнение второстепенных задач в Магдебург, Везель и Хемниц. Проблема, которая беспокоила главных штурманов, состояла в том, чтобы «Летающие крепости» не сбились с пути и не залетели за русские позиции. Для дрезденской операции они решили направить бомбардировщики к исходной точке на реке Эльбе. Бомбардировщикам предстояло проникнуть на территорию, занятую противником, через Эгмонд на голландском побережье и встретиться с группами P-51 «Мустангов» в точке к югу от Зойдерзе. Группы истребителей должны были сопровождать и эскортировать соединения бомбардировщиков, летящих плотными порядками по 36–40 самолетов в Квакенбрюк, к юго-западу от Бремена. Оттуда соединениям бомбардировщиков следовало направиться на юго-восток ровно на 200 миль по прямой линии через Хекстер до Пробстцелла. Формирования «Либерейторов», направлявшихся на Магдебург, должны будут двигаться тем же маршрутом и повернуть от пункта неподалеку от Хекстера по курсу, который может привести их как в Магдебург, так и в Берлин. 450 «Летающих крепостей» 1-й дивизии, выделенных для атак в Дрездене, в сопровождении более 300 самолетов 3-й дивизии, атакуют Хемниц, затем повернут на северо-восток к своим целям. Хемниц был более чем в 110 милях от позиций русских, и опасность навигационной ошибки не была настолько велика. В случае с Дрезденом флагманские навигаторы в бомбардировочной группе получили инструкции взять курс на Торгау, что в 50 километрах к северу от Дрездена на реке Эльбе. От Торгау им нужно было лететь на юг до первого крупного города, с протекающей через него рекой; это и будет Дрезден. Они должны были атаковать железнодорожную станцию в районе Нойштадта (Нового города). Похоже, экипажи не проинструктировали обратить внимание на клубы дыма над городом. Немцы были так привержены сооружению ложных целей, что

флагманские бомбардиры бомбардировочной группы были предупреждены о том, чтобы полагаться только на штурманов своих экипажей и не принимать во внимание внешний вид целей под ними. Инструктаж для экипажей оказался необычным только в одном отношении: противовоздушная оборона в Дрездене, по сообщениям, была «то ли незначительной, то ли сильной, то ли неизвестно какой».

Позывным для бомбардировщиков выбрали слово «Уксус». Если бы погода на континенте ухудшилась до сильной облачности, ключевым словом для отмены дрезденской операции стало бы слово «Гвоздика». Для отрядов эскортных истребителей опознавательными позывными были различные названия, такие как: «Колгейт», «Мартини», «Свипстейкс», «Рипсо» и «Розели».

Интересно отметить, что, хотя именно в том, чтобы разрушить город и сделать невозможным для немцев обращаться к нему как к административному центру, состояла цель этого тройного удара по столице Саксонии, бомбардиры были предупреждены, что атакуют «железнодорожные сооружения». Командующий 8-й воздушной армией генерал Карл Ф. Спаац до последнего упрямо противился всем предложениям попытаться терроризировать немцев, чтобы склонить их к капитуляции. 1 января 1945 года генерал Икер предложил ему не посылать тяжелые бомбардировщики на атаку транспортных объектов в мелких германских городах. Он говорил, что в этом случае будет много жертв среди гражданского населения и немцы уверятся в том, что американцы — варвары. «Нам ни в коем случае не следует допустить, чтобы в истории этой войны мы остались виновными в том, что применяли стратегические бомбардировщики против людей на городских улицах», — говорил он. Тем не менее, если таковы были настроения начала января 1945 года, первая неделя февраля показала, каковы могли быть результаты любой массированной атаки «вслепую», особенно в отношении небольшой цели в центре жилого квартала. Атака «железнодорожных и административных объектов» 3 февраля в Берлине, которая привела к гибели 25 тысяч гражданского населения города за один только вечер, должна, несомненно, стать предупредительным сигналом для американских ВВС о том, к какому результату ведут такие атаки «вслепую». Однако командовавший американскими ВВС генерал Арнольд выздоравливал после болезни, и рейд на Дрезден 8-й воздушной армии последовал до того, как были

осознаны последствия драматической атаки Берлина (экипажам Б-17, атаковавшим столицу рейха, внушали, что 6-я танковая армия следовала через город на русский фронт). Предварительная оценка района цели для соединений «Летающих крепостей» над Дрезденом была проведена к полудню. Но поскольку самолеты летели плотными боевыми порядками в визуальном контакте друг с другом, от каждого из штурманов не требовалась такая же точность, какая была необходима для ночных бомбардировщиков, старающихся держаться в потоке движения по заданному маршруту 8 километров шириной. Они понимали, что если будут держаться вне общего потока, то останутся без защиты системы «окно» и окажутся более уязвимы для ночных истребителей.

Экипажи «Летающих крепостей» были в самолетах к 6.30 утра и вздохнули с облегчением, когда узнали, что запуск двигателей, намеченный на 6.40 утра, отложен на час. Очевидно, все еще была некоторая неопределенность с прогнозом погоды над континентом. «Ланкастеры» возвращались, пролетая над побережьем Восточной Англии, и американские летчики, должно быть, видели их пролетавшими высоко в небе, пока ожидали у своих самолетов сигнала к взлету. Наконец, в 8.00 утра загорелись сигнальные ракеты «Вери»; «крепости» прокатились по взлетно-посадочной полосе и взяли курс на лучи системы наведения, следуя которым им предстояло встретиться с другими эскадрильями, другими бомбардировочными группами и, наконец, присоединиться к 1-й дивизии, следовавшей к голландскому побережью. Соединения сопровождали «Спитфайеры» вплоть до пункта вне побережья. Над озером Зойдерзе группы истребителей «Мустанг» в назначенное время поджидали бомбардировщики, и все силы двинулись через Германию. По пути в Дрезден некоторые группы бомбардировщиков разошлись; облачные слои располагались не только над ними, но и под ними: было маловероятно, что условия позволят произвести визуальное бомбометание по цели. У Касселя боевые порядки бомбардировщиков были встречены мощной огневой завесой зениток, но немногие самолеты стали жертвами попадания.

20-я группа истребителей сопровождала первые две бомбардировочные группы 1-й воздушной дивизии до Дрездена; прочие обязанности сопровождения взяли на себя 364, 365 и 479-я

группы истребителей. Этого достаточно для того, чтобы в данном повествовании обрисовать роль 20-й группы истребителей в операции. Для данной миссии, 260-й по счету в истории операций группы, она была разбита на подгруппы, обозначенные как «А» и «Б». Истребители обеих подгрупп «А» и «Б» — общим числом 72 Р-51 — должны были встретиться с бомбардировочными группами у Зойдерзе вскоре после 10.45 утра. Истребителям подгруппы «Б» нельзя было удаляться от строя бомбардировщиков, но они должны были предотвращать любые попытки дневных истребителей люфтваффе разорвать соединения. Пилоты подгруппы «А» получили указания вскоре после того, как будет окончена атака Дрездена бомбардировщиками, спикировать до высоты крыш и атаковать то, что относилось к «неплановым целям». Колонны солдат, следовавших маршем в разгромленный город или из него, должны быть расстреляны из пулеметов, грузовики, паровозы и другие транспортные цели уничтожены ракетами. Обе группы самолетов Р-51 покинут соединения бомбардировщиков в 2.25 ночи, в пункте неподалеку от Франкфурта, где обязанности эскорта возьмут на себя самолеты Р-47.

Группы бомбардировщиков успешно достигли исходного пункта маршрута полета в Торгау и последовали вдоль реки к Дрездену. Первые бомбы начали падать на город, все еще охваченный яростным огнем от предыдущей ночной атаки в 00.12 ночи. В течение 11 минут серии бомб со свистом летели вниз сквозь почти полностью закрытую облаками северную часть города.

> «Облака поднялись высоко, они были недалеко от нас, — докладывал один из бомбардиров, — но сплошная облачность прерывалась, и над Дрезденом было примерно девять десятых облачности. Над целью по нас не стреляли зенитки. Бомбы сброшены в 00.22…»

Одновременно с окончанием американской атаки в 00.23 ночи 37 самолетов Р-51 и 20 истребителей подгруппы «А» пролетели низко над городом вместе с тремя другими истребителями групп, действовавших над Дрезденом. Большинство пилотов, судя по сообщениям очевидцев, полагали, что самые безопасные заходы на атаку можно было делать вдоль берегов Эльбы. Другие атаковали транспорт на ведущих из

города дорогах, переполненных колоннами людей. Один P-51 подгруппы «А» 55-й эскадрильи истребителей летел так низко, что врезался в автомашину и взорвался. Однако другие пилоты истребителей были разочарованы отсутствием возможности для атаки, особенно экипажи самолетов подгруппы «Б». Но опять же ни один из них не сожалел об отсутствии в районе цели ужасных немецких реактивных истребителей Ме-262. Только три Ме-262, по сообщениям, во время дрезденской операции пролетали над соединением бомбардировщиков в районе Страсбурга, не открывая огня; один из реактивных самолетов, как утверждали, был поврежден.

Довольно любопытно, что, хотя истребители подгруппы «А» получили инструкции атаковать неплановые цели, переполненное истребителями летное поле в Дрезден-Клоцше по-прежнему не было атаковано. Летный персонал люфтваффе был эвакуирован с аэродрома (V./NJG5 была эскадрильей ночных истребителей, ее летчики не были задействованы в дневных операциях). С летного поля к северу от Дрездена летчики наблюдали американскую атаку города. И опять все были уверены, что истребители атакуют ракетами летное поле и нанесут огромный урон истребителям и транспортным самолетам.

Однако по крайней мере для одной бомбардировочной группы операция в Дрездене пошла наперекос. 389-я бомбардировочная группа заблудилась в плотной облачности на предназначенной для них высоте, и, когда B-17 показался над слоями облаков, ведущий штурман был не слишком доволен позицией соединения. Им следовало выйти на Торгау и направляться на юго-восток до первого крупного города с рекой (ведущие штурманы «Летающей крепости» полагались в своей аэронавигации на радар APS.15). Достаточно любопытно, что головная эскадрилья соединения была атакована немецкими истребителями; некоторых летчиков чрезвычайно поразило, что немецкие истребители спокойно атаковали соединение бомбардировщиков с таким сильным эскортом. На самом деле эскорт уже давно «испарился». Соединение было выстроено «змейкой», чтобы скорректировать время и вовремя появиться над целью. Аэронавигация по счислению пути ведущим штурманом, очевидно, была не настолько хорошей, какой ей следовало быть. Ведущий штурман соединения вышел на Торгау, «идентифицировал» его и взял курс, который должен был привести бомбардировщики в Дрезден.

Прошло некоторое время, прежде чем штурман одной из «крепостей» «Вонючка-младший», участвующий в воздушных операциях ведомый лидера группы, радировал командиру группы и предположил, что, фактически, они вышли на Фрейбург вместо Торгау. Его оборвали и напомнили о правиле соблюдения радиомолчания над Германией. Время от времени бомбардиры докладывали, что видят внизу реку. Оператор радара APS.15 начал считывать углы прицеливания на своем экране между самолетом и городом впереди (один бомбардир будет действовать в качестве лидера; другие бомбардиры будут нажимать на кнопки бомбосбрасывателя, когда увидят, что бомбы из первого самолета вылетают из бомболюков). Были считаны шесть углов прицеливания и настроены на указатель угла прицеливания на бомбовом прицеле «Норден» бомбардира-лидера. И в самом деле, через город впереди, извиваясь змейкой, протекала река. Бомбардиру не были видны детали города, что могло быть основанием для визуального способа действия, и была проведена атака с использованием радара. Когда они опять уходили, штурман Вонючка-младший вновь нарушил радиомолчание, настаивая на том, что они на самом деле бомбили не Дрезден. Ведущий штурман опросил остальных штурманов, и их мнения также не совпали с его точкой зрения. На самом деле 40 бомбардировщиков 398-й бомбардировочной группы произвели массированную атаку Праги. Это было тяжелым ударом для пилота Вонючки-младшего, гражданина Чехии, который родился и вырос в этом городе и бежал в Америку, когда национал-социалисты оккупировали его страну. Но большинство других пилотов B-17 обнаружили Дрезден, и 316 из них «совершили успешные налеты на сортировочные станции». Такая численность B-17 приводится в «отчетном докладе по целям 8-й воздушной армии» в сборнике «Военно-воздушные силы во Второй мировой войне».

Многие из «Летающих крепостей» столкнулись с серьезной проблемой нехватки топлива на обратном пути в Англию. Многие сели на аэродромах в Бельгии и Франции; у некоторых из пилотов истребителей, садившихся в Англии, кончилось топливо, прежде чем они успевали вырулить свои P-51 на место стоянки самолетов.

После всех этих событий ошеломленное германское Верховное командование дало следующую критическую оценку в своем секретном докладе по ситуации: «Впервые дневная атака была произведена всеми наличными американскими тяжелыми бомбардировщиками в западной части Дрездена. Огненные смерчи были вызваны этой атакой и теми, что были совершены предыдущей ночью. Выведен из строя Центральный вокзал. В настоящее время 500 тысяч бездомных в городе, насчитывающем 650 тысяч жителей, — число которых неимоверно возросло из-за беженцев. Лишь 146 наших дневных истребителей [были подняты в воздух] имеется в системе противовоздушной обороны Дрездена. Они были атакованы и сбиты 700 американскими истребителями. Нами сбито два бомбардировщика, но 20 наших собственных истребителей пропали без вести». Но

благоприятная погода, сделавшая возможными ночные атаки, организованные командованием бомбардировочной авиации, уже резко ухудшилась.

Единственным частичным успехом атаки Хемница можно было назвать создание модели для проведения других атак населенных городов восточной части Германии. Суждение о том, что эта серия ударов могла привести к немедленной капитуляции немцев, пожалуй, лучше всего выражено в показаниях экс-рейхсминистра Альберта Шпеера, бывшего министра вооружений. В ходе его допроса в июле 1945 года он отмечал: «В каждом случае, когда Королевские ВВС резко повышали интенсивность своих атак, как, например, в случае… с атаками Дрездена, они вселяли ужас не только в население атакованного города, но и устрашали весь остальной рейх, пусть даже на какое-то время».

От атаки Дрездена и в самом деле было получено все, что только можно было пожелать: более шести сотен гектаров города было разрушено за одну ночь, по сравнению со всего двумястами сорока гектарами территории, разрушенной в Лондоне за всю войну. Экипажи бомбардировщиков, возвращавшиеся на своих «Летающих крепостях» после 8 с половиной часов полета, докладывали, что «огромные пожары все еще полыхали в городе после атаки прошлой ночью самолетами командования бомбардировочной авиации Королевских ВВС, и дым повис над всем городом». Уставшие экипажи бомбардировщиков, которые повалились в кровати только после 9 утра, были подняты до 15.00, и им сообщили о предстоящей ночью операции. Когда они шли через базу в комнаты инструктажа, они видели ряды цистерн, из которых «Ланкастеры» вновь заправлялись топливом, и по бомбовому грузу, поднятому в бомбовые держатели, могли судить, что опять предстоит долгий путь.

На этот раз попытки скрыть истинный характер города-мишени не были столь активными. Любопытно, что, хотя в городе Хемниц было много явно военных и стратегически важных целей — танковые заводы, большие текстильные фабрики, выпускавшие военную форму, и одно из крупнейших в рейхе паровозных депо — по крайней мере в двух эскадрильях двух бомбардировочных групп инструктаж офицеры разведки проводили почти в одних и тех же выражениях: «Сегодня ночью вашей целью будет Хемниц. Мы направляемся туда, чтобы

атаковать беженцев, которые скопились в паровозных депо, особенно после атаки Дрездена».

Группа № 3 была проинструктирована следующим образом: «Хемниц — город, расположенный в 50 километрах от Дрездена, и гораздо меньшая цель. Причина, по которой вы направляетесь туда сегодня ночью, состоит в том, чтобы покончить с беженцами, которые могли попасть туда из Дрездена. Вы возьмете с собой такой же бомбовый груз, и, если атака этой ночью будет столь же успешной, что и последняя, вам уже больше нечего будет делать на русском фронте».

Выдержка приведена из дневника, который вел штурман-бомбардир, присутствовавший на одном из инструктажей группы № 3. И снова сэр Артур Харрис разделил атакующее соединение на две волны; но на этот раз, поскольку операторы наведения немецких истребителей в Деберице, вероятно, были бы в курсе значимости этой массированной атаки восточных городов, Харрис подготовил гораздо более сложную стратегию уловок и ложных атак, чтобы увести ночные истребители. Соединение «Ланкастеров» должно было атаковать германское нефтеочистительное предприятие акционерного общества в Розице, неподалеку от Лейпцига. Эта атака должна была быть выполнена 244 «Ланкастерами» 5-й группы. В первой волне атаки Хемница 329 тяжелых бомбардировщиков, включая 120 «Галифаксов» и «Ланкастеров» из группы № 3, должны были поджечь город. Отвлекающие внимание маневры должно было проводить соединение минных постановщиков на Балтике, в то время как формирование легких ночных бомбардировщиков, выделенных вице-маршалом авиации Беннетом, атаковало Берлин. Тем не менее при всей сложности стратегии этой атаки Хемница и при всей ее масштабности атака не удалась.

Прогноз погоды метеорологической службы командования бомбардировочной авиации предвещал, что Хемниц не будет закрыт облаками, но позднее были даны поправки, указывавшие на риск появления негустых, рваных высококучевых или высокослоистых облаков или тех и других, а также редких высокослоистых облаков на низкой высоте. В отличие от очень точного прогноза, который был дан для атаки Дрездена за ночь до этого, этот прогноз оказался в значительной степени ошибочным.

Один австралийский пилот «Ланкастера» докладывал, что, когда он находился в 190 километрах от Хемница, небо над городом начинало все более и более заволакивать облаками. Небо на десять десятых затянуло облаками, поднявшимися до 4500 метров, что не позволяло произвести визуальное распознавание цели. Город был полностью закрыт облаками, когда прибыло первое соединение, и «следопыты» были вынуждены целиком полагаться на световое обозначение точек прицеливания над облаками. Огни потерялись в облаках почти сразу, как только были сброшены осветительные бомбы. Канадский пилот головного бомбардировщика во время второго бомбового удара был заметно обеспокоен тем, куда направлять бомбардировщики. Он неоднократно связывался по радиотелефону и просил больше огней, но результата не последовало. Он казался нерешительным, в отличие от своего коллеги минувшей ночью, и испытывал затруднение в определении цели. К тому же формированиям бомбардировщиков докучали немецкие ночные истребители, которых, похоже, не обманули отвлекающие маневры: огни истребителей появлялись все время от границы до цели и на обратном пути. Но трудности, которые приходилось преодолевать пилотам немецких ночных истребителей — работа их оборудования парализовывалась группой № 100, — наглядно представлены в отрывке из дневника летчика: «14 февраля 1945 года: как и ожидалось, в этот вечер поднялись в воздух по тревоге. На этот раз экипажи бомбардировщиков также подняты в воздух, и в удачное время. Цель: Хемниц, крупный авианалет. Наши операции проходили под несчастливой звездой с самого начала. Система распознавания в самолете вышла из строя, не был засечен ни один радиомаяк, заглох УКВ-приемник FuG.16, улавливающий радары зениток, имитаторы „окно“ и РЛС определения координат. Радиосвязь с Прагой неожиданно пропала, так что пришлось лететь на юго-запад. Не мог найти посадочную площадку, выпустил ракеты чрезвычайного опознавательного сигнала как последнюю, слабую надежду: аэродром технического обслуживания и текущего ремонта в [Виндиш-] Лайбах. Тем не менее, посадка прошла гладко. Еще 15 минут, и нам пришлось бы прыгать».

Попытки люфтваффе предотвратить прорыв сэра Артура Харриса в сердце Германии не могут быть отражены лучше, чем в заметках

этого молодого пилота истребителя, отчаянно пытавшегося противостоять технически значительно превосходящим военно-воздушным силам. Результаты огненного смерча, начавшегося в Дрездене, были очевидными для летного экипажа 5-й группы соединения, атаковавшего Розиц. Когда они пролетели 80 километров от Дрездена, пожары все еще полыхали (Дрезден горел, как отмечал в своем дневнике изо дня в день один из британских военнопленных в городе, семь дней и восемь ночей). 730 тысяч зажигательных бомб было сброшено на Хемниц; но рейд оказался провальным, по сравнению с дрезденским. Все исторические оценки атаки сходятся в том, что город не был сильно поврежден ни дневной атакой американских «Летающих крепостей», ни британским двойным ударом. В хронике канадской бомбардировочной группы отмечается: «Не было концентрированного сбрасывания светящих маркировочных бомб, а многочисленные огни, высвечивавшие облака, были разбросаны по большому пространству». Система железных дорог Хемница почти не пострадала; но нельзя не признать, что система железных дорог по всему Дрездену оказалась полностью разрушенной; фактически, как мы увидим, немецкий генерал, ответственный за срочное восстановление железных дорог в подвергшихся налетам городах, смог открыть двухстороннее сообщение через весь город в течение трех дней. Однако в Хемнице повреждения железных дорог были даже меньшими. Сообщалось о нескольких инцидентах в городе, но ни в одной части города не было ничего похожего на огненный смерч.

И опять это ясно показывает, как случайные методы слепого бомбометания через сплошную облачность или по небесным маркировщикам не привели к масштабам разрушения, достигнутым методом атаки сектора группой № 5. Наверное, если бы сэру Артуру Харрису требовалось, чтобы группа № 5 начала также и атаку Хемница, то в конце концов можно было бы доказать, что игра стоила свеч в случае с двойной атакой Дрездена — огненный смерч мог стать настолько сильным, чтобы обеспечить экипажам — участникам второй атаки — достаточно яркое освещение для наведения самолетов на цели. Однако в записи нет объяснения того, почему он поручил задание 8-й группе «следопытов», если только не будет позволено предположить, что это отчасти было результатом желания угодить

командиру «следопытов», который, естественно, был счастлив, что его соединение удостоилось чести выступать лидером массированных атак, и отчасти следствием уверенности Харриса на этом этапе войны, когда румынские и другие восточные нефтяные разработки были, наконец, захвачены и атаки транспортных средств создавали пробки в сети железнодорожного транспорта немцев, в том, что атака нефтеперерабатывающего завода в Розице стоила пристального внимания 5-й группы, в то время как атака Хемница — нет. Последнее стало мотивом, который определенно побудил американское бомбардировочное командование вернуться после Хемница к немедленному возобновлению атак нефтяных объектов, как мы увидим в дальнейшем.

Бывший германский министр вооружений, обсуждая атаки Гамбурга в 1943 году, выполненные на том этапе, когда моральный дух немцев, очевидно, был как никогда высок, признал в июле 1945 года в ходе допроса: «Я… доложил фюреру, что продолжение этих атак может быстро привести к концу войны».

В битве за Гамбург, длившейся более недели, были убиты 48 тысяч гражданских лиц города-порта, которые погибли большей частью в огненном смерче ночью 27 июля 1943 года. Но британский двойной удар по Дрездену и в меньшей степени дневные атаки американцев стоили жизни 135 тысяч горожан. Впервые в истории войны авиарейд настолько опустошительно сокрушил цель, что среди выживших горожан почти не осталось достаточно физически крепких людей, чтобы похоронить умерших. Однако попытка повторить эту катастрофу в Хемнице потерпела фиаско, и не целиком из-за неблагоприятной погоды; возможность подорвать моральный дух германских граждан двумя дрезденами в течение 48 часов была потеряна или упущена. Если бы обе атаки успешно достигли своей цели, если бы они и в самом деле заставили немцев сразу пойти на капитуляцию, то, вероятно, не было бы протестов. Если бы результатом стала немедленная сдача противника, как в более поздних случаях с Хиросимой и Нагасаки, где впервые в военных целях были использованы два атомных устройства, а число жертв в каждом случае оказалось значительно меньшим, чем в Дрездене, то было бы не так много взаимных обвинений.

Часть четвертая
ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава 1
СРЕДА НА ПЕРВОЙ НЕДЕЛЕ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Когда рассвет первой недели Великого поста, 14 февраля, забрезжил над Центральной Германией, с северо-запада все еще дул сильный ветер. В Дрездене наступление рассвета едва ли было замечено: над городом все еще висел столб желто-коричневого дыма и стояла гарь — характерные последствия огненного смерча. Наверное, этот отличный от других цвет облака дыма от огненного смерча вобрал в себя частицы обугливших и съежившихся фрагментов зданий, деревьев и обломков несчастного города. Они были захвачены искусственным торнадо и, подхваченные воздушными потоками, все еще парили в небе.

Дымные массы потянулись вдоль реки Эльбы в направлении Чехословакии, и люди в больших и малых городах, над которыми они проплывали, должно быть, сомневались, что они образовались в результате не обычного авианалета. Они, наверное, решили, что облако дыма, проплывавшее над сельской местностью, фактически, последний смертельный вздох города, который 12 часов назад был пристанищем миллиона людей с их имуществом. По мере того как дымное облако относило все дальше от горевшего города, воздух охлаждался, и сырые облака, отяжелевшие от пыли и дыма, начали разрываться; дожди пошли на всем протяжении долины Эльбы. Не только вода падала с неба: на сельскую местность с подветренной стороны Дрездена пролился дождь мокрого черного пепла. Британские военнопленные, работавшие на сортировке огромной груды посылок в лагере Stalag IVB в 40 километрах к юго-востоку от Дрездена, заметили, что облако дыма оставалось три дня, а частички тлеющей материи и обуглившейся бумаги в течение многих дней после этого все еще висели в воздухе над лагерем и плавно опускались на землю. Один домовладелец в Мокетале, что в 5 километрах от Дрездена, обнаружил, что его сад усеян аптечными рецептами и коробками из-под таблеток. Судя по этикеткам, они попали сюда из самого центра старой части Дрездена. Бумаги и документы из обгоревшей конторы регистрации

земель в центре города дождем просыпались в деревне Ломен, неподалеку от Пирны, в 30 километрах от города. Школьникам понадобилось несколько дней для того, чтобы очистить от них окрестности.

Так проявил себя последний и самый ужасный огненный смерч в истории бомбардировок германских городов Королевскими ВВС. Одна только огненная буря, появление которой было отмечено через 45 минут после времени «Ч» в первой атаке и которая убывала постепенно, привела к гибели тысяч слабых и старых людей, которые в ином случае могли бы выбраться из окружавшего их огненного кольца.

Битва за Гамбург в июле 1943 года вызвала первый на германской земле огненный смерч: 20 квадратных километров города сгорели в едином костре. Этот феномен был настолько ужасен, что начальник полиции распорядился провести научное расследование причин огненного смерча с тем, чтобы можно было предостеречь другие города:

> «Оценить силу этого огненного смерча можно, только трезво проанализировав метеорологический феномен: в результате резкого слияния нескольких очагов пожаров воздух наверху раскалился до такой степени, что возник бурный восходящий поток, который, в свою очередь, привел к тому, что окружающий свежий воздух затягивался со всех сторон в центр области огня. Чудовищное засасывание вызвало движение воздуха, гораздо более сильное, чем при обычном ветре.
>
> В метеорологии разница температур, возникающая при этом, составляет примерно от 20 до 30 градусов Цельсия. В этом огненном смерче она была не менее 800 или даже 1000 градусов Цельсия. Это объясняло колоссальную силу ветров огненного смерча».

Мрачный прогноз начальника полиции состоял в том, что никакие предупреждения по радиопередатчику противовоздушного оповещения не в состоянии помочь избежать последствий огненного смерча, если он уже зародился. Огненный смерч был явно

чудовищным творением человеческих рук, но его не мог укротить ни один человек.

В Дрездене образовавшийся огненный смерч, судя по обследованию более 75 процентов территории разрушений, поглотил 20 квадратных километров; городские власти теперь определяют этот район в 28 квадратных километров.

Тем не менее, огненный смерч был, несомненно, самым разрушительным из всех, когда-либо случавшихся в Германии. Все его признаки, наблюдавшиеся в Гамбурге, в многократно большем масштабе проявились и в Дрездене. Гигантские деревья были вырваны с корнем или наполовину сломлены. Толпы спасавшихся бегством людей были неожиданно подхвачены торнадо, их протащило по улицам и швырнуло прямо в огонь; сорванные крыши и мебель, грудами валявшиеся на улицах после первого налета, были выброшены в центр полыхающей старой части города.

Огненный смерч достиг пика в трехчасовом промежутке между налетами, именно в тот период, когда укрывшимся в погребах и подземных коридорах жителям центра города следовало бежать на его окраины.

Железнодорожник, укрывавшийся возле Почтовой площади, наблюдал, как женщину с детской коляской потащило по улицам и швырнуло в пламя. Другие люди, спасавшиеся бегством вдоль железнодорожной насыпи, которая казалась единственным путем спасения, не заваленным обломками, рассказывали, как железнодорожные вагоны на открытых участках пути сдуло бурей. Даже открытые пространства больших площадей и парков не стали защитой от чудовищного урагана.

Как только возник огненный смерч, пожарные бригады уже не могли ничего поделать, чтобы сдержать его или взять под контроль. Во время всех крупных налетов на Германию, сопровождавшихся огненной бурей, быстрое и беспрепятственное разрастание пожара происходило при предварительном выведении из строя телефонной связи между пунктами радиооповещения о воздушных налетах и дополнительными пожарными подразделениями извне. В Германии, как и в Англии, пожарные бригады были реорганизованы во время войны в государственные военизированные формирования, одна из характерных особенностей которых состояла в том, что они оставались

постоянным мобильным резервом из пожарных полков, размещенных за пределами опасных зон.

Большинство крупных городов на этом этапе войны были оборудованы обходной телефонной связью и радиосвязью между важными пунктами управления. Но она всегда оказывалась ненадежной, когда доходило до практического применения, и администрации радиооповещения о воздушных налетах приходилось обращаться к обычной сети почтово-телефонной службы. Поэтому многое зависело от того, как долго действует эта система, прежде чем в конце концов заглохнет. В битве за Гамбург телефонная связь быстро прервалась в ночь первого налета, и, когда через три ночи последовал огненный смерч, эта служба не была полностью восстановлена. К этому можно добавить, что сгорело полицейское управление, с пунктом радиооповещения о воздушных налетах, что на какое-то время серьезно затруднило принятие противопожарных мер. В Касселе телефонное сообщение было нарушено через 20 минут после начала атаки, а курьерская служба на мотоциклах оказалась несостоятельной в данной чрезвычайной ситуации. По этой причине пожарные команды, прибывавшие в Кассель из близлежащих городов, ждали несколько часов, не получая никакого конкретного приказа действовать.

В Дрездене почти немедленное выведение из строя телефонной связи стало роковым для города. Дрезден, с его местной пожарной командой в менее чем тысячу человек и с немногочисленными средствами пожаротушения в непосредственном распоряжении города, зависел от оперативно предоставляемой помощи извне. Но вскоре после того, как первые бомбы упали на Дрезден, нарушилось электроснабжение, необходимое для работы телефонной связи. В довершение всего установка аварийной подачи электроэнергии в здании была разбита обрушившейся стеной и уже не подлежала восстановлению.

Как главная силовая электроподстанция, так и все административные здания находились в секторе, обозначенном как объекты атаки. Из поста оповещения донесения должны были передаваться в штаб управления военно-воздушного округа IV на Веверштрассе, а из управления — прямо в ставку фюрера в Берлине, что стало невозможным. Не было никакого способа ни информировать

Берлин об авианалетах, ни направлять доклады из постов наблюдения в Саксонии в штаб дивизионного командования истребительной авиацией в Деберице неподалеку от Берлина. Только из городов вблизи Дрездена пожарные подкрепления прибыли сразу же после первых налетов; зарево на горизонте говорило само за себя. К 1.00 ночи местные пожарные команды прибывали в Дрезден со всей Саксонии, пробиваясь через городские окраины. Не было возможности даже электрическими сиренами оповещать о втором налете.

«Пожарные подразделения и пассивные средства защиты города, — сухо сообщали командиры авиации союзников, — были совершенно задавлены двойным ударом».

Нет точной статистики относительно того, как действовали все пожарные команды в городе. Один пример может дать представление о судьбе большинства из них: пожарная команда, направленная в Дрезден из Бад-Шандау, в 16 километрах от Дрездена, прибыла вскоре после 1.00 ночи. Из этой пожарной команды не выжил никто. Все были погребены при втором авианалете.

В 1.05 ночи оператор службы оповещения противовоздушной обороны города Георг Фейдт докладывал в пункт управления в бетонном бункере в несколько этажей под зданием Альбертинума напротив теперь сгоревшего управления полиции. Бункер был забит партийными функционерами и офицерами службы противовоздушной обороны. Он был небольшим, всего 2 на 3 метра. Тут же находился и гаулейтер Мучманн. Они все еще пытались воссоздать картину разрушений, определить эпицентр огненного смерча, но выход из строя телеграфной связи не давал возможности обратиться с просьбой о немедленной помощи. Не было связи и с пожарными, и с местными пунктами управления мероприятиями по противовоздушной обороне.

В течение нескольких минут с начала второго налета Альбертинум находился в окружении горевших зданий, и возникла опасность обрушения и самого этого строения из песчаника. Гаулейтер со своим штабом, чтобы спастись, совершил бросок через горящие улицы с обрушивающимися зданиями на открытые пространства снаружи. В ту самую ночь, согласно официальному отчету, все были вызваны на дежурство в центр чрезвычайных ситуаций, сооруженный в Локвицгрунд — деревне в 8 километрах к юго-востоку от Дрездена,

где нацисты подготовили запасной штаб округа как раз для такой чрезвычайной ситуации, как эта.

Так же как и повсюду в Германии, городская система мер местной противовоздушной обороны находилась в составе структуры национал-социалистической партии с начальником полиции города, являвшимся по должности ее руководителем. Каждый принимал определенное участие в деятельности не только гитлерюгенда, но и организации «Дойчес юнгфольк» («немецкая молодежь»).

> «В феврале 1945 года мне было пятнадцать лет, и в течение всего периода войны в мои обязанности входило быть курьером, сообщавшим об авианалетах, — записал один член „Дойчес юнгфольк“. — 13 февраля был день нашего великого праздника — вторник на Масленой неделе, — и я провел вечер в цирке Сарассани, постоянно размещавшемся в одном из зданий в Новом городе Дрездена. Во время последнего номера программы, веселого представления с обезьянами, разъезжавшими на велосипедах под руководством клоунов, из громкоговорителей прозвучал сигнал тревоги. Публике под шутки клоунов велели пробираться в подвальные помещения здания цирка. Поскольку у меня было удостоверение курьера, мне разрешили покинуть здание. В то время я был сильно поражен огнями.[2] Новый город Дрездена оставался совсем не затронутым первым налетом, так что я сразу же побежал домой. Там нечего было делать, так что, согласно указаниям, я приступил к обязанностям в качестве курьера в местном отделении „ханса“ партийной организации на Гроссенхайнерштрассе. Местный группенлейтер в форме штурмового отряда („коричневой рубашке“) вручил мне и другим молодым людям донесения о нанесенных повреждениях, чтобы мы передали их в центр гражданской обороны в центральной, старой части города. Нам выдали синие стальные каски, противогазы и велосипеды, и мы отправились».

Церковь, замок-резиденция и Оперный театр уже вовсю горели, а на мостах через Эльбу повсюду валялись погасшие или еще горящие зажигательные бомбы. Улицы были заполнены водой из прорванных водопроводов. Храбрые, но едва ли достаточно оснащенные курьеры службы местной ПВО успели пробиться лишь к Почтовой площади, когда начался второй налет. Они сумели только проводить беженцев в подвальные помещения больницы вблизи Почтовой площади. Послания были еще при них, но они никогда не будут доставлены.

Так что служба местной ПВО в центре города оставалась в полном неведении об очагах пожаров и их разрастании, поскольку телеграфная, телефонная, радио- и, наконец, курьерская линии связи оборвались одна за другой.

В послевоенные годы родилась легенда вокруг этого несчастного города, чему способствовали оккупационные власти, о том, что Дрезден был не только не защищен зенитками и истребительной авиацией, но что не было принято никаких мер по местной противовоздушной обороне.

В известной степени так оно и было: не посчитали необходимым строить огромные общие бомбоубежища из бетона и стали такого типа, которые спасли жизни сотен тысяч людей в других испытавших огненный смерч городах. В Гамбурге даже больницы были оборудованы специальными бомбоубежищами — к 1 июня 1943 года там имелось четыре действующих кинотеатра и три родильных дома, устроенные в бомбоубежищах. В Дрездене ни в одной из крупнейших больниц Фридрихштадта и Йоханштадта не было таких укрытий. Никто не позаботился о том, чтобы создать альтернативные источники воды или силовые установки для насосных станций на случай крупной аварии водопровода или нарушения работы электроподстанций. Но ведь никто не ожидал, что Дрезден будут бомбить. Когда в конце 1944 года было объявлено, что в рамках «расширенной программы фюрера» несколько тысяч рейхсмарок должны быть потрачены на меры ПВО, городское население лишь беспечно посмеялось. Конечно, с начала войны и в ходе ее полиция противовоздушной обороны работала в две смены на сооружении сети подземных аварийных туннелей, больших стационарных емкостей для воды на площади Альтмаркт, Зайдницерплац и Зидонинштрассе, и даже начали строить подземные резервуары для воды. «Даже не грузовики, а поезда были

задействованы в плане этих работ», — подчеркивает инженер системы ПВО того времени; планы были разработаны старшими архитекторами городского архитектурного института.

Нет сомнения в том, что жители Дрездена были лучше защищены от авианалетов, чем население многих сопоставимых с ним британских городов, которые считали себя в безопасности в своих бомбоубежищах Моррисона или Андерсона, конструкция которых во время огненного смерча была бы превосходной смертельной ловушкой.

Позднее, когда Дрезден был заполнен беженцами с востока и запада и когда иногда стал доноситься грохот орудий на Восточном фронте, власти города лихорадочно приняли дальнейшие ограниченные меры защиты для своего населения. Школьников мобилизовали на работу по рытью траншей в Бисмарке и на Винерплац (с каждой стороны Центрального вокзала), Барбароссаплац и в большинстве парков и скверов в городе. Была создана система проходов в стенах между подвалами соседних домов. В чрезвычайных ситуациях, если дома загорались во время локальных авианалетов, жители могли пробраться в соседний подвал и спастись через него. Таким образом, при необходимости люди могли проламывать стены одну за другой до тех пор, пока не добирались до дома, из которого они могли выбраться.

Эти меры годились для небольших атак, которые пережили другие города и даже Дрезден до февраля 1945 года. Однако никто не мог предвидеть, что море огня и пожарища поглотят столицу Саксонии. В подвалах и цокольных этажах викторианских домов к началу атаки укрылись 80–90 человек, а люди с улиц все прибывали и прибывали, спускаясь по ступенькам. Когда миновала первая атака, началась суматоха бегства. Снова и снова складывалась преимущественно одна и та же ситуация: беженцы с восточных болот, которые раньше никогда не слышали завывания сирены или взрывов бомб, теперь оказались в ловушке в самом центре величайшего пожарища в истории; они не смогли спастись, убегая по улицам, — их смели 15-метровые сильнейшие струи пламени. Они могли только переходить из одного подвала в другой, пробиваясь через проломы в тонкой части стен, пока, наконец, не выходили на открытое место или в конец улицы.

Подобное развитие событий предвидел начальник полиции Гамбурга, генерал-майор Керл, когда поддержал строительство такой подземной системы отхода. Обратив внимание на ужасающее количество людей, погибших в подвальных помещениях в районах огненного смерча, он предложил там, где ряды домов прерываются перекрестками, дома на противоположных сторонах улицы соединить туннелями. Однако на его предостережения в Дрездене не обратили внимания, и система, которая могла предотвратить большую трагедию, если бы была претворена в жизнь, фактически, как мы увидим, сама привела к гибели большого числа людей, которым до этого не угрожало отравление угарными газами и дымом.

Большинство людей надеялись, что огонь погаснет и они смогут выйти наружу невредимыми и со своим сохраненным имуществом, поэтому оставались в подвалах и подземных туннелях, когда уже пробило 1.30 ночи и без предупреждения начался второй налет. Командир транспортной роты государственной трудовой повинности, который поспешил с колонной на помощь из одной из окрестных деревень, описывал развитие событий следующим образом: «Взрывы сотрясали стены подвалов. Грохот смешался с новым странным звуком, который, казалось, становился все ближе и ближе, звуком грохочущего водопада; это мощное торнадо с ревом врывалось в старую часть города».

«Когда налет прекратился, — докладывал еще один офицер службы государственной трудовой повинности, подобным же образом оказавшийся в ловушке со своими людьми, — я понял, что мы со всех сторон окружены огнем: чудовищное пламя гуляло по улицам. Я узнал от других, что ниже по улице было открытое пространство площади со зданием цирка Сарассани. Я велел своим людям прорываться через проломы от дома к дому, и так мы, наконец, вырвались на простор. Здание цирка располагалось в центре площади; думаю, что там как раз проходил праздничный вечерний карнавал. Здание полыхало и рушилось на наших глазах. На соседней улице я увидел группу пятнистых цирковых лошадей с яркими цветастыми сбруями, напуганно жавшихся друг к другу».

Этим чудесным арабским скакунам не долго оставалось жить; во время второй атаки Королевских ВВС сорок восемь лошадей из цирка Сарассани были убиты. В последующие после налетов дни их трупы

должны были оттащить вниз на набережную Эльбы к северному берегу — Кенигсуфер, между мостами Альберта и Аугуста, где 16 февраля можно было увидеть мрачную картину, когда туда слетелась стая грифов, сбежавших из городского зоопарка.

Во многих случаях люди во время ночных налетов, обнаруживая, что густой удушливый дым сверху стелется вниз, проникая в непроветриваемые подвальные помещения, проделывали бреши в стене, и дым проникал в соседние подвалы. Эта дилемма озадачила даже жителей Гамбурга и Кельна, закаленных продолжительными испытаниями в результате воздушных атак союзников. Для миллиона и более жителей Дрездена, ночью 13 февраля успокоенных ложным ощущением безопасности и совершенно неискушенных в практике гражданской обороны — что, вероятно, можно было сказать и о жителях каждого крупного британского города, — эта дилемма стала кошмаром, с которым слишком многие люди в конечном счете были готовы смириться.

Ротмистр кавалерии по дороге в свою часть на Восточном фронте во всех подробностях рассказал о том, что выпало на долю людей, находившихся вместе с ним во время этой второй атаки. Его временная квартира находилась на Каульбахштрассе, улице в самом центре района, превратившегося в эпицентр огненного смерча во время второго налета.

> «Кто-то безрассудно проломил стену смежного подвала, — вспоминал ротмистр. — Тот дом сильно горел, и нам стал слышен треск огня, густой дым стал проникать внутрь. Нужно было что-то делать. Я сказал людям, находившимся рядом со мной, что мы все задохнемся в нем, если не выберемся на открытое пространство. Я велел всем намочить пальто в имевшихся в каждом погребе пожарных ведрах. Согласились немногие, поскольку женщинам очень не хотелось портить свои дорогие меховые пальто подобным образом. Я велел всем встать следом за мной на лестнице, и, когда я крикну „пошел!“, выбежать на улицу. Мой призыв не возымел действия, так что я в конце концов прокричал приказ и сам выбежал на улицу. За мной последовали лишь немногие».

Человек мужества этого кавалерийского ротмистра, награжденного, кстати, одной из самых высоких германских военных наград, может рискнуть своей жизнью подобным образом. Большинство же жителей города не были молодыми и храбрыми; многие, что понятно, предпочитали умирать в своих домах, чем мчаться в борьбе за жизнь через огонь. Так что проломы в подвалах несли гибель их обитателям.

Под всей почтовой площадью была одна протяженная система описанных выше туннелей, но и от нее оказалось мало пользы. Эти туннели и в самом деле связывали главные административные здания, расположенные вокруг площади, но огненный смерч был настолько обширным, что они, в сущности, оказались бесполезными. Вентиляция в туннеле Острааллее вышла из строя, что привело к множеству жертв. Когда всю старую часть города охватил огонь, все выходы из сети туннелей были завалены.

Авиационная бомба попала в сберегательный банк министерства почт, и из подвальных помещений близлежащих частных домов людской поток вылился по подземным связующим туннелям. Телефонистка из Центрального телеграфа так описывает эти события: «Я помню одну пожилую женщину, потерявшую ногу. Некоторые девушки предложили выйти на улицу и бежать домой. Лестница вела из подвала здания телефонного узла в четырехугольный двор под стеклянной крышей. Они хотели выбраться через главные ворота двора на Почтовую площадь. Мне не нравилась эта идея; неожиданно, как раз когда двенадцать или тринадцать девушек перебегали двор и возились с воротами, стараясь их открыть, раскаленная докрасна крыша обрушилась, похоронив их всех под собой. Теперь уже весь телефонный узел в огне».

Так что всем, оказавшимся в ловушке в самом центре старой части города, оставалось только ждать, пока стихнет огненный смерч, и надеяться, что до этого момента хватит остающегося в подвалах воздуха.

Будь в Дрездене приняты хотя бы минимальные меры ПВО, будь там бомбоубежища с необходимой вентиляцией, как сплошь и рядом в других германских городах, той катастрофы, которую пережил Дрезден в течение 14 часов тройного удара, можно было бы избежать. Ввиду веры национал-социалистических лидеров в то, что Дрезден

никогда не будут бомбить, эти недостатки могут показаться простительными; тем не менее более 100 тысяч гражданского населения города должны были теперь расплачиваться жизнями за близорукость своих лидеров.

Глава 2
ЖЕРТВЫ

Американские бомбардировщики, участвовавшие в нанесении третьего удара, еще не прибыли, когда первые колонны спасателей начали стекаться в Дрезден со всей Центральной Германии. Местное руководство ПВО наконец нашло средства оповещения населения, и

моторизованные колонны обеспечения продуктами и медицинской помощью, а также несколько саперных батальонов направлялись в столицу Саксонии. Даже из далеких Берлина и Линца в Верхней Австрии команды трудоспособных мужчин и спасателей были спешно мобилизованы, чтобы принять участие в борьбе с огнем и спасательных работах в Дрездене. Кроме того, были задействованы полиция ПВО и полиция пожарной охраны.

Тем временем моторизованные колонны передвижных кухонь и грузовики экстренной помощи прибыли на Нордплац в дрезденский Новый город. Второй эшелон «Геббельс» пробивался в Дрезден-Зайдниц. Хотя в каждой колонне было всего около двадцати грузовиков, помощь была отчаянно нужна городу. К 16 февраля колонны с грузами стали прибывать в Дрезден из каждого региона земли Саксония, чтобы обеспечить продуктами питания оставшиеся без крова семьи, а также спасателей. «Никто не будет испытывать недостаток продуктов», — оптимистично объявила 17 февраля дрезденская газета «Фрайхайтскампф».

Партийная организация могла гарантировать, вместе с германским Красным Крестом, что десятки тысяч матерей получат молоко и детское питание. На крупных станциях в Дрездене были срочно организованы национал-социалистические центры помощи, силами партийного Союза немецких девушек и женских объединений.

> «Это был, — сказала одна пострадавшая от бомбежки женщина с десятидневым младенцем, — настоящий акт милосердия со стороны партии. Мы имели возможность получить детское питание и горячее питье для детей, хлеб для взрослых».

Несомненно, эти мелкие добрые дела со стороны партии совершались с целью поднять упавший дух в других городах, разгромленных бомбардировщиками под руководством командования бомбардировочной авиации. Однако Дрезден пострадал настолько, что эти потери нельзя было восполнить снабжением горячим питьем и детским питанием.

Прибыл также генерал Эрих Хампе, руководивший чрезвычайными операциями по восстановлению систем железных

дорог в разбомбленных городах. Всю ночь он добирался из Берлина со своим помощником. «Я не смог сразу же попасть на Центральный вокзал, — докладывал он, — потому что путь в город был полностью перекрыт. Первым живым существом, которое я увидел при въезде в город, была большая лама. Вероятно, она убежала из зоопарка. В старой части города все было разрушено, но меня заботили только Центральный вокзал и система железных дорог. Не было на месте никого из железнодорожной администрации. Мне пришлось послать за кем-нибудь из руководства железных дорог рейха в Берлин, чтобы помочь разобраться в этом беспорядке и обсудить меры, которые нужно было принять для возобновления движения поездов».

Первый этап работы по восстановлению железной дороги состоял в очистке станционных залов и засыпании воронок от бомб вдоль железнодорожной насыпи. Эту работу выполняли солдаты из казарм, военнопленные и мобилизованные на принудительные работы. На втором этапе работы по возведению аварийных линий были возложены на особые отряды Хампе. В Дрездене у него было два саперных батальона, каждый численностью 1500 человек, большей частью пожилые солдаты, вышедшие из призывного возраста.

Кровавая баня на Центральном вокзале в Дрезден-Альтштадте, к югу от Эльбы, была самым страшным зрелищем из когда-либо виденных генералом Хампе.

Между тем беженцы продолжали прибывать в город, набиваясь в рейсовые пассажирские поезда, идущие с востока. Нескончаемые организованные колонны беженцев, каждая со своим руководителем, одна за другой направлялись в «районы приема». Это были Большой сад, выставочный комплекс, в котором позже сотни сгорят заживо от воспламенившегося топлива из разгромленной стоянки транспорта вермахта, расположенной там; погибнут и те, кто надеялся двигаться далее в западном направлении, на площади с каждой стороны Центрального вокзала. И лишь немногие беженцы, оказавшиеся на станции вечером во вторник на Масленой неделе, остались в живых: только один поезд, стоящий на станции, когда прозвучали сирены, отбыл на запад — экспресс на Аугсбург и Мюнхен.

В сводчатых подвальных помещениях под Центральным вокзалом было пять просторных укрытий, в которых хватало места для 2 тысяч человек, однако отсутствовали взрывобезопасные двери, встроенные

вентиляционные установки. Собственно говоря, власти оборудовали эти подземные проходы под вокзалом для временного проживания тысяч беженцев из Силезии и Восточной Пруссии. Заботу о них взяли на себя Красный Крест, отряды женской службы в рамках государственной трудовой повинности, женских объединений, национал-социалистическая служба социального обеспечения. В любом другом городе рейха скопление такого большого количества людей и легко воспламеняющихся материалов в уязвимом и потенциально опасном месте, каким был Центральный вокзал, выглядело бы самоубийственным. Но это упущение можно было понять, принимая в расчет хваленую неприкосновенность Дрездена для атаки, и острую необходимость в каком-либо пригодном жизненном пространстве (напомним: была середина зимы).

> «Даже по лестницам, ведущим на платформы, невозможно было пройти: все они были завалены грудами багажа, — рассказывал руководитель одной из колонн беженцев, прибывших на Центральный вокзал в ночь атаки. — Сами платформы были переполнены людьми, толпы подавались вперед и назад каждый раз, когда подъезжал пустой поезд».

Снаружи вокзальные площади Бисмаркплац и Винерплац также были запружены массами ожидающих поездов людей.

Среди этого хаоса и беспорядка 13 февраля из Клоцше в 21.41 вечера резко и явственно прозвучал сигнал общей воздушной тревоги, эхом разнесшийся по городу от западного района Фридрихштадт до восточных окраин. Свет погас повсюду на Центральном вокзале, оставались гореть только сигнальные огни в конце вестибюля платформы. Затем погасли и они. Однако люди оставались безразличными, отказываясь верить в возможность воздушного налета. Многие беженцы, которые несколько дней ожидали поездов, не желали оставлять свои места только потому, что это вполне могло быть 172-й ложной тревогой в Дрездене. Незадолго до этого прибыли из Кенигсбрюка два поезда с эвакуированными детьми из провинций, к которым подступала Красная армия.

Несмотря на толпы и замешательство в зале ожидания, к тому времени, когда начали падать бомбы, все поезда были отведены на открытое пространство. Из громкоговорителей донеслась команда спуститься в подвалы под платформами. В первый момент послушались немногие; но, когда стали падать бомбы, началось паническое бегство.

Центральный вокзал располагался вне сектора, обозначенного как цель для первой атаки, поэтому он отделался незначительными повреждениями после первого налета. Именно тогда железнодорожная администрация совершила, как оказалось, роковую ошибку. Нарушение связи между Дрезденом, Берлином и постами системы оповещения ПВО оставило руководство ПВО города в полном неведении об обстановке в воздухе. Полагая, что Дрезден в последний раз видел в ту ночь самолеты Королевских ВВС, начальник станции распорядился вернуть поезда к платформам. В течение трех часов станция работала в максимальном режиме, притом что потоки людей из горящего Старого города внесли свой вклад в суматоху. Платформа снова ожила с появлением работников Красного Креста и национал-социалистической службы социального обеспечения, эвакуирующихся беженцев и солдат, и тут без всякого предупреждения началась вторая атака. На этот раз станция оказалась в самом центре района атаки.

Два поезда, заполненные детьми от двенадцати до четырнадцати лет, остались стоять на путях за пределами вокзала, у моста Фалькенбрюке. После того как первая атака прошла для этого района без неприятностей, начальник лагеря эвакуирующихся, пожилой партийный работник, опрометчиво объяснил любопытным детям, что белые огни обозначали бомбардировщикам район для уничтожения. Когда бомбардировщики возвратились, он, должно быть, корил себя за бестактность; хотя он поспешно велел задернуть в вагонах занавески, ребята ясно видели, что парашютные светящие бомбы теперь маркировали широкий прямоугольник, в центре которого располагался сам вокзал.

Сотни зажигательных бомб посыпались дождем, проникая сквозь хрупкую стеклянную крышу вокзала. Загорелись горы багажа, чемоданов, сложенных в зале ожидания. Другие зажигательные бомбы попали в лифтовые шахты багажных туннелей, куда бежали многие

люди. Туннели наполнились ядовитыми газами, поглощавшими драгоценный воздух.

Туннели и коридоры под платформами не были оборудованы так, как бомбоубежища, и не имели вентиляционных установок. Одна молодая мать прибыла на пассажирском поезде из Силезии как раз к началу первого налета. Ее муж писал ей из дрезденских казарм, что достигнуто соглашение о том, что город не будут бомбить, потому что «союзники хотят сделать его столицей послевоенной Германии»; она приехала с двумя грудными детьми в Дрезден, где надеялась чувствовать себя в безопасности.

> «Меня спасло только одно: я пробилась в бойлерную под одной из платформ, — вспоминала эта женщина. — В тонком потолке была дыра, пробитая неразорвавшейся зажигательной бомбой. Через эту дыру к нам поступало достаточно необходимого для дыхания воздуха. Прошло несколько часов, затем армейский офицер вывел меня через длинный проход. Мы прошли через подвальные помещения: там было несколько тысяч человек, все лежали очень тихо.
>
> На площади плечом к плечу толпились тысячи людей, не паникуя, тихо и безмолвно. Над ними бушевал огонь. У входов в вокзал лежали трупы погибших детей, их уже складывали друг на друга и вывозили с вокзала.
>
> Вероятно, на станции был поезд с детьми. Мертвые тела складывали штабелями друг на друга и накрывали одеялами. Я сняла одно из таких одеял с одного из моих младенцев, который был жив, но совсем окоченел. Утром пришли несколько служащих медико-санитарного батальона, и один из них помог мне и моей семье пробраться через город в безопасное место».

Если случайная пробоина в потолке спасла жизнь этой кучке людей в вокзальной бойлерной, то несколько тысяч других не оказались столь удачливы. Из 2000 беженцев с востока, которые, фактически, поселились в единственном туннеле, как докладывал начальник ПВО вокзала, сто человек сгорели там заживо в результате

прямого воздействия зажигательной бомбы, еще 500 человек задохнулись в ядовитом дыму.

«Я оставила всю детскую одежду и медикаменты в сумках под платформой, — продолжает свой рассказ женщина из Силезии. — Сначала было совершенно невозможно достать какую-нибудь детскую одежду, и я рискнула вернуться в Дрезден на вокзал. Вокзальные подвалы оцепили части СС и полиции. Они говорили, что существует опасность распространения тифа. Тем не менее, мне разрешили войти в главный подвал в сопровождении однорукого администратора имперской железной дороги. Он предупредил меня, что там, внизу, нет живых, все были мертвы. То, что я увидела в тусклом свете фонаря железнодорожника, было кошмаром. Весь цокольный этаж был покрыт лежащими в несколько слоев телами погибших людей».

Повторюсь, большинство людей на Центральном вокзале стали жертвами не столько фугасных, сколько зажигательных бомб, сброшенных на город. Большинство погибли от отравления просочившимся угарным газом и ядовитым дымом. В меньшей степени пополнил список погибших недостаток кислорода. «Когда выбрались, мы обратили внимание на то, что у вокзальных стен скопилось не столько мертвых тел, сколько людей, которые, очевидно, крепко заснули, прислонившись к вокзальным стенам», — вспоминает курсант военного офицерского училища танковых войск, которому нужно было пересесть в Дрездене на другой поезд по пути в Берлин. Из 86 курсантов, направлявшихся вместе с ним в ту ночь, чтобы прибыть на время отпуска в столицу рейха, остались в живых менее тридцати.

Однако, в то время как зажигательные бомбы и в самом деле доказали свою эффективность в качестве оружия уничтожения живой силы и для общего поджога самого города, их едва ли можно было считать наилучшим оружием для того, чтобы атаковать город как «главный центр коммуникаций и железнодорожный узел».

Ввиду настойчивости правительств союзников в том, чтобы тройной удар был нанесен с целью нарушения трафика через Дрезден и чтобы атака была в высшей степени успешной, некоторую оценку следовало бы дать и времени, в течение которого главные линии связи в городе не функционировали.

С прибытием генерала Хампе с двумя инженерными батальонами работы по спасению материальных ценностей и ремонтные работы начались в Дрездене незамедлительно. Довольно любопытно, что, как явствует из показаний свидетелей и изучения послевоенных аэрофотоснимков, самые крупные сортировочные станции Дрездена в районе Фридрихштадта почти не получили повреждений. На фотографиях видны двадцать четыре поезда — товарные, пассажирские и санитарные, — стоящие на сортировочных станциях после налетов, в то время как повсюду полыхают здания, очень большие районы охвачены огнем. Из трех паровозных депо на станциях зажигательная бомба попала в одно. В пакгаузах видны четыреста вагонов и платформ, все еще в идеальном порядке стоящих в ожидании на запасных путях и мостовых весах, без единого разрыва между ними. Не поврежден железнодорожный мост Мариенбрюке через реку.

> «Если они и в самом деле хотели нарушить движение через город, — отмечал генерал Хампе, — им нужно было только сосредоточиться на этом единственном мосте; чтобы заменить его, потребовалось бы много недель, в течение которых все железнодорожное движение пришлось бы пускать по длинному окольному пути».

Работая день и ночь, генерал Хампе и его саперы были в состоянии открыть дублирующую линию железной дороги для нормального функционирования всего в течение трех дней после тройного удара.

> «Значение Дрездена в качестве железнодорожного узла, — заявляет Хампе, — которое было немалым, не было снижено более чем на три дня в результате этих трех авианалетов».

Это наблюдение может показаться удивительным, если рассматривать его в свете утверждений союзников о том, что атака транспортных сооружений была успешной. Американская официальная история операций ВВС США на Европейском театре военных действий, с недоверием относясь к тому, что отчет по итогам

авиарейда «весьма пространно объясняет, как это город превратился в огромный промышленный центр и являлся поэтому важной целью», констатирует:

> «Если жертвы были чрезвычайно высоки, а разрушения жилых кварталов огромны, очевидно также, что промышленные и транспортные сооружения [Дрездена] были полностью уничтожены».

Восточногерманская история разрушения и реконструкции Дрездена утверждает:

> «Линии железных дорог были не слишком значительно повреждены; аварийные службы смогли восстановить их настолько быстро, что сильных сбоев в движении поездов не произошло».

Многие источники также поддерживают это утверждение. Можно вспомнить, что пилот головного бомбардировщика во второй ночной атаке Королевских ВВС докладывал после рейда, что сортировочные станции, «похоже, избежали больших повреждений». Хотя об этом не упоминается в соответствующих публичных заявлениях министерства авиации, ясно, что информация не была скрыта от самого бомбардировочного командования союзников. Так, в отчете № 226 по выполнению задачи 390-й американской бомбардировочной группой относительно атаки города 2 марта говорится следующее:

> «Экипажи по метеоусловиям отвернули от курса на предназначенные для бомбежки нефтяные объекты [в Руланде]. Огромные сортировочные станции Дрездена, один из немногих путей, ведущих в Чехословакию, которые не подверглись сильной бомбардировке, были целью „Летающих крепостей“».

Пути на Центральном вокзале очистили от обломков в течение всего нескольких часов, и пустили поезда по временным путям.

Регулярное движение поездов было восстановлено через дрезденский Новый город к 15 февраля.

Западногерманские послевоенные отчеты о разрушении Дрездена также обращают внимание на то, что уцелела железнодорожная система Дрездена.

Влиятельная мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг» писала 22 февраля 1953 года:

> «Объяснение [американского Государственного департамента] о том, что Дрезден бомбили согласно советским указаниям для того, чтобы помешать переброске подкреплений через город, явно противоречит фактам. Железная дорога между Дрезденом и границей с Чехословакией [одна из рассматриваемых в связи с этим] построена между горной цепью и рекой Эльбой. Для маркировщиков Королевских ВВС не составляло труда уничтожить эти дороги».

Ни один стратег не смог честно признать, что массы германских войск на самом деле шагали боевыми порядками через центр города на Восточный фронт.

> «Наоборот, — продолжала передовая статья газеты, — поражаешься той необыкновенной точности, с которой были разрушены не стратегически важные сооружения, а жилые кварталы города. Центральный вокзал Дрездена был заполнен грудами тел, зато железнодорожные пути повреждены незначительно и вскоре снова были пригодны для использования».

Глава 3
ОТДЕЛ РЕГИСТРАЦИИ УМЕРШИХ

Ранним утром 14 февраля в город пригнали тысячи британских военнопленных. Несмотря на то что центр города был охвачен сильным пожаром, людей направляли к месту их прежней работы, в разрушенные школы на Веттинерштрассе, район, который подвергся удару во время небольшого налета американцев в октябре 1944 года. Однако в 11.00 пленных вернули в их лагеря: спасательные работы в центральной части города все еще исключались, из-за нестерпимого жара на узких улицах и отсутствия достаточно прохладных подвалов, где можно было бы спрятаться. Это раннее возвращение спасло жизни многим людям, потому что если бы они остались в городе в полдень, то также попали бы под американские атаки.

Так что огонь бесконтрольно свирепствовал более 14 часов, и не было сделано сколько-нибудь значительных попыток пробиться к еще остававшимся в живых людям, которые оказались замурованными в просторных проходах в катакомбах города. Кстати сказать, в Брунсвике решение не мешкая применить технику «водной аллеи» спасло жизни нескольким тысячам человек, оказавшимся в западне в городском бомбоубежище в самом центре района огненного смерча, даже еще до окончания авианалета.

Только к 16.00, через три с половиной часа после окончания американского налета, в Дрездене приступили к первым масштабным спасательным операциям. Были подняты роты солдат из казарм короля Альберта в дрезденском Новом городе и посажены в грузовики. Они были в противогазах и стальных касках со спасательным оборудованием, с бутылками воды и однодневным запасом пищи. На восточных берегах Эльбы стояли колонны грузовиков; мосты были заминированы четыре дня назад, и заряды могли сдетонировать при малейшем дополнительном сотрясении.

Когда солдаты шагали в колонне по одному через мост Августа, многие приостанавливались и смотрели на рубцеватые очертания Дрездена. Большая часть знакомой картины города исчезла, многие церкви и остроконечные соборы были разрушены во время налетов.

Замок все еще полыхал, а сумерки становились темнее из-за обилия дыма, все еще медленно поднимавшегося ввысь. Однако каким-то чудом самая знаменитая достопримечательность Дрездена, 100-метровый купол церкви Георга Бэра Фрауенкирхе все еще стоял, завеса серого дыма клубилась вокруг золотого креста и фонаря на его верхушке. Фрауенкирхе выдержала несколько войн: именно по ее куполу молодой Гете в 1768 году определил, какие опустошения произвел длительным артиллерийским обстрелом король Пруссии Фридрих II во время Семилетней войны. Картины Каналетто разрушений в Дрездене в то время поразительным образом перекликаются с разрушениями после 1945 года. Если Фрауенкирхе все еще стояла, то разрушение Дрездена в какой-то степени можно было считать неполным.

Однако к этому времени гражданское население было совершенно раздавлено тяжестью удара, обрушившегося на Дрезден. Всего несколько дней назад Дрезден был сказочным городом остроконечных соборов и мощенных булыжниками улочек, где можно было восхищаться заполненными витринами магазинов на главных улицах, где вечерние часы не приносили с собой полной темноты, где стекла были еще не разбиты, а занавески не сняты, городом, в котором вечерние улицы были заполнены оживленными толпами, направлявшимися домой из цирка, оперы или из многочисленных кинотеатров и театров, которые даже в эти дни «тотальной войны» все еще функционировали. Тотальная война положила всему этому конец. Теперь в центр Дрездена шагали колонны солдат, на удивление спокойных и совершенно опустошенных.

Жестокость дневного налета стратегических ВВС США 14 февраля в конце концов поставила людей на колени. Небо было затянуто облаками, и сброшенные «Летающими крепостями» бомбы падали с большим разбросом.

Но не бомбы в конечном счете деморализовали людей: по сравнению с ночными бомбардировками с 200-кратным использованием двух- и четырехтонных «блокбастеров» американские 500-фугасные бомбы должны были казаться довольно безобидными. Это были истребители «Мустанги», которые неожиданно появились низко над городом, открывая огонь по всему, что двигалось, обстреливая из пулеметов колонны грузовиков, шедших к городу. Одна

группа «Мустангов» сосредоточилась на берегах реки, где скопились люди, перенесшие бомбежку. Другая группа атаковала цели в районе Большого сада.

Реакция гражданского населения на эти атаки истребителей с бреющего полета, которые, очевидно, предназначались для завершения задачи, предусмотренной директивами командиров, такой как «внести замешательство в процесс эвакуации граждан с востока», была немедленной и общей; оно осознало свою полную беспомощность.

Американские истребители на бреющем полете пролетали над Тиргартенштрассе, дорогой, ограничивающей Большой сад с южной стороны. Здесь нашли убежище те, кто остался в живых из известного детского церковного хора Кройцкирхе. В списке пострадавших инспектор хора, получивший тяжелое ранение, один из хористов был убит. Британские военнопленные, которых вытащили их из горевших лагерей, были в числе тех, кто пережил неприятные минуты пулеметного обстрела берегов реки, и подтвердили эффект подрыва морального духа. Везде, где шагали колонны в город или из города, на них обрушивались истребители, поливая пулеметным огнем или обстреливая из пушек.

Нет сомнения в том, что причиной многих жертв стали истребители на бреющем полете над городом, которые позднее стали отличительной чертой американских атак.

Понятно, что многим требовалась неотложная и срочная госпитализация. Но ситуация с больницами складывалась отчаянная: Дрезден не только считался центром для выздоравливающих и раненых военнослужащих со всех фронтов, но почти все временные госпитали подверглись ударам, а из 19 крупных стационарных госпиталей за пределами Дрездена 16 были повреждены и три полностью разрушены. Например, в высшей школе Витцтум, которая использовалась в качестве госпиталя, были заняты все 500 коек; лишь 200 инвалидов успели эвакуировать в течение получаса между сигналом воздушной тревоги и атакой, все остальные погибли.

Принимались временные меры по уходу за ограниченным числом раненых и больных граждан из Дрездена. Огромная лечебница, в которой содержались психически неизлечимые больные в Пирне, была приспособлена для таких больных. Часть бункера, пробитого подразделением СС в толстой горной породе около моста Мордгрунд,

была предоставлена в распоряжение Красного Креста для развертывания там временного госпиталя и убежища для бездомных. Крыша, толщиной два метра, делала бункер совершенно неуязвимым для бомб.

Из двух крупнейших больниц в районах Фридрихштадт и Йоханштадт первая была все еще не полностью занята, в то время как вторая, на востоке города, в которой также находилась городская гинекологическая клиника и родильный дом, оказалась полностью разрушена.

Когда бомбардировщики появились над городом, больные все еще не были полностью эвакуированы; период предостережения оказался слишком коротким. «Блокбастер» попал в блок «Б». Две родильные палаты, операционная, два родильных отделения, отделение гинекологической хирургии были уничтожены.

Сразу же были предприняты попытки перевезти больных из блока «Б» в блок «А»; однако крыло блока «А» загорелось, и инвалидов тоже пришлось оттуда эвакуировать. Когда рассвело, блок «А» полыхал так сильно, что о борьбе с огнем не могло идти и речи; блок «Б» был уничтожен пятью фугасными бомбами; блок «В» разрушен до основания и выгорел; даже блок «Г» выглядел значительно поврежденным. Только блок «Д» не очень сильно пострадал, хотя его крыша горела. Бомбы при американской дневной атаке не попали в гинекологическую клинику, но один из истребителей «Мустанг» в одиночку обстрелял из пулемета блоки «В», «Г» и «Д».

По масштабу людских потерь можно судить о степени ущерба, нанесенного больницам Дрездена. В гинекологической клинике в Йоханштадте, повреждения которой лучше всего подтверждены документами, например, было убито 200 человек. Однако идентифицировать удалось лишь 138 трупов. В больницах по меньшей мере повторились обычные последствия огненного смерча: в Касселе 31,2 процента жертв не смогли идентифицировать; в гинекологической клинике в Йоханштадте из 95 опознанных больных 45 были будущими матерями.

Все оставшееся время войны эта больница не функционировала. Были приняты меры для того, чтобы выжившие в городе беременные женщины были переведены в неповрежденное крыло главной

больницы во Фридрихштадт, где специально освободили несколько палат.

Множеству больных требовалась срочная медицинская помощь. Но оказать ее вовремя не представлялось возможным, поэтому многие больные и раненые умерли прежде, чем им уделили необходимое внимание. Постепенно и без того огромный список погибших вырос еще больше, и это при том, что еще не предприняли организованную попытку спасения замурованных под кирgичными завалами.

Только в среду на первой неделе Великого поста 14 февраля на спасательные работы были брошены войска, размещенные в городских казармах, для армейских частей, располагавшихся поодаль от города, задержка была еще большей. В Кенигсбрюке, где собирались армейские части для отправки на Восточный фронт, о ситуации в Дрездене не знали даже через два дня после атак.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой негативный момент, как то, что очаг огненного смерча находился на левом берегу Эльбы, в то время как Кенигсбрюк и большая часть сосредоточенных войск располагались на правом берегу. Но левый берег Эльбы считался «тылом», в то время как вся местность к востоку от реки относилась к «тыловому району военных формирований», поэтому всякая инициатива по перемещению этих войск должна была исходить от соответствующих властей. Только 15 февраля поступили необходимые указания на марш.

В случае с военнопленными из числа союзников, находившимися в Дрездене, которых ко времени атаки было более 20 тысяч, указания об их участии в спасательных работах пришли еще позднее.

В связи с тем, например, что более 230 военнопленным союзникам, находившимся в рабочем отряде № 1326 в Дрезден-Юбигау, посчастливилось остаться в живых 14 февраля, никаких новых рабочих команд не создавалось до 21 февраля. Только 150 пленным после этого командованием IV армейского округа было приказано отрядами по 70, 50 и 30 человек маршем идти в город на помощь в спасательных операциях. Всю неделю люди оставались в лагере.

Один военнопленный из другого лагеря с горечью вспоминал, что, хотя весь район вокруг них сильно пострадал от тройного удара, немецкие охранники заставили их каждое утро шагать через город к

одному из мест на востоке Дрездена. Очевидно, это делалось для того, чтобы «ткнуть пленных носом» в кошмар, который устроили их соотечественники, и содействовать почти совершенно безуспешной вербовке пленных в Британский свободный корпус, чтобы они сражались против русских на Восточном фронте.

Большинство британских пленных с желанием помогали спасать людей и имущество. Многие поплатились жизнью за свой энтузиазм, когда, после недель жизни на скудном рационе, во время участия в спасательных операциях наталкивались на сохранившиеся продуктовые запасы в разбитых магазинах и гостиницах. Так, у одного американца из лагеря в Дрезден-Плауен во время обычной проверки нашли спрятанную под одеждой банку консервов, молодого канадского солдата поймали на попытке пронести украденный свиной окорок в лагерь в Дрезден-Юбигау. Оба они были расстреляны охраной. Как с немцами, так и не с немцами обращались в таких случаях одинаково. Немецкого рабочего поймали на мародерстве на Грунерштрассе — в его карманах обнаружили более 150 обручальных колец — и также казнили на месте. В Дрездене чрезвычайное положение было объявлено с 17 февраля.

> «По приказу гаулейтера, — мрачно констатировала газета „Фрайхайтскамф“ в тот же день, — грабители и мародеры были вчера расстреляны на месте, сразу же, как только их поймали. Обнаружив мародеров, их следует сразу же передавать партийным работникам или их представителям; гаулейтер Мучманн не намерен допускать никаких проявлений мягкотелости в этом отношении, в своем многострадальном округе. Это дело всего общества, что тот, кто совершает преступление против общества, заслуживает только смерти.
>
> Не только мародеры пополнили гигантский список погибших от тройного удара в Дрездене. Как выяснилось, „безответственные элементы“ все чаще стали распространять слухи, являвшиеся и злобными, и не соответствующими действительности.
>
> Сплетники служат интересам только врага, и им уготована немедленная смерть. Гаулейтер издал указ, чтобы

всех распространителей сплетен расстреливали на месте; в ряде случаев это уже делалось».

В течение нескольких дней после тройного удара улицы города были усеяны тысячами тел жертв, лежавших там, где их настигла смерть. У многих были оторваны конечности; другие жертвы имели столь умиротворенное выражение лица, что выглядели так, будто только что погрузились в сон. Лишь зеленовато-бледный цвет их кожи свидетельствовал о том, что они мертвы.

После двух дней задержки отряды теперь были брошены на работы по откапыванию выживших; солдатам приходилось работать сутками при скудном питании; всякая организованность была нарушена, и спасательным отрядам не приходилось надеяться получить пищу до тех пор, пока их не сменяли другие отряды.

«Работа была очень тяжелой, — вспоминает один солдат, направленный на спасательные операции в Дрездене. — Четыре человека требовалось для того, чтобы вынести одного раненого из тех, кто остался жив. Другие солдаты до нас уже начали разбирать каменные завалы и освобождать проход в подвалы. Где двадцать, где более человек нашли себе убежище от бомб в каждом из них. Огонь „съел“ у них кислород, а жар, должно быть, доставлял им ужасные мучения. Нам посчастливилось находить то тут, то там одного-двух оставшихся в живых людей. Так продолжалось часами. Повсюду на земле лежали эти тела, сморщившиеся от сильного жара до 1 метра длины».

Он и его рота позднее были направлены на работу по спасению выживших, заблокированных в подвале разрушенного здания Оперного театра Земпера, где в ночь атаки давали специальное представление. Это здание видело премьеры опер Вагнера «Риенци», «Летучий голландец», «Тангейзер», а в последнее время «Кавалер роз» Рихарда Штрауса. Теперь оно уже ничего больше не представит миру культуры. Оно обрушилось, подобно цирку Сарассани, оставив после себя только полый, сквозной остов и множество людей, погребенных под развалинами.

Когда колонны солдат шагали обратно через реку, они видели, что теперь и свод «Фрауенкирхе» тоже обрушился. В подвальных помещениях церкви хранилась богатая фильмотека германского министерства авиации и — как раз в тот момент, когда пожарные, тушившие пожар в церкви, думали, что контролируют огонь, — жар, возникший в подвалах, привел к тому, что кинопленка вспыхнула как порох. Свод церкви рухнул в четверг 15 февраля в 10.15 утра. Теперь окончательно завершилось уничтожение всего архитектурного комплекса города.

Полицейское управление опустело из-за тройного удара и в результате того, что штаб-квартира гестапо и социал-демократической партии были переведены вместе со штаб-квартирой СС и начальника полиции в наполовину недостроенный, пробитый в скале бункер у дрезденского моста Мордгрундбрюке.

19 февраля газета «Фрайхайтскампф» опубликовала первое обращение к людям, которые искали пропавших родственников, с предложением связаться с только что организованным справочным бюро о пропавших в сохранившемся до сих пор здании министерства внутренних дел на Кенигсуфер, на берегу Эльбы. Это был первый шаг к воссоединению тысяч семей, разлученных в результате тройного удара.

В то же время была создана более мрачная организация, составлявшая реестр пропавших людей, которых уже никогда не найдут. В каждом из семи административных округов было создано бюро пропавших без вести. Бюро округов Вайсер-Хирш и Центрального располагались в зданиях местных муниципалитетов; бюро округов Блазевиц, Штрелен и Готта находились в местных начальных школах; бюро Трахау было на Добелнерштрассе, а округа Лейбен — по адресу Нойберинштрассе, 15.

В этом последнем бюро, в Дрезден-Лейбен, только и можно было справиться о жертвах без постоянного места жительства в Дрездене, в том числе о беженцах, солдатах и мобилизованных на работу. Там было создано центральное информационное бюро без вести пропавших.

Утром 15 февраля Ганс Фойгт, помощник директора одной из школ города, которая 4 февраля была закрыта, как и многие дрезденские школы, чтобы использовать ее в качестве госпиталя

люфтваффе, получил указание явиться в новое бюро без вести пропавших в Дрезден-Лейбен, помещавшемся в бывшем детском саду на Нойберинштрассе, в 11 километрах к юго-востоку от центра города. Эта часть города, как полагали, должна была избежать новых повреждений от бомбардировок, так как располагалась на левом берегу реки, в Дрездене преобладало мнение о том, что грядет скорое вторжение русских. В конце концов, русские были уже всего в 100 километрах.

Фойгту приказали учредить и организовать при бюро отдел регистрации умерших, который возьмет на себя функции регистрации людей, о которых известно, что они умерли, и их имущества, а позднее и тысяч других, вытащенных из городских развалин.

В течение двух недель со свойственной немцам старательностью Фойгт подобрал помощников и составил план создания организации, который суждено было стать величайшим в истории учреждением по идентификации и регистрации. 1 марта он доложил, что его отдел функционирует полностью, укомплектованный служащими и административными работниками числом более 70; еще 300 были заняты в бюро без вести пропавших. Отдел регистрации умерших стал отвечать за идентификацию жертв и окончательную цифру списка погибших. 6 марта отдел был признан на уровне рейха и включен в состав бюро без вести пропавших. Тщательная бюрократическая аккуратность, с которой у нас ассоциируются немцы, была прекрасно продемонстрирована структурой и деятельностью этого имеющего отношение к умершим учреждения. Дрезден был поделен для целей проведения идентификации на семь оперативных районов, в каждом из которых имелось целое центральное учреждение, то есть служба безопасности и спасения, которая главным образом действовала в переживших бомбежку городах. Извлечением тел руководили четыре отряда службы восстановления, а осуществляли его четыре роты санитаров, два батальона солдат и команды чрезвычайной технической службы.

Организация спасательных работ, идентификация и подсчеты должны согласовываться друг с другом. Чиновники были под рукой для того, чтобы контролировать работу по идентификации на месте. Тела в течение одного-двух дней складывали в ряд на освобожденном для этой цели месте на тротуаре. Все ценные вещи, включая

драгоценности, документы, письма и другие предметы опознания, помещали в отдельные бумажные конверты. На этих конвертах содержалась важнейшая информация: место и дата обнаружения, пол и, если известна, фамилия человека в дополнение к серийному номеру. Кроме того, к каждой жертве прикреплялась цветная карточка с таким же серийным номером на ней. В то же время каждую голову считали чиновники, а эти постоянные бирки, вместе с ценностями, погруженными на грузовики, собирали руководители службы безопасности и спасения семи районных учреждений. Каждый вечер бюро без вести пропавших собирало все конверты и вносило в список фамилии и серийные номера, чтобы можно было обрабатывать данные в последующие недели.

> «Восстановительная работа была труднейшей задачей, — объяснял начальник службы. — Скопившиеся в жарких подвальных помещениях газы представляли серьезную опасность для спасательных команд, поскольку не на всех хватало противогазов».

В первую неделю подразделения службы 1, полиции, работников имперской службы труда и роты службы безопасности и спасения заставили работать без резиновых перчаток — весь запас резиновых перчаток пропал в огне. Опыт других районов огненного смерча показал, что спасатели часто подвержены заболеваниям и воздействию трупных бактерий. Тем не менее, в первую неделю мужчинам и женщинам, занятым на работах по извлечению тел, приходилось работать голыми руками либо с импровизированными средствами защиты. Но вскоре поставки перчаток увеличили настолько, что их хватало с избытком, и через некоторое время их даже пустили в широкую продажу. Срочно нужна также была резиновая обувь: обычно сухие погреба и подвалы теперь стали непроходимыми в результате выделения влаги из серозных тел.

В этом отношении Дрезден был настолько же плохо подготовлен к огненному смерчу, как и Кассель: в округе ПВО «Кассель» снабжение также оказалось недостаточным, приходилось доставлять по воздуху дополнительный инвентарь. «Для противодействия очень сильному зловонию в результате гниения, которое появилось через несколько

дней, всем подразделениям, участвовавшим в спасательных работах, доставляли коньяк и сигареты»; можно было получить даже одеколон и специальное мыло. Некоторые спасательные команды работали в противогазах с пропитанными алкоголем прокладками, вставленными в рамку фильтра.

В Дрездене уроки, полученные на опыте других авиарейдов, относительно личных нужд спасательных команд, были учтены на практике. И хорошо еще, что только запасы резиновых перчаток были уничтожены. Большие запасы шнапса в глубоких подвалах как Германского музея гигиены, так и музея Альбертинум оставались в целости. Задача по выносу тел из подвалов, часто наиболее тяжелая работа, поручалась вспомогательным рабочим отрядам: принудительно мобилизованным, украинским и румынским командам из бараков и военнопленным.

В некоторых местах в Старом городе стоял такой жар, что в подвалы невозможно было войти в течение многих недель; особенно в случае, когда, вопреки распоряжениям, большие запасы угля хранились в подвалах и были охвачены огнем. Одна улица в Старом городе была непроходима в течение шести недель. Как и в Гамбурге, обычные последствия огненного смерча в виде расплавленных консервных банок, кастрюль и даже сгоревших дотла кирпичей и черепицы были обнаружены в некоторых подвалах в центре Старого города. Это тоже указывало на то, что температура около 1000 градусов преобладала в районе огненного смерча.

В первые недели полиции города поручили погрузку тел жертв в вагоны и организацию работы по их подсчету. Каждый день посылали полицейского набрать из запасов по 30 бутылок коньяка на каждый отряд. Военнопленным союзников, которые разделяли их общую ответственность за налеты, не полагалось ни коньяка, ни сигарет.

Занятым на восстановительных работах женщинам, большей частью из имперской службы труда, которым не разрешалось употреблять алкоголь, выдавали патоку и по двадцать сигарет в день для успокоения нервов. Первой задачей, которая ставилась перед отрядами восстановления, состояла в том, чтобы очистить улицы от трупов.

«Никогда не забуду запечатлевшуюся в памяти картину, — писал дрезденский солдат своей матери после налетов, — в виде останков того, что, очевидно, было матерью с ребенком. Они сморщились и спеклись в один кусок и впечатались в асфальт. Их только что от него отлепили. Ребенок, видимо, был под матерью, потому что можно было хорошо различить его очертания, с руками матери, обнимающей его».

Ясно, что колоссальная задача встала перед властями, занимавшимися идентификацией. Еще один свидетель, один из солдат, участвовавший в восстановительных работах, писал:

«На протяжении всей дороги через город мы видели жертвы, лежащие ничком, буквально слившиеся с дорожным покрытием, которое расплавилось от чудовищного жара».

Инженер городской ПВО Георг Фейдт насчитал около 200 тел, лежавших на одной только Рингштрассе.

«Один товарищ попросил меня помочь ему разыскать жену на Мушинскиштрассе, — рассказывал другой солдат из казарм Нового города. — Дом уже сгорел, когда мы до него добрались. Мой товарищ не переставал кричать и звать, в надежде, что люди в подвале его услышат. Ответа не было. Он не хотел прекращать поиски и продолжал осматривать подвалы соседних домов, даже выковыривал обугленные тела из расплавленного асфальта, чтобы посмотреть, нет ли среди них тела его жены».

Однако, даже осмотрев их обувь, солдат не смог распознать тело своей жены. И эта неспособность с уверенностью опознать погибшего была характерной проблемой, с которой столкнулось информационное бюро без вести пропавших.

«Никогда бы не подумал, что смерть придет к такому большому числу людей самыми различными путями, — сказал Фойгт, директор отдела регистрации умерших бюро

без вести пропавших в Дрездене. — Никогда не ожидал увидеть людей, похороненных в таком виде: обгоревшими, сожженными, разорванными и раздавленными насмерть; иногда жертвы выглядели как и обычные люди, безмятежно спящие; лица других были искажены болью, тела почти полностью оголены в результате огненного торнадо. Тут были несчастные беженцы с востока в жалких лохмотьях, и люди из оперы, нарядно разодетые; тут были жертвы в виде бесформенных кусков и в виде слоев пепла, собранного в цинковый ящик. По городу, вдоль улиц распространялось характерное зловоние гниющего мяса».

Некоторые люди встретили чрезвычайно неприятную кончину, когда прорвало системы центрального отопления и подвалы заполнились обжигающей водой. Однако в большинстве случаев смерть была тихой и медленной. Пожалуй, в более чем 70 процентах случаев люди погибли от недостатка кислорода либо отравились угарным газом.

Глава 4
АНАТОМИЯ ТРАГЕДИИ

Не менее беспокоящим аспектом взрывной волны от тройного удара по Дрездену был эффект, судя по всему, произведенный на высшие эшелоны власти — официальных лиц Национал-социалистической рабочей партии и на правительство Германии. В течение месяца с нарастающей интенсивностью доктор Геббельс вбивал в головы историю о плане Моргентау, полуправде-полуфантазии для послевоенной Германии, который, как предполагалось, противник собирался обсуждать в Ялте. Теперь, неожиданно и драматично, кошмар, который зародился в их собственных хаотичных мозгах, стал сбываться. Вдруг, как показали первые данные, поступившие в Берлин, «от двух до трехсот тысяч человек» было истреблено в крупном германском городе. Инспектор немецкой пожарной службы писал после войны в мемуарах: «Большой пожар в Дрездене подогревал подозрения в том, что западные союзники были озабочены лишь ликвидацией немецкого народа. В последний раз Дрезден объединил немцев под знаменем свастики и бросил их в объятия своей службы пропаганды, которая теперь более вероятно, чем до этого, могла делать упор на страх: страх перед безжалостными авианалетами, страх перед ратификацией плана Моргентау, страх перед опасностью вымирания».

Другие высшие германские офицеры придерживались противоположных взглядов по поводу морального духа после тройного удара. «Когда эта катастрофа стала известна всей Германии, моральный дух был подорван повсюду», — признавал на допросе полковник, занимавший, пожалуй, значительное положение в люфтваффе. Однако тем в Дрездене, кто выжил в первой атаке, должно было действительно казаться, что все они предупреждены относительно плана Моргентау союзников, который только материализовывался слишком быстро.

На площади Альтмаркт в Дрездене под монументом, возведенным после Франко-прусской войны, были поставлены большие, на площади 8 квадратных метров, стационарные емкости для воды. Несколько сот

человек пытались спастись и загасить горящую одежду, забравшись в эти емкости. Хотя стенки емкостей были на высоте 80 сантиметров над землей, фактически глубина там около 3 метров, и скользкие бетонные стенки не позволяли выбраться оттуда. Тех, кто умел плавать, утащили под воду те, кто не умел. Когда спасательные команды к вечеру следующего дня пробились на площадь Альтмаркт, емкости были наполовину пусты — вода испарилась от жара. Люди внутри все были мертвы.

Перед начальником принадлежащей организации Шпеера транспортной компании, базировавшейся в Дрездене, предстало жуткое зрелище, когда он и его подчиненные, наконец, пробрались к Линденауплац, площади к югу от Центрального вокзала, где была их штаб-квартира.

> «Линденауплац была размером 100 на 150 метров. В центре площади лежал старик, рядом две мертвые лошади. Сотни тел, совершенно обнаженных, были разбросаны вокруг. Трамвайное депо оказалось взорвано. Рядом с депо был общественный туалет из гофрированного железа. Возле входа в него на меховом пальто ничком лежала женщина лет тридцати, совершенно обнаженная, неподалеку валялось ее удостоверение, указывавшее на то, что она приехала из Берлина. В нескольких метрах от нее лежали два мальчика приблизительно восьми и десяти лет, тесно прижавшиеся друг к другу, лицом уткнувшись в землю. Они тоже были совершенно обнаженными. Их согнутые ноги одеревенели. На рекламной тумбе, которая была перевернута, лежали два тела, также обнаженные. Нас было примерно двадцать или тридцать человек, из тех, кто видел эту сцену. Насколько мы могли разобрать, люди находились в подвалах слишком долго; в конце концов они были вынуждены выскочить оттуда, так как все равно задохнулись бы от недостатка кислорода».

В этом случае вряд ли причиной смерти стало отравление угарным газом: трупное окоченение не наступало бы так, как было описано.

Удар, которому подверглись некоторые районы Дрездена, оказался настолько жесток, что было маловероятно, что кому-нибудь удалось там выжить. Одним из таких мест была территория вокруг Зайдницерплац. На этой площади также находилась стационарная емкость для воды, площадью 5 квадратных метров, но не такая глубокая, как та, что на Альтмаркт. Это было абсурдное зрелище — от 200 до 250 человек все еще сидели по краям емкости, там, где их застал ночной налет. Между ними повсюду зияли пустые места, освобожденные теми, кто скатился в емкость с водой. Все были мертвы.

На углу Зайдницерштрассе и площади располагалось общежитие девушек из отряда имперской службы труда, а рядом с ним — временный госпиталь для безногих солдат. В момент, когда 13 февраля прозвучали сирены общей воздушной тревоги, девушки из службы и солдаты смотрели кукольное представление в цокольном этаже госпиталя. В госпитале, где выжившие девушки выполняли позднее спасательные работы, они обнаружили, что от сорока до пятидесяти больных и двое врачей стали жертвами огня; лишь двум врачам и одной медсестре удалось спастись. Атака обрушилась на город прежде, чем солдат успели эвакуировать.

«Никогда бы не подумала, что тела могут сжаться до такого малого размера из-за сильного жара; никогда не видела ничего подобного, даже ранее в Дармштадте», — вспоминала руководительница подразделения имперской службы труда, которой посчастливилось выжить в огненном смерче в Дармштадте.

Вдоль южного края Большого сада тянутся хаотично разбросанные зоологические сады одного из самых знаменитых зверинцев в Центральной Германии. Бомбы, попавшие в зоопарк, привели к тому, что значительное число животных вырвалось из разбитых клеток. Зоопарк Гагенбека в Гамбурге специально был укреплен во избежание бегства диких животных в результате авианалетов: в клетках были установлены двойные решетки, а помещения зоопарка окружены траншеями и ловушками. В Дрездене большинство клеток оказались повреждены, и, чтобы не дать хищникам вырваться на свободу, служителям было приказано отстреливать всех уцелевших животных в ранние утренние часы после авианалетов.

Даже через десять дней после налетов тела погибших людей еще не были убраны с зеленых лужаек Большого сада. Житель Швейцарии рассказывал, как через две недели после авианалетов он отправился через подвергнутый опустошению район, чтобы навестить друга в Дрезден-Груна. Его путь лежал вдоль широкого бульвара Штюбельаллее, где у представителя имперского правительства, гаулейтера Саксонии Мучманна была вилла. Пробираться было трудно не только из-за воронок и обломков камней, но также из-за отвратительного зрелища наваленных повсюду груд тел погибших. Позднее он делился впечатлением, полученным от дрезденской трагедии в результате тройного удара бомбардировщиков союзников. Его очерк в течение трех дней, начиная с 22 марта, публиковался в одной из ведущих швейцарских газет, благодаря тому что ему удалось тайно вывезти свои заметки из Германии. Его отчет вызвал шок не только в Швейцарии: не прошло и шести дней после опубликования, как Форин офис сделал представление премьер-министру, вероятно, по поводу эффекта, который бомбовые операции в таком масштабе произвели на мировое общественное мнение. Этот независимый очевидец писал:

> «Зрелище было настолько отталкивающим, что, даже не бросив взгляд во второй раз, я решил не пробираться между этими телами. По этой причине я повернул назад и направился в Большой сад. Но там все выглядело еще более жутким: проходя по земле, я видел оторванные руки и ноги, обезображенные туловища и головы, отделившиеся от тел и откатившиеся в сторону. В тех местах, где тела все еще лежали тесно, мне пришлось расчищать себе путь между ними, чтобы не наступать на руки и ноги».

Для отрядов Имперской службы труда авианалеты на Дрезден оказались особенно трагичны. Девушки должны были год работать в организации и еще шесть месяцев (согласно декрету фюрера от июля 1941 года) в службе помощи фронту — в почтовых отделениях, на автобусных и трамвайных маршрутах и в госпиталях. В VII округ «Дрезден», который направлял всех женщин имперской службы труда

в Саксонии (мужчины были в ведении XV Рабочего округа «Дрезден»), поступало множество просьб от родителей позволить их дочерям выполнять трудовые обязанности в службе помощи фронту в последние шесть месяцев в Дрездене, который все считали «самым безопасным убежищем от авианалетов» в Германии. Теперь же жертв в этой части трудового фронта Германии оказалось больше всего. По оценке одной из руководительниц подразделения девушек, во время тройного удара по Дрездену одних только девушек из службы помощи фронту было убито 850. На Кениг-Йоханштрассе тела были положены рядами, для того чтобы их могли опознать родственники и соседи. В одной группе было с десяток кондукторш из службы помощи фронту, молодых девушек в форме. К одной из них была приколота карточка с надписью: «ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВЬТЕ МНЕ ТЕЛО! Я ХОЧУ ПОХОРОНИТЬ МОЮ ДОЧЬ САМА». Выжившим в авианалетах приходилось слышать о беспорядочных массовых захоронениях погибших за городом.

Когда дело касалось обязанностей в выполнении спасательных работ, девушки из службы труда и помощи фронту были такими же упорными, как и самые выносливые украинские солдаты и подневольные рабочие. Они не отлынивали, когда нужно было входить в подвалы, даже среди ночи — в первые дни спасательные работы проводились круглосуточно, — и вытаскивали тела на тротуары. Всех жертв обыскивали в поисках документов, которые удостоверили бы их личность; если не возникало сомнений при идентификации, данные жертвы записывали в желтую карточку с порядковым номером, которая прикреплялась к трупу. В дополнение к этому от девушек требовали, чтобы они снимали одежду с неопознанных жертв и отрезали куски от блузок и нижнего белья в качестве образцов, часть которых прикрепляли к телам, а остальные вкладывали в конверты с личными вещами. Неопознанные тела помечались красными карточками с порядковыми номерами во избежание путаницы.

Однако для девушек из службы труда наиболее тягостным заданием было заниматься с телами своих коллег.

Скажем, в большом общежитии на Вайсе-Гассе, узкой улице, примыкающей к Альтмаркт, подвал был заполнен мертвыми девушками, их здесь было девяносто.

«Девушки сидели там, как будто застыли посреди беседы, — рассказывает руководитель отряда, который первым добрался до подвала общежития. — Они выглядели вполне естественно, и с трудом верилось, что они мертвы».

Военнопленные солдаты союзников с энтузиазмом подключились к спасательным операциям, конструируя собственные прослушивающие приспособления, пропуская в подвалы газовые трубы для подачи воздуха тем, кто оставался в живых. При этом известно немало случаев проявления насилия, когда население изливало отчаяние на беспомощных пленных. Охранники обращались с ними должным образом, когда они участвовали в спасательных и восстановительных операциях, но временами немцы срывались: они не возражали, когда пленные солдаты союзников спасали их оставшихся в живых сородичей, но им претило, когда их врагам приходилось иметь дело с погибшими.

Начальник отдела регистрации умерших информационного бюро без вести пропавших Фойгт хотел на этом этапе лично присутствовать на как можно большем числе операций по вскрытию подвалов. Через десять дней после тройного удара его вызвал командир отделения службы безопасности в дом возле Пирнайшерплац. Отряд румынских солдат отказывался входить в один из подвалов; они очистили ступеньки, ведущие в него, но что-то необычное произошло внутри. Рабочие молча стояли вокруг входа в подвал, когда гражданский начальник, желая подать пример, спустился по ступенькам с ацетиленовой лампой в руке. Его успокоило отсутствие обычного запаха гниения. Самые нижние ступеньки оказались скользкими. Пол подвала был покрыт жидкой смесью крови, мяса и костей толщиной 20–30 сантиметров; небольшая фугасная бомба пробила четыре этажа здания и взорвалась в подвале. Начальник не рекомендовал руководителю службы безопасности пытаться вытащить кого-либо из жертв, а посоветовал обработать подвал хлорной известью и дать ей подсохнуть. Опрос дворника квартала дал информацию о том, что «в ту ночь внизу было от 200 до 300 человек; столько всегда собиралось при сигнале воздушной тревоги».

На Зайдницерштрассе столь же жуткие сцены предстали перед взором спасателей. Даже закаленные солдаты долго не выдерживали

напряжения такой работы: двое мужчин, занимавшихся там извлечением тел из подвалов, отказались продолжать работу. Руководители отрядов приказали им вернуться к работе, но те наотрез отказались подчиниться. Обоих партийные функционеры казнили на месте, а тела сразу же погрузили на запряженные лошадьми повозки, вместе с гниющими телами жертв авианалетов.

Огромные груды тел оказались на улицах перед многочисленными кинотеатрами и трактирами города, куда сотни людей пришли на карнавал вечером перед атакой. Во время начала тройного удара по Дрездену кинотеатры и театры все еще работали.

Первое, что увидел директор Фойгт на Центральном вокзале, были сложенные на железнодорожных путях и привокзальной площади горы тел высотой 3 метра. Погибших солдат, оказавшихся транзитом в городе или находившихся здесь в отпуске ко времени налета, несколько дней вытаскивали из руин и вилами складывали в вагоны, их головы смотрели в одну сторону, а ноги в другую. Согласно первой оценке, которая была дана в тот день, когда он осматривал там жертвы, число их только на одном этом вокзале составило от 7 до 10 тысяч.

Как и во многих других случаях, цифры для разрушенного района заметно отличаются: есть две оценки для поврежденного района в Дрездене. По данным британского отдела изучения последствий бомбардировок, основанных на аэрофотосъемке, было уничтожено 680 гектаров застроенного района (цели). Однако в 1949 году дрезенский Департамент городского планирования опубликовал собственное подробное исследование причиненных повреждений, из которого получаются следующие цифры: 3140 акров составили более 75 процентов разрушений; еще 1040 акров соответствовали 25 процентам разрушений. Поскольку этот центральный район не был тем районом, который должен был пострадать от последующих жестоких авианалетов стратегической авиации ВВС США 2 марта и 17 апреля 1945 года, трудно понять несоответствие, но оно могло возникнуть в результате различных способов оценки, использовавшихся британцами и немцами.

Чем больше спасательные операции углублялись в центр наиболее пострадавших районов, тем безнадежней казалась задача осуществления идеальной регистрации жертв. В конце концов спасательные отряды в своих действиях были ограничены одним только снятием обручальных колец и взятием образцов ткани одежды, которую носила каждая из жертв. В Дрезден-Лейбен директор отдела регистрации умерших в течение нескольких недель разработал систему индексов, достаточно простую для того, чтобы ею мог пользоваться ограниченный персонал работников, и в то же время достаточно всеобъемлющую, чтобы дать каждому обращающемуся за справкой шанс узнать о судьбе родственников.

19 апреля обербургомистр Дрездена объявил, что его Центральное бюро без вести пропавших обладает теперь наиболее полным источником информации о жертвах, пострадавших и выживших, а справочное учреждение, прежде функционировавшее при Центральном разведывательном отделе в здании министерства внутренних дел, будет немедленно закрыто. Информация Центрального разведывательного отдела и собранное имущество, вместе с личными вещами, все еще поступавшее от спасательных

отрядов, будут перенаправлены в Центральное бюро, а оттуда в отдел регистрации умерших под руководством Ганса Фойгта.

Одну за другой он создал и довел до совершенства четыре системы регистрации документов, каждая из которых базировалась на различных данных. Первая система индексов содержала несколько тысяч учетных карточек по одежде; на эти карточки были наклеены кусочки образцов одежды, остававшейся на неопознанных телах, с указанием места и даты обнаружения, места захоронения и общим порядковым номером. Карточки одежды заполнялись с указанием улиц и номеров домов и были доступны для занимавшихся розыском в картотеках в домике в конце сада, примыкавшего к помещению бюро, помещенных туда из-за запаха гниения. «Вплоть до капитуляции мы заполнили почти 12 тысяч этих карточек», — утверждает директор.

Вторая система индексов обеспечивала картотекой, опять-таки составленной в порядке следования улиц, в которую были включены разнообразные личные вещи неопознанных жертв, обнаруженных в домах или на улице. Третьей системой индексов был простой алфавитный учет идентифицированных тел по обнаруженным при них удостоверениям или документам, однако список был одним из самых коротких, и его закрыли 29 апреля 1945 года.

Четвертая и последняя система индексов была, пожалуй, самой мрачной из всех: список собранных обручальных колец. Они были отделены от тел болторезами, чтобы обеспечить дальнейшую идентификацию: по немецкой традиции инициалы того, кто носил кольцо, должны были быть выгравированы на его внутренней стороне; часто полное имя или имена были выгравированы вместе с датой помолвки и бракосочетания. К 6 мая было собрано от 10 до 20 тысяч этих колец, помещено в ведра, объемом два галлона (около девяти литров), которые хранились в министерстве внутренних дел на Кенигсуфер. Все эти кольца не обязательно принадлежали женщинам; по германскому обычаю и мужчины носили обручальные кольца.

Тем не менее со всеми четырьмя системами индексации отдел регистрации умерших был в состоянии опознать 40 тысяч погибших. Еще одну цифру, не слишком отличающуюся от этой, дает главный инженер гражданской обороны города; он записал: «Официальные данные по опознанным среди погибших выражаются цифрой 39 773, объявленной утром 6 мая 1945 года».

Эти цифры представляют абсолютный минимум в списке погибших в Дрездене.

Однако в результате преждевременного вмешательства официальных лиц из Берлина работа по идентификации несколько раз прерывалась и даже прикрывалась. В начале марта командование СС из берлинского имперского управления прибыло в Дрезден и посетило канцелярию Центрального информационного бюро без вести пропавших в Дрезден-Лейбен; работа по идентификации, проводившаяся отделом регистрации умерших, задерживала захоронение жертв, и опасность эпидемий в городе возрастала. Работу по идентификации в дальнейшем предстояло частично перенести на кладбища.

Дрезденское похоронное бюро открыло три новых отделения, но и при этом было не в состоянии без сторонней помощи справляться с массой обращений к его услугам.

Были предприняты все усилия для того, чтобы проследить за тем, чтобы как можно больше погибших было похоронено должным образом, пусть и в общих могилах. На Хайде-Фридхоф к концу войны были похоронены останки последних 28 746 погибших. Эта цифра для одного из кладбищ Дрездена точна лишь постольку, поскольку представляет буквальное число голов, подсчитанных спасателями. Однако, как отмечал главный садовник кладбища: «Обезображенные и обуглившиеся тела, со сгоревшими или разбитыми головами, можно было учитывать в той же малой степени, как и те, что заживо сгорели в огненной буре и от которых не осталось ничего, кроме кучки пепла».

Похоронные команды, большей частью из летчиков, вызванных из школы операторов РЛС ВВС в Дрезден-Клоцше, получили указания хоронить жертв тройного удара без гробов и саванов. Общие могилы были вырыты экскаваторами и бульдозерами. Каждой из первых поступивших жертв выделялось пространство 90 квадратных сантиметров.

Из 50 городских катафалков четырнадцать были разбиты в авианалетах. Фермерам и крестьянам из окрестных деревень было приказано пригнать в Дрезден свои упряжки лошадей. Одновременно беспрерывным потоком прибывали и люди со своими погибшими для захоронения. Одних привозили на грузовиках для угля, других — на трамваях. Никто не возражал, если мертвых заворачивали в газетную

или оберточную бумагу и перевязывали веревкой. Подразделения имперской службы труда некоторое время снабжали толстыми бумажными мешками для цемента, чтобы складывать в них расчлененные тела.

Части СС и полиции были направлены на полицейских грузовиках из Берлина для перевозки тел жертв на кладбища. Полицейские велели сваливать тела с грузовиков в общую могилу; после отправки похоронные команды должны были снова рассортировать беспорядочную массу тел, чтобы сохранить хоть какой-то порядок в этом царстве хаоса. Спасательные отряды прикрепляли желтые карточки к неопознанным телам и красные — ко всем остальным. Их хоронили отдельно друг от друга в разных частях кладбища.

Стало очевидно, что первоначальная норма на каждого погибшего была слишком велика, и вскоре тела стали класть вплотную друг к другу в общие могилы. С прибытием начальства из Берлина, согласно новым указаниям, тела были захоронены по глубине в три слоя. Огромное кладбище Хайде-Фридхоф, очевидно, могло предложить неограниченное пространство для захоронения всех жертв авианалетов союзников на город, даже если бы их было вдвое больше. Но если места хватало для подобающего захоронения всех жертв, слишком теплая погода этому не способствовала. По прошествии недель и при все еще незавершенной работе зловоние от гниения распространилось по городу.

Армейские подразделения воздвигли баррикады в центре Старого города, заблокированный район представлял собой площадь, ограниченную улицами на протяжении примерно трех кварталов с каждой стороны Альтмаркт. Спасательные отряды получили новые указания. Тела уже больше не нужно было доставлять на территорию кладбищ за городом, а предписывалось отправлять на Альтмаркт, в самый центр района, заблокированного войсками. Захоронение на Хайде-Фридхоф требовало транспорта в виде длинных колонн фургонов с телами, следовавших через Новый город, на который, несмотря на находившиеся там военные казармы и промзоны, не упало ни одной бомбы; власти не хотели, чтобы население видело гнетущее зрелище.

Идентификация жертв становилась хаотичной. Большие горы неопознанных тел скапливались на кладбищах. На некоторых

кладбищах удавалось достигать невероятных результатов: на Йоханнес-Фридхоф в Дрезден-Толкевиц, например, начальник полицейской части смог провести полную идентификацию почти всех жертв. Но на других кладбищах тела громоздились все выше перед общими могилами, и возникали трудности; вернувшиеся официальные представители СС, увидев гору из 3 тысяч тел жертв на Хайде-Фридхоф, велели немедленно их похоронить без идентификации; тела были свалены бульдозерами в общие могилы.

Первые недели марта были холодными и пасмурными, но в середине месяца погода изменилась и необычно теплое солнце ранней весны пригревало мертвый Старый город. Развалины зданий подсохли, но сотни разбитых и заваленных подвалов к концу апреля все еще не были очищены. Среди руин сновали необычно большие крысы, их шерсть была перемазана гашеной известью, разбросанной внутри разрушенных домов. Солдаты, работавшие поздно ночью в заблокированной мертвой зоне, докладывали, что видели макак-резус, лошадей и даже льва, прятавшихся в тени зданий, где они жили и кормились, поскольку их клетки были разбиты два месяца назад. Но площадь Альтмаркт была свидетельницей более жутких сцен, чем убежавшие из клеток звери, крадущиеся в темноте.

Глава 5
ОНИ ПОЖНУТ БУРЮ

Когда на смену зиме пришли теплые месяцы, каждодневный темп жизни в Дрездене ускорился. Если до этого извлечение и захоронение тел растягивалось на два-три дня, теперь отряды спасателей подстегивала новая настоятельная необходимость: реальная опасность эпидемии тифа.

Люди в течение многих дней разыскивали пропавших родственников, дабы избежать унизительного массового захоронения в общей могиле. Но когда они отправлялись на поиски тележек или повозок для того, чтобы перевезти тела погибших на кладбище, чтобы похоронить их самим, отряды службы безопасности убирали тела, и они, уже аккуратно сложенные под грудой тридцати других гниющих тел, лежали на телеге, которая двигалась с вереницей других по Гроссенхайнерштрассе в сторону сосновых и эвкалиптовых лесов к северу от города. Кто был прав? Родственники, желавшие, чтобы их близкие были похоронены подобающим образом, или отряды службы безопасности, обязанностью которых было избежать эпидемии и попытаться организовать ускоренную идентификацию на кладбищах? Многие из тех, кто видел бесконечные вереницы повозок и грузовиков, катившихся из города на север, вероятно, про себя обещали, что никогда не позволят, чтобы их родственников везли к их могилам подобным образом.

> «На Маркграф-Генрихштрассе я разговаривал с тремя людьми, — вспоминает один из эвакуировавшихся из Кёльна, который находился в городе. — Они несли как носилки черное пальто, на котором лежало тело. Один из них спросил меня, что это было раньше за здание. Раньше здесь была школа, но потом она стала военным госпиталем, ответил я. Мужчина объяснил, что должен похоронить свою жену. Потом я видел, как они выкопали неглубокую могилу. Не было никакого гроба, и человек казался чужим в этом городе».

> «Некоторые не понимают, — жаловался обеспокоенный директор отдела регистрации умерших, — что у них нет права собственности на тела своих родственников. Известны и случаи, когда родственники откапывали тела из общих могил и перезахоранивали в фамильных могилах. Таким образом законность и статистика безнадежно нарушались».

Один человек приводит еще один пример желания не позволять спасательным отрядам добраться до ближайших родственников:

> «Для того чтобы уберечь своих родителей от массового захоронения, моя свояченица прежде всего вывезла на тележке из города отца, чтобы похоронить его, а затем вернулась за матерью. Но за это время спасательный отряд увез ее. Таким образом, большинство умерших были похищены, а их свидетельства о смерти выглядели так, как и то, о двух ее родителях: УМЕРЛИ В ДРЕЗДЕНЕ, 13 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА».

Таким был эффект от тройного удара по Дрездену в смысле человеческих страданий. Не менее впечатляющим этот удар был и с точки зрения статистических подробностей. Поскольку атаки Дрездена и Хемница замышлялись для того, чтобы уничтожить жилые районы города и не дать возможности германской армии разместить солдат в городе, налеты на Дрезден могли и в самом деле рассматриваться как ошеломляющий успех. В ноябре 1945 года городское управление планирования опубликовало подробные статистические данные об ущербе, причиненном городу, — не только атаками бомбардировочной авиации Королевских ВВС, но и всеми атаками, включая последние атаки стратегических ВВС США. Эта статистика приводится в приложении в конце этой книги. Из 35 470 жилых зданий в районе Дрездена лишь 7421 дом не был разрушен. Если говорить о домах и квартирах, то из 220 тысяч жилых массивов более 90 тысяч разрушены или сделаны непригодными для жилья в результате атак. Если все это выразить в квадратных футах, то 4 736 490 квадратных метров жилого пространства было полностью уничтожено и на 4 538 165 квадратных метрах были произведены умеренные разрушения. Говоря сухим

языком, свойственным немецким статистикам авианалетов, то, если по сравнению с Мюнхеном, где на каждого горожанина приходилось 6,5 кубического метра каменных обломков, в Штутгарте их было 8,5 кубического метра, в Берлине — 12,6 и в Кельне — 31, в Дрездене же на каждого горожанина (включая тех, кто умер), приходилось 43 кубических метров обломков, то есть более одиннадцати грузовиков с обломками на каждого жителя.

Ущерб, причиненный промышленной зоне города, на первый взгляд мог показаться непоправимым: из двенадцати жизненно важных сфер коммунальных услуг и энергетических установок города только одна совершенно не пострадала; но к 15 февраля подача электроэнергии возобновилась для большей части Нового города, и, как показывает быстрое возобновление трамвайного обслуживания по дальним маршрутам, большинство окраин опять получили электроснабжение, которое было восстановлено в течение недели после налетов. К 19 февраля трамвайное сообщение было восстановлено между промышленной зоной, Вайксдорфом и Хеллерау; между Вайссигом и мостом Мордгрундбрюке, вскоре должно было распространиться и на сам разрушенный город.

Однако в Старом городе повреждения были непоправимыми: оказались разрушены трубопроводы и каналы протяженностью более 500 километров, требовалось засыпать более 1750 воронок от бомб для того, чтобы по улицам можно было ездить; восстановить 92 километра трамвайных проводов. Всего 185 трамваев и прицепов были полностью разбиты, более 303 получили различные повреждения. Эта последняя статистика поучительна: трамвайные вагоны можно рассматривать равномерно распределенными по городу во время атаки; однако, в то время как во всей битве за Гамбург 600 трамвайных вагонов были повреждены в течение недели массированных авианалетов, в Дрездене 488 были повреждены за одну только ночь.

Восстановление промышленности в Дрездене, тем не менее, было быстрым, как указывал Шпеер в своих послевоенных показаниях; промышленные районы оказались не так уж сильно повреждены по сравнению с остальной частью города, и среди крупных промышленных предприятий в Дрездене только оптические заводы «Цейсс-Икон» в Дрезден-Штризене серьезно пострадали. Заводы в районе, ограниченном Шандауерштрассе, Кипсдорферштрассе и

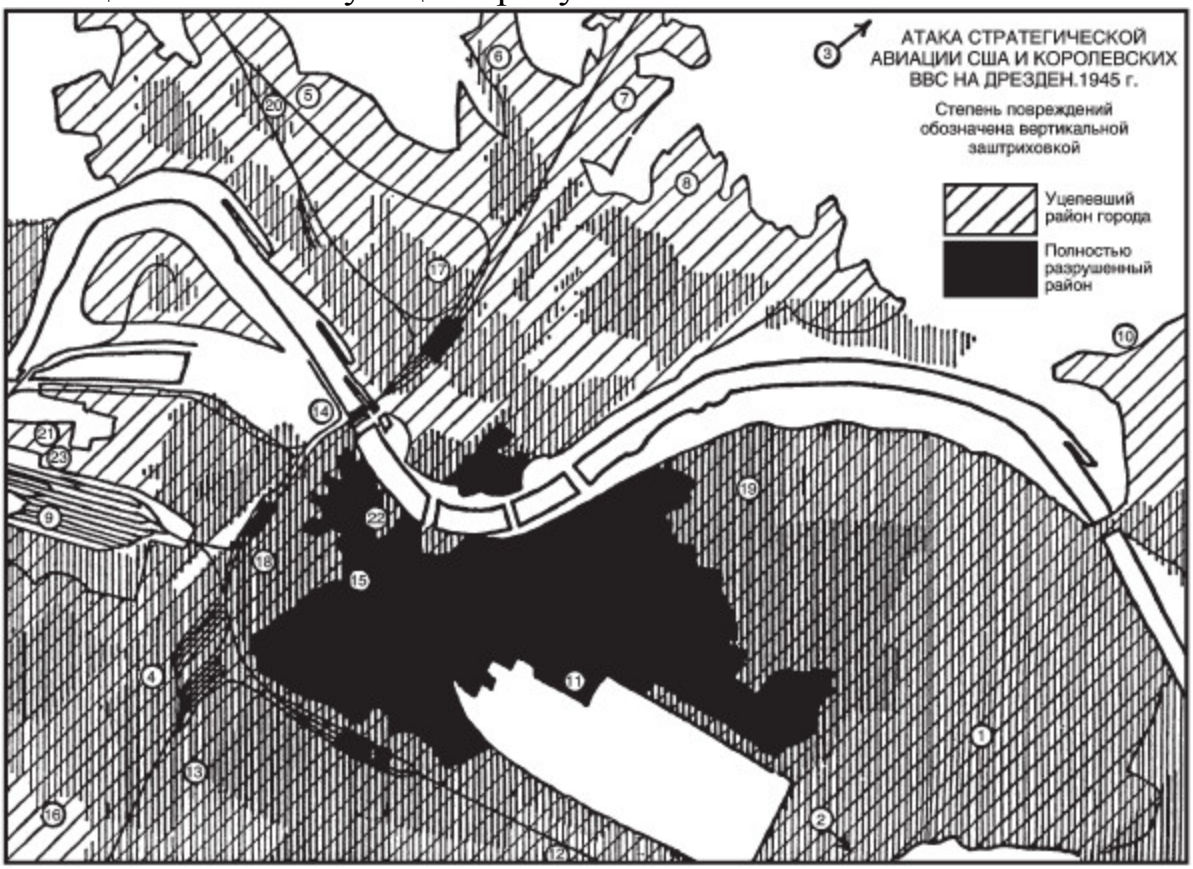
Глашюттерштрассе, располагались менее чем в 5 километрах к востоку от центра города, на границе района тотального разрушения; считается, что они не могли возобновить производство до мая 1945 года.

Два завода «Заксенверк», производящие электронные комплектующие, в Дрезден-Нидерзедлиц и Радеберге (в 7 километрах к юго-востоку от центра города), не попали под удары фугасных бомб. На завод «Нидерзедлиц» упало несколько зажигательных бомб, которые были эффективно перехвачены заводскими пожарными, кроме этого, были только разбиты стекла. Утром после тройного удара немногие из коллектива этого завода явились на работу, и некоторое время не было подачи электричества и газа. Однако среди работников заводов «Заксенверк» жертв было на удивление мало: хотя все записи, относящиеся к заводу, были к концу войны уничтожены, руководящий состав докладывал, что менее 300 из 5 тысяч работников не приходили на работу в течение недели и считалось, что они погибли. Из 80 рабочих станко-механического цеха, например, все без исключения являлись на рабочие места в течение этого времени.

Объяснение этого факта простое: с одной стороны, немногие из рабочих завода «Нидерзедлиц» проживали в черте города, большинство набиралось из окрестных деревень, которых насчитывалось более восьмидесяти. Кроме того, районы полного разрушения в Дрездене охватывали окраины с населением из среднего класса, но районы, где жил рабочий класс в Нойштадте, Штризене, Лебтау, Фридрихштадте, Миктене и Пишене, оставались более или менее неповрежденными.

Подобным же образом принадлежащий «Цейсс-Икон Гулеверк» завод взрывателей на Гроссенхайнерштрассе, Дрезден-Нойштадт, вероятно, единственный завод в Дрездене, о котором можно было подумать как об объекте авианалета, уцелел, так же как и промзона на месте бывшего Арсенала в Дрезден-Нойштадте. Все эти заводы и фабрики, конечно, пострадали от непрямого воздействия авианалета, что выражалось в нарушении подачи электроэнергии, деморализации рабочих и служащих и сокращении их численности, а также в дефиците транспортных средств. Но никогда, за исключением случая с заводом «Штризен Цейсс-Икон», физическое повреждение завода не было чрезвычайно большим.

Менее чем через две недели после нанесения тройного удара полицейские власти в Дрездене решились на меру более ужасную в своей безжалостности, чем когда-либо применявшаяся на каком бы то ни было этапе воздушного наступления союзников. Сотни и тысячи тел жертв, которые каждую неделю извлекали из-под обломков и подвалов на улицах Старого города, уже не стали больше свозить к общей могиле в сосновых и эвкалиптовых лесах к северу от Дрездена. Опасность эпидемий и распространения тифа этими длинными караванами из фургонов с гниющими телами была слишком велика. Весь центр города вокруг Альтмаркт уже был оцеплен. Родственников погибших, которые заполняли все еще непроходимые улицы, ведущие в Старый город, разгоняли полиция и партийные функционеры. Дрезденская национал-социалистическая газета «Фрайхайтскампф», сообщая о скорой расправе над группой гражданских лиц из числа немцев, застигнутых на мародерстве в разрушенных зданиях, предостерегала, что Старый город закрыт для входа граждан, не имеющих соответствующих пропусков.



1. Завод «Цейсс-Икон»

2. (8 километров к юго-востоку) Завод «Заксенверк»
3. (14 километров к северо-востоку) Завод «Заксенверк»
4. Стеклодувный завод Сименса
5. Завод «Цейсс-Икон Гулеверк»
6. Промышленная зона
7. Арсенал
8. Армейские казармы
9. Сортировочные станции Фридрихштадта
10. Бункер СС в скале
11. Военный автопарк
12. Зональный командный пункт ПВО
13. Табачная фабрика Грейлинга
14. Табачная фабрика Енидзе
15. Центральный телеграф.
16. Газовый завод Лебтау
17. Газовый завод Нойштадта
18. Электростанция Веттина
19. Электростанция Йоханштадта
20. Нефтехранилище.
21. Нефтехранилище («Шелл»)
22. Городская отопительная станция
23. Фабрика Зейделя и Науманна

Начальник полиции Дрездена в качестве начальника ПВО района издает декрет:

> «Особые обстоятельства обязывают меня обратить внимание на то, что вход в районы вне дорог, уже открытых для общего пользования, строго запрещен. Люди, которые будут обнаружены там и которые не смогут удовлетворительно объяснить свою цель и удостоверить свою личность, будут считаться мародерами и в отношении них будут применяться соответствующие меры, даже если ничего подозрительного у этих людей обнаружено не будет».

Армия, полиция и отряды ополчения «фольксштурм» получили такие инструкции: всем, кто хочет пойти откапывать собственное

имущество, надлежит в обязательном порядке сначала доложить об этом в соответствующий полицейский участок, чтобы получить провожатого.

Крестьянские повозки с телами, каждую из которых тянули по две лошади, теперь отсылались к границам участка, оцепленного отрядами службы безопасности и подневольных рабочих, а затем передавались возницам вермахта и офицерам. Повозки отвозили к центру Альтмаркт, а там их груз сваливали на булыжную мостовую площади. Там работало много полицейских чинов, прилагая последние усилия для идентификации людей; с них взяли подписку о неразглашении подробностей того, что происходило. Неискривленные балки в здании универмага «Реннер» поднимали лебедкой из развалин, их складывали поверх наспех сваленных горок блоков из песчаника. Были установлены ряды массивных решеток длиной 8 метров. Под эти стальные балки и прутья заложили охапки дров и соломы. Поверх решеток свалили тела четырех или пяти сотен жертв, стараясь, чтобы поместилось как можно больше. На многих из погибших детей, втиснутых в эти ужасные погребальные костры, все еще были обрывки разноцветной карнавальной одежды, которую они надели на карнавал последнего дня Масленицы, две недели назад.

Старший офицер очистил площадь от всех ненужных в данный момент солдат и поднес спичку к штабелю дров под решетками. Через пять минут погребальные костры полыхали вовсю. «Худощавых и более пожилых жертв огонь схватывал не так быстро, как более упитанных и молодых», — вспоминал один очевидец. В поздние вечерние часы после того, как последнее из тел сгорело дотла, солдат вернули, чтобы они погрузили лопатами сгоревшие останки на стоявшие наготове запряженные лошадьми повозки. В приличествующем жесте уважения партийные функционеры проследили за тем, чтобы прах был собран, отвезен на кладбище и захоронен. Потребовалось несколько маленьких повозок и десять больших грузовиков с прицепами для того, чтобы привезти прах на кладбище Хайде-Фридхоф. Там останки 9 тысяч жертв, которые были кремированы у всех на глазах, захоронили в яме 8 метров длиной и 5 метров шириной. Несмотря на все попытки сохранить в тайне судьбу жертв, поглощенных вакуумом руин Старого города, история вышла наружу. Некоторые жители, рискуя жизнью, пробивались на площадь

Альтмаркт, чтобы проверить справедливость слухов. 25 февраля одному человеку даже удалось сделать несколько цветных фотоснимков этой ужасной сцены. Он оказался не таким удачливым, как многие другие, и почти сразу же был арестован полицейскими чинами. Однако вместо того чтобы расправиться с ним на месте, как угрожали сделать, они привели его к бригадефюреру СС, который руководил полицейским управлением, только что переведенным в бункер СС, пробитый взрывами в скале у Мордгрундбрюке. Бригадефюрер велел отпустить фотографа, и таким образом фотографии того, что в ином случае могло показаться невероятным зрелищем, сохранились по сей день.

В Дрездене история повторилась жестоким и зловеще ироничным образом: в хрониках города Дрездена от 1349 года записано, что маркграф Мейсена Фридрих II заживо сжег в этом городе своих врагов. Тогда это были евреи, обвиненные в том, что занесли чуму; и тогда же сожжение происходило на площади Альтмаркт; и по жестокому совпадению удар обрушился также в день карнавала по случаю последнего дня Масленицы.

Собственно говоря, предложения о том, чтобы жертв авианалетов тайно сжигать на открытых площадях, дабы ускорить работу по очистке территории, поступали не в первый раз. В докладе начальника полиции Гамбурга об огненном смерче также описано, как это делать:

> «Чтобы предотвратить эпидемии и по моральным соображениям было решено сжигать тела на месте, где они были обнаружены в районе огненного смерча. Но после обсуждения удалось установить, что опасности эпидемий нет, так что было возобновлено захоронение в общих могилах».

Атаки на Берлин, города Рура и другие промышленные центры германские лидеры были готовы принять как необходимость и неизбежность. Но «варвары», которые совершили атаки Дрездена с такими ужасными последствиями, вызвали потоки брани одного из самых влиятельных партийных вождей.

> «Это дело рук умалишенных, — заявил, как сообщали, рейхсминистр пропаганды доктор Геббельс. — Это работа одного особенного безумца, который признает, что не обладает способностью возводить грандиозные храмы, и поэтому решился показать миру, что, по крайней мере, он специалист по их разрушению».

Доктор Геббельс зашел так далеко, чтобы предложить, чтобы в отместку за Дрезден германские военно-воздушные силы применили отравляющий газ для атаки британских городов. Немцы к тому времени разработали газ, способный проникать сквозь стандартные британские противогазы. Однако словам министра пропаганды, похоже, не вняли.

Однако точно так же, как гораздо раньше союзники узнали ценность пропагандистских кампаний на основании неизбирательных рейдов люфтваффе, доктор Геббельс теперь начал осознавать положительную сторону наступательных действий авиации союзников. Когда бомбили Ковентри, газетам позволялось ставить на первые полосы рассказы о бойне в центре города; в том же году широчайшей гласности было предано заявление голландского

правительства в изгнании о том, что «в мае 1940 года при атаке Роттердама были бесчеловечно преданы смерти 30 тысяч граждан». На самом деле послевоенные расследования в Роттердаме показали, что истинное число убитых было значительно меньше тысячи. Тем не менее британская и американская общественность, игнорируя реальный масштаб гибели людей, к которой привели вражеские атаки, была охвачена праведным гневом по поводу этой очевидной жестокости и не успокоилась до тех пор, пока командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС и 8-я воздушная армия США не стали осуществлять атаки в масштабе, о котором ранее говорилось в этой книге. Так что пропагандистская кампания была способна направить симпатию общественности в русло наступления, которое, будучи проанализировано так, как теперь, — беспристрастно, как однажды выразился доктор Геббельс, заставило бы большинство граждан отречься от него.

Теперь, пусть и несколько запоздало, после американо-британского разрушения Дрездена доктор Геббельс обнаружил также пользу, которую можно было бы извлечь и из пропаганды бомбардировок. В начале четвертой недели марта он запустил умно спланированную кампанию слухов, рассчитанную на то, чтобы сподвигнуть немцев на последнее отчаянное сопротивление захватчикам. С этой целью он намеренно начал распускать слух о списке погибших в Дрездене, число которых в его версии намного превышало любые разумные пределы.

23 марта информация о «совершенно секретной повестке дня» просочилась к некоторым официальным лицам в Берлине, которые не оказались надежными ее хранителями.

> «Для того чтобы противостоять диким слухам, циркулирующим в настоящее время, воспроизводится эта краткая выдержка из заключительного доклада начальника полиции Дрездена о налетах союзников на Дрезден с 13 по 15 февраля 1945 года: „К вечеру 20 марта 1945 года в общей сложности было извлечено 202 040 тел, в основном женщин и детей. Ожидается, что окончательный список погибших даст цифру 250 тысяч жертв. Удалось опознать только 30 процентов из общего числа погибших. Поскольку извлечение

тел невозможно было производить достаточно быстро, 68 650 тел были сожжены; ввиду того что слухи намного расходятся с действительностью, эти цифры можно предать огласке“».

Для высококлассных специалистов национал-социалистической пропаганды было характерно, что они не пытались распространять эти цифры через официальные сообщения в прессе, а только методом этого явно негодующего опровержения преувеличений. Все отвечающие за свои слова власти приводили значительно меньшую вышеупомянутой цифру дрезденского списка погибших. Ни начальник полиции Дрездена, ни его доклад по авианалетам не дожили до конца войны, начальник наложил на себя руки, а доклад никогда не использовался за пределами той фальшивой «повестки дня».

6 мая Ганс Фойгт из отдела регистрации умерших был вызван в Главное управление криминальной полиции в министерстве внутренних дел, где ему были даны указания взять в свое ведение магазины ювелирных изделий и обручальных колец. Национал-социалистическая верхушка города, очевидно, заметала следы и собиралась удрать на запад, но тем не менее хотела быть уверенной в том, что драгоценности не попадут в руки врага. Семь или восемь больших ведер обручальных колец, большей частью золотых, были собраны со всего города. Сам Фойгт не хотел брать на себя ответственность за такое большое количество драгоценностей, на сумму более чем миллион фунтов стерлингов. Так что все они еще оставались на правом берегу реки, когда двумя днями позднее, 8 мая, русские прибыли в город. Это был последний день войны: можно было с уверенностью сказать, что разрушение столицы Саксонии не ускорило ее падение ни на один день.

Красная армия заняла здание министерств, и все собранные драгоценности, обручальные кольца попали в ее руки. Вывезено было также бесценное собрание картин, и среди них «Сикстинская мадонна», которая в последние месяцы войны хранилась в железнодорожном туннеле. В течение одиннадцати лет картинам суждено было находиться в Москве, прежде чем в 1956 году их вернули правительству ГДР.

300 служащих и еще больше работников семи бюро без вести пропавших во всем Дрездене были изгнаны из своих контор, и всякая работа по идентификации была прекращена. Директору Фойгту велели перевезти записи на новое место, в здание муниципалитета в Дрезден-Лейбен. Ему разрешили держать трех служащих в офисе в Дрезден-Лейбен, которые под его руководством работали с оставшимися системами регистрации документов. Всякие попытки продолжить регистрацию новых жертв прекратились, и работа учреждения переключилась на дальнейшую обработку от 80 до 90 тысяч учетных карточек, собранных на известных и неизвестных жертв в месяцы после тройного удара.

Красная армия заняла бывшие офисы отдела регистрации умерших на Нойберинштрассе, как докладывал другой чиновник Центрального информационного бюро без вести пропавших, после чего вывалили в сарай значительное число пачек с карточками и образцами одежды, которые были последней надеждой идентифицировать еще 11 тысяч жертв. Еще через несколько дней эти карточки сожгли из-за их зловонного запаха.

Связь с семью обособленными районами была прервана. Во время интервью с директором Центрального информационного бюро без вести пропавших отдела регистрации умерших советские оккупационные власти, верные своему убеждению в том, что военно-воздушные силы союзников не были эффективным оружием в войне, отказывались признать установленную директором бюро цифру 135 тысяч погибших и, как утверждал Фойгт, «невозмутимо вычеркнули первую цифру».

Случайно, как уже говорилось выше, последние беженцы из провинций к востоку от Дрездена, прибывшие на официально выделенных поездах, выгрузились с них за день до первой из трех воздушных атак союзников. Первый из поездов с беженцами, который планировалось отправить на запад, задержался на несколько дней. По этой причине как раз в ночь тройного удара число жителей в городе оказалось большим, чем когда-либо. Этот фактор, в добавление к самому жестокому огненному смерчу в истории, с неизбежностью дал в результате более солидный список погибших, чем в Гамбурге.

Как и в Гамбурге, огненный смерч в Дрездене охватил самые населенные районы города; из 28 410 домов в центре города (Дрезден

IV, включая районы 1, 2, 5 и 6), как показало расследование в ноябре 1945 года, 24 866 домов было полностью разрушено. Одному дрезденцу, возвращавшемуся в город после налетов, сообщили в Центральном информационном бюро без вести пропавших, что из 864 жителей Зайдницерштрассе, зарегистрированных в полиции к ночи атаки, выжило только восемь; а из 28 жильцов дома № 22 на Зайдницерштрассе, его бывшего дома, выжил только один; все 42 жильца из соседнего дома № 24 погибли. Одного только этого примера более чем достаточно, чтобы показать сокрушительную эффективность тройного удара по Дрездену.

Известно, что в Гамбурге в центре огненного смерча погибло около трети всего населения. В районе Хаммербрук доля случаев фатального исхода во время огненного смерча составила 361,5 на тысячу жителей. Если такой длины список жертв возможен в таком городе, как Гамбург, где были приняты самые строгие меры ПВО, представляется логичным предполагать, скорее всего, большее соотношение случаев фатального исхода во время тройного удара по Дрездену. В городе, неподготовленное население которого было совершенно не обеспечено общественными бомбоубежищами или бункерами, где пожарные команды были бессильны оказать помощь, а отсутствие ПВО давало возможность гораздо более высокой концентрации бомбардировок во времени и в пространстве, чем та, что была в битве за Гамбург, и где, самое главное, тройной удар не потребовал недели напряженных, тревожных дней и ночей, как в Гамбурге, а сразу обрушился на город, все завершилось в течение четырнадцати часов.

В Гамбурге тех, у кого вероятнее всего могли сдать нервы, тех, кто, мешая пожарным или создавая панику, мог тем самым увеличить число жертв, эвакуировали. В Дрездене же до эвакуации было далеко, более того, к тому времени он был переполнен эвакуированными из других германских городов.

Сразу же после авианалетов проявилась обычная тенденция сильно преувеличивать число жертв. В Берлине официальные источники в то время называли цифры от 180 до 220 тысяч погибших: известно, что даже руководящему звену министерства пропаганды сообщали о том, что эта цифра колебалась от 200 до 300 тысяч. Однако несколько дней спустя власти, отвечавшие за спасательные работы в

подвергшихся бомбардировкам городах, называли более скромную цифру — «от 120 до 150 тысяч погибших». Цифра, которая называлась вскоре после налетов, близка к консервативной оценке списка погибших, представленного Гансом Фойгтом из отдела регистрации умерших. С большой степенью определенности можно принять цифру Фойгта 135 тысяч в качестве точной оценки с учетом ограничений, предусмотренных в цифре берлинских властей. Даже число жертв при атаке зажигательными бомбами Токио, предпринятой в ночь с 9 на 10 марта бомбардировщиками «Летающая крепость» командования бомбардировочной авиации Соединенных Штатов, не превысила дрезденский список погибших, хотя неядерная бомбовая атака опять-таки дала в итоге более длинный список погибших — 83 793 убитых, согласно официальным сообщениям Токио, чем тот, которым была отмечена Хиросима с 71 379 жертвами. Токио, конечно, не был столь же слабо защищен, как Дрезден, и ни в одном городе не скопилось столько беженцев в ночь перед его уничтожением.

Часть пятая
НИ ХВАЛЫ, НИ УПРЕКА

Глава 1
РЕАКЦИЯ В МИРЕ

Незадолго до 9.00 утра 14 февраля, когда новые порядки «Летающих крепостей» уже направлялись к Дрездену, министерство авиации выпустило первый подробный информационный бюллетень, объявлявший об осуществлении минувшей ночью атак Королевскими ВВС.

В заявлении, в котором город-цель был обрисован на удивление подробно, министерство авиации подчеркнуло жизненно важное значение Дрездена для врага: в качестве железнодорожного узла и крупного промышленного города он приобрел исключительную значимость в организации немцами обороны против армий маршала Конева. Телефонные службы и средства коммуникации были почти столь же насущно необходимы для германской армии, как и железные и шоссейные дороги, сходящиеся в Дрездене. Здания Дрездена были крайне необходимы войскам и административным учреждениям, эвакуированным из других городов, говорилось в бюллетене. С гораздо меньшей пунктуальностью в заявлении указывалось, что «в числе прочих военных предприятий в Дрездене были огромные цеха по выпуску военного снаряжения в старом Арсенале и огромное количество мелких машиностроительных предприятий, занятых производством всевозможной военной продукции. Там имелись стратегически важные заводы, выпускавшие электромоторы, точные и оптические приборы и химические вещества. Город был сопоставим по размеру с Манчестером». Выпуская бюллетень, министерство авиации давало оценку стратегического значения города и его промышленных сооружений. Эту оценку разведка командования бомбардировочной авиации Королевских ВВС не подтверждала в дни, предшествовавшие атакам, и было более сдержанно в высказываниях относительно столь успешно атакованного города. В еженедельном секретном обзоре, который не предназначался для столь широкого распространения, как бюллетени министерства авиации, командование ограничилось определением Дрездена в качестве города, который приобрел значение цели первого порядка по значимости и высшего

приоритета в качестве пункта управления обороной восточных границ Германии.

В выходящем в 18.00 бюллетене новостей первой новостью, с которой познакомила слушателей британская радиовещательная корпорация, было сообщение об авианалетах на Дрезден. Этот авиарейд расценивался как один из самых мощных ударов, обещанных лидерами союзников в Ялте.

> «Наши летчики докладывают, что при малом количестве зенитной артиллерии в городе они имели возможность совершать точные и прямые полеты над целями, не особенно беспокоясь по поводу противовоздушной обороны».

Примечательно, что открытое признание в этом первом бюллетене новостей того, что рейды на Восточную Германию были обещаны русским, было изъято из главного выпуска новостей в 21.00. Рейд на Дрезден, который рассматривался в качестве «крупного промышленного центра», сравнимого с Шеффилдом, теперь представлялся примером «дальнейшего тесного сотрудничества между союзниками». Когда масштаб дрезденской трагедии стал широко известен во всем мире, и особенно после того, как премьер-министр изложил свой очевидный упрек командованию бомбардировочной авиации союзников за тройной удар, как мы далее увидим, возникли и соблазн, и склонность к тому, чтобы намекнуть, что русские просили об этом рейде. Коммунистические режимы в послевоенный период не упускали возможность и развязать антизападную пропаганду в Восточной и Центральной Германии на основании дрезденской трагедии. И каждый год 13 февраля церковные колокола звонили в этих странах с 22.10 до 23.30 — продолжительность первой атаки Дрездена бомбардировочной авиации Королевских ВВС. К досаде западных союзников, эта традиция распространилась даже на Западную Германию, и именно в попытке прикрыть эту кампанию американский Госдепартамент объявил 11 февраля 1953 года, чтобы предотвратить дальнейшие акции, что «разрушительная бомбардировка Дрездена во время войны была предпринята в ответ на просьбы советской стороны оказывать нарастающую поддержку с воздуха и что она была заранее одобрена советскими

руководителями». В то время как, о чем уже говорилось выше, это заявление фундаментально не противоречило фактам, незамысловатая надежда была на то, что сразу же или в переводе это заявление будет цитироваться как доказательство требования русских атаковать Дрезден, а не просто как уступка. Если надежда действительно возлагалась на это, то американцы не были разочарованы, потому что к февралю 1955 года, десятому году со времени авианалетов, даже солидные газеты, такие как «Манчестер гардиан», были готовы вспоминать такую бомбардировку Дрездена, которая была «совершена британскими и американскими самолетами в результате просьбы советской стороны атаковать важный центр коммуникаций».

В самой Германии первый опубликованный доклад о дрезденском деле появился 15 февраля в коммюнике германского Верховного командования, в котором лаконично сообщалось: *«14 февраля 1945 года.* Прошлой ночью объектом террористических рейдов британцев стал Дрезден».

В германских наиционалистических газетах не было новых прямых упоминаний о налетах или их последствиях вплоть до начала марта. Однако германские радиопередачи на иностранных языках не были столь сдержанными на этот счет, и в эфир хлынул поток обличительной антибританской и антиамериканской пропаганды.

Служба радиоперехвата Би-би-си публиковала во время войны ежедневные конфиденциальные отчеты о радиопередачах как союзников, так и оси Берлин — Рим объемом от 70 до 80 двойных страниц в день. 15 февраля главный обзор перехватов, предваряющий отчет, был необычным в том, что рассматривал только одну тему, реакцию не только Германии, но и нейтральных и союзнических государств на первую новость о налетах на Дрезден. Из передач всех подконтрольных Германии радиостанций сразу стало ясно, что министерство доктора Геббельса сняло все ограничения, эксплуатируя дрезденскую трагедию на полную катушку.

В 3.00 ночи в тот день служба радиоперехвата Би-би-си засекла передачу на арабском языке радиостанции, называвшей себя «Свободная Африка», которая, очевидно, была тайной немецкой радиостанцией:

> «Из Лондона сообщали, что число беженцев в Дрездене чрезвычайно возросло; в то же время британская служба новостей сообщала, что самолеты союзников начали крупнейшую в истории атаку Дрездена. Такие сообщения не требуют комментариев; очевидно, что эти мощные налеты направлены против миллионов беженцев, а не военных объектов».

Это со всей наглядностью показало лицо «так называемого гуманизма союзников», внушала радиостанция, «но терпение; завтрашний день недалек!». В 3.57 ночи официальная телеграфная служба зарубежной информации с горечью комментировала описание Дрездена в качестве главного центра коммуникаций, которое давало Би-би-си. «На фабриках Дрездена в основном производились зубная паста и детская присыпка, — утверждала служба зарубежной информации. — Тем не менее, их бомбили. Как и во всех крупных городах, товарные станции Дрездена располагались на окраинах города; только пассажирская станция находится в центре. Но войска и боеприпасы не перевозятся с пассажирских станций, а только с товарных станций».

Следовательно, атака центра Дрездена не могла быть оправдана с военной точки зрения.

> «Американцы, — продолжали передавать по телеграфу, — которые заявляют, что у них самые лучшие в мире бомбовые прицелы, доказали, что могут точно поражать цели, если захотят. Значит, можно было пощадить жилые районы Дрездена и исторический центр города. Применение зажигательных бомб доказывает, что были намеренно атакованы сокровища архитектуры и жилые районы. Бессмысленно сбрасывать зажигательные бомбы на железнодорожные сооружения; они никогда не использовались для уничтожения железнодорожных сооружений в этой войне».

С оттенком впечатляющего сарказма в бюллетене в заключение обращалось внимание на то, что хотя союзники и утверждали, что

стоят на пороге победы, однако посчитали необходимым испепелить Дрезден и Хемниц. Включение Хемница было характерно для тактики германской пропаганды: хотя, как говорилось выше, атака Хемница была в целом неудачной, доктор Геббельс, как министр пропаганды, давно осознал, что если враг слышал из радиопередач самих немцев, что цель уничтожена, то не будет с такой же настойчивостью предпринимать вторую атаку; Хемниц, с его крупным заводом танковых двигателей, был целью, которая требовала длительной отсрочки.

Нейтральные страны в не меньшей степени ужаснулись от рассказов своих собственных корреспондентов в Германии; некоторые предпринимали попытки позаботиться о том, чтобы немцы также не оставались в неведении о событиях в Центральной Германии, а также информировать оккупированные территории. 15 февраля в 22.15 в бюллетене новостей шведского радиовещания на оккупированную Данию на датском языке объявлялось, что уже есть сведения о том, что от 20 до 35 тысяч человек расстались с жизнью. «Вчера утром откопали тела 6 тысяч жертв». Спустя пятнадцать минут «Новая британская радиовещательная станция», подобная контролируемой немцами радиостанции «Свободная Африка», передала на Англию любопытный пропагандистский опус относительно авиарейдов, содержание которого служба радиоперехватов Би-би-си вновь посчитала необходимым в полном объеме довести до сведения британского правительства:

> «Позапрошлой ночью я сидел с коллегой, который немного понимал по-немецки, и мы слушали специальную радиопередачу на немецком языке. Предполагалось, что эта передача поставит в известность немецкое население о том, какую часть рейха атакуют наши бомбардировщики, — так начал свой рассказ мнимый англичанин. — Диктор-немец время от времени прерывал музыку своим гортанным „Внимание, внимание!“. Затем мой друг переводил то, что он говорил. Должен сказать, мне было чертовски не по себе сидеть тут и слушать о том, как наши бомбардировщики волнами заходят на бомбежку, сбрасывая свой смертоносный груз, чтобы разрушить Дрезден. На минуту я призадумался:

что ж, при такой войне немец не сможет долго продержаться. Но в следующее мгновение я подумал: какому дьяволу все это нужно? Мы тратим бомбы, технику и губим экипажи, которые не возвращаются из этих рейдов. Сами дрезденцы, естественно, от этого ничего, кроме горя, не получат. Единственно, кому это, похоже, на руку, — русские: они получат Дрезден за наш счет.

Меня не слишком волновали соображения гуманности, — без обиняков было сказано в заключение. — В конце концов, мы должны победить в войне. Но я не вижу причины, по которой мы должны идти и убивать людей на пользу одним только русским. А вы?»

На следующий день контролируемое немцами скандинавское телеграфное бюро сообщило, что Дрезден теперь стал «одним большим полем развалин», и добавило, что всякая связь между Дрезденом и остальной Германией прервана. О количестве погибших сообщалось, что их насчитывалось 70 тысяч. Теперь уже и московские газеты сообщали об авианалетах.

Не желая навлекать на себя дальнейшее осуждение мирового общественного мнения, глубоко задетого хлынувшим по телеграфным проводам потоком откликов по поводу судьбы населения европейских городов, в четверг 15 февраля командование американской бомбардировочной авиации благоразумно направило свои самолеты атаковать нефтяные объекты в Руланде и Магдебурге в качестве приоритетных целей. 1100 бомбардировщиков 8-й воздушной армии обязались «совершать налет на нефтяные объекты в соответствии с новыми требованиями». Судьба вновь оказалась неблагосклоннай к Дрездену и Хемницу; видимость над первоочередными целями была слабой, и бомбардировщики повернули, чтобы атаковать цели второстепенные; единственной приоритетной целью, видимость над которой была хорошей, оставался нефтеочистительный завод «Брабаг» в Ротензе, неподалеку от Магдебурга. Однако 210 «Летающих крепостей» повернули от Руланда к Дрездену, где примерно в 12.30 после полудня была сброшена еще 461 тонна бомб, при ориентировке по приборам, в пределах города. Другие бомбардировочные группы, в частности 1-я воздушная дивизия, получили указание рассматривать

Дрезден в качестве второстепенной цели для атаки, но все операции были отменены до вылета. На бомбы, которые были сброшены в районе Дрездена и, должно быть, показались ничтожным событием после уже пережитого городом, население не отреагировало. Можно обратить внимание на то, что 3-я дивизия получила инструкции атаковать «город» Котбус, такую мелочь, о которой еще в американской официальной истории записано как о «сортировочных станциях» Котбуса. На него была сброшена тысяча тонн бомбового груза. Об этой атаке многозначительно сообщалось, что «ее могла наблюдать наступающая Красная армия». Для критиков в Англии, которые, возможно, поддадутся соблазну повторить замечание о том, что эти рейды совершались только для русских, официальный ответ звучит следующим образом: «Восточный и Западный фронты в настоящее время достаточно близки для ударов, нацеленных на германские города между ними, с тем чтобы повлиять на оба фронта одновременно, и цели выбраны с таким намерением».

Командование военно-воздушных сил союзников в штабе Верховного командования во Франции, должно быть, осознавало, что мировое общественное мнение медленно, но верно поддается потоку германских обличений, хлынувшему в результате бойни в Берлине, потом в Дрездене. Но все же именно в это время, 16 февраля после полудня, когда германская пропагандистская кампания шумно приближалась к своей кульминации, командующие уполномочили коммодора авиации, откомандированного в штаб Верховного командования экспедиционных сил в качестве офицера воздушной разведки ACS.2, выступить на пресс-конференции.

> «О действиях авиации в целом, акцентируя особое внимание на авиации противника. Меня не уполномочили обсуждать политику, которая лежит в основе проведения наших бомбардировочных операций. Такая политика была избрана штабами ВВС Великобритании и США в Лондоне и Вашингтоне после того, как она была одобрена на правительственном уровне и не доводилась до сведения разведштабов на моем уровне и на уровне занимаемой мной должности до тех пор, пока в этом не возникла необходимость для выполняемой мной работы».

Согласно тому, что записано в официальной американской истории, новый план союзников, который он обрисовал, предусматривал «бомбардировки крупных населенных городов, а также усилия по пресечению поступления помощи и бегства жителей — все это как часть общего плана приведения к краху экономики Германии».

Отвечая на вопрос, заданный ему одним из журналистов, коммодор авиации вспоминает, что, кажется, сослался на голословные утверждения немцев о «террористических рейдах» — он тогда занимался разведывательной деятельностью по германским операциям, — и, однажды произнесенное, слово запомнилось корреспонденту Ассошиэйтед Пресс. В течение часа послание корреспондента агентства передавалось по парижскому радио и по телеграфу в Америку для того, чтобы попасть в утренние газеты: «Шефы авиации приняли долгожданное решение согласиться на произвольные террористические бомбардировки германских городов с мирным населением как на безжалостный способ приблизить гибель Гитлера. Новые налеты, такие, как недавно исполненные тяжелыми бомбардировщиками ВВС союзников на жилые кварталы Берлина, Дрездена, Хемница и Котбуса, уготованы немцам с явной целью создать еще большую неразбериху на шоссейных и железных дорогах нацистов и подавления их морального духа. Развязывание тотальной воздушной войны против Германии стало очевидным после беспрецедентной атаки среди бела дня переполненной беженцами столицы».

Таким образом, в какой-то исключительный момент то, что можно было назвать «маской» командования бомбардировочной авиации союзников, похоже, было сброшено. Послание, которое, конечно, было в высшей степени тенденциозной версией более скромного высказывания коммодора авиации, передавалось по всей освобожденной Франции, разнеслось авиацией по Америке на первых полосах газет. Не только командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС, на воздушные наступательные операции которых давно с подозрением смотрели в Соединенных Штатах, но и собственная стратегическая авиация ВВС США теперь уже совершала террористические рейды против германского гражданского населения. Ко времени, когда в Америке разнеслась эта новость, многие люди

только что с недоверием прослушали радиопослание, переданное через Атлантический океан германскими радиопередатчиками, в котором осуждался крупный налет американских бомбардировщиков на Берлин 3 февраля:

> «Генерал Спаац знал, что немцам пришлось мобилизовать всю свою изобретательность, чтобы справиться с задачей обеспечения питанием и кровом беженцев, не участвовавших в боевых действиях. Сотни тысяч из них бежали от организованного варварства и терроризма коммунистической Красной армии, вторгшейся в Восточную Германию. Генерал Спаац также знал, что все наличные военно-воздушные силы Германии сосредоточены на Восточном фронте, чтобы противостоять потоку наступающей Красной армии, которая угрожает уничтожением Германии и всей Европы. Это акты исключительной трусости».

Теперь злобная пропаганда из Берлина, очевидно, получила подтверждение из официального объявления Верховного командования; британские слушатели удачно избежали этой дилеммы: британское правительство, которое получило информацию из пресс-конференции Верховного командования в 19.30 17 февраля, наложило полный запрет на публикацию послания.

Эту новость довели до сведения генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра и генерала Генри Г. Арнольда. Оба были обеспокоены не только тем, что эта история получила такое широкое освещение, но также и тем, что американские воздушные наступательные операции, которые они считали направленными лишь на точечные военные объекты, так громогласно представлены в ином свете. Генерал Арнольд телеграфировал Спаацу, чтобы тот проверил, действительно ли есть существенная разница между слепым бомбометанием по радару по военным объектам в населенных районах и «террористической» бомбардировкой, такой, о которой говорится в коммюнике Верховного командования — как об этом сообщило Ассошиэйтед Пресс, — где утверждается, что американцы имеют к этому отношение. Генерал Карл Спаац ответил несколько туманно, что он не отступал от

исторических традиций американской политики в Европе — даже в случае с рейдом на Берлин 3 февраля или налетом на Дрезден 14 февраля. Эта дискуссия и ее последующее объяснение удовлетворили генерала Арнольда, и расхождение во мнениях было сглажено.

Генерал Карл Спаац снял с себя бремя ответственности за налеты на Дрезден и их последствия, и как раз вовремя. Его заверения в том, что стратегические ВВС США атаковали только военные объекты, как всегда, успокоили и Арнольда и Эйзенхауэра.

Однако германское правительство в известном смысле отдавало себе отчет в том, что ни у мировой, ни, конечно, у германской общественности не было намерения упускать важную пропагандистскую деталь о том, что в действительности произошло в столице Саксонии. Сама манера, в которой был выпущен доклад штаба Верховного командования экспедиционных сил союзников, а потом поспешно придержан, а также запрет британского правительства говорили о том, что в послании Ассошиэйтед Пресс, которое к тому времени достигло Берлина через Швецию, содержалось информации больше, чем лежало на поверхности.

В то время как по данному поводу многие немцы, исполненные сознанием долга, относительно налетов союзников на германские города говорили на стандартном национал-социалистическом жаргоне как о «террористических рейдах», теперь уже многие готовы были поверить, что, вероятно, таковыми они в действительности и являлись. Ясно, что если британское правительство отказывалось сказать британскому народу, что делается от его имени командованием бомбардировочной авиации Королевских ВВС, то германское правительство должно было принять необходимые меры, чтобы заверить свой народ в том, что правду от него не утаивают. Уильяму Джойсу, диктору антибританской пропагандистской машины германского правительства, были даны указания включить в свой следующий выпуск передачи «Сообщения и мнения» вещания на Англию выступление о Дрездене. И опять служба перехвата Би-би-си посчитала необходимым передать полный текст выступления своему правительству.

В 22.30 18 февраля знакомый и ненавистный голос «Говорит Германия» приступил к выполнению задачи по информированию британцев о террористических рейдах на Дрезден. Немцы, увы, не

могли выбрать менее заслуживающего доверия диктора, если хотели повлиять на британское общественное мнение.

> «Британские пропагандисты хвалятся, что, атакуя такие города, как Дрезден, Королевские ВВС и ВВС США сотрудничают с Советами. Они не помнят ни одного случая, когда бы советское Верховное командование озаботилось тем, чтобы присоединить свои усилия к усилиям британцев. Кстати, штаб Эйзенхауэра теперь выпустил глупое и наглое опровержение очевидного факта о том, что бомбардировка германских городов имела террористическую мотивацию. Представители Черчилля как в прессе, так и на радио, фактически, гордились воздушными атаками Берлина и Дрездена, беженцев с востока. Британские журналисты написали, будто убийство германских беженцев было первоклассным военным достижением. Никогда не забуду, как, упоминая об атаке Дрездена, один диктор Би-би-си радостно вещал: „Сегодня в Дрездене уже нет изящного фарфора“. Может быть, это было сказано в шутку, но какого сорта шутка? Я далек от того, чтобы привносить сентиментальную ноту в мрачную и темную реальность этого этапа грандиозной борьбы, предназначение которой состоит в том, чтобы решать более серьезные задачи, чем судьбу фарфора…»

Джойс завершал свою передачу перечислением сокровищниц архитектуры, разрушенных в Дрездене, а также рассказами о судьбе беженцев.

Перед лицом этого массированного вала пропаганды всех подконтрольных немцам радиостанций в Европе единственным ответным обвинением союзников был вклад французов через их передачу на немецком языке «Радио Бир Хакейм»; вещая на Германию, оно объявило, что во время авианалета на Дрезден были наспех организованы пожарные команды, состоящие из членов гитлерюгенда и пожилых людей: «Вместо долгожданного пожарного оборудования им дали ружья, привезенные на станцию, и заставили отправляться на фронт, не попрощавшись с близкими».

Помимо болезненно очевидной подробности о том, что дрезденский вокзал, так же как и все ведущие на фронт пути, должен был быть полностью уничтожен, многие согласятся, что было время, когда германская радиопропаганда имела явное преимущество перед передачами из Франции и других союзных стран.

Второе коммюнике штаба Верховного командования экспедиционных сил союзников, в котором первый доклад был официально отозван, вышло в субботу 17 февраля. К сожалению, инструктирующий офицер, в данном случае не тот самый коммодор авиации, что прежде, изображал убийство беженцев как случайность: бомбардировка объектов в Германии преследовала единственную цель — разрушить города, являвшиеся транспортными или нефтяными центрами. Атака Берлина была предпринята, чтобы нарушить коммуникации в столице; налет на Дрезден имел ту же цель. По чистой случайности во время налетов Дрезден был заполнен беженцами. Реакция немцев была быстрой и резкой. «С тех самых пор, как главком авиации маршал Харрис, командовавший британской бомбардировочной авиацией, заявил, что главная цель налетов состояла в том, чтобы подорвать моральный дух граждан Германии, с тех пор, как британский премьер-министр нарисовал мрачную картину Германии, где голод и эпидемии погубят врагов Британии, так же как и авианалеты, — с горечью комментировала германская телеграфная служба 19 февраля, — нет сомнения в том, что военные преступники из штаба Верховного командования экспедиционных сил хладнокровно отдали приказ на ликвидацию ни в чем не повинного германского общества террористическими рейдами с воздуха».

По мере того как антибританская и антиамериканская кампания набирала обороты, а Швеция, Швейцария и другие нейтральные страны начали печатать по всему миру жуткие описания того, что союзники сотворили с Дрезденом, бесконечные обвинения германской информационной машины в том, что командование бомбардировочной авиации Королевских ВВС совершало чисто террористические налеты на германских мирных граждан, подвергались поразительной трансформации в британском правительстве, которое, конечно, имело все основания знать правду об атаке Дрездена, предпринятой командованием бомбардировочной авиации.

Глава 2
БОЛЬШОЙ ВОПРОС

Quelle: Deutsche Fotothek

Несмотря на озабоченность американского секретаря по военным вопросам относительно общественного мнения о дрезденской трагедии, последующая американская дневная атака была произведена 2 марта 1945 года 3-й воздушной дивизией стратегической авиации США. Более 1200 бомбардировщиков в сопровождении всех

пятнадцати групп истребителей стартовали вскоре после 6.30 утра, чтобы атаковать нефтеочистительные заводы в Магдебурге, Руланде и Белене, а также танковый завод в Магдебурге. И снова в связи с неблагоприятной для точных атак погодой было доложено, что сортировочные станции в Дрездене и Хемнице атакованы в качестве второстепенных целей. Было отмечено, что в Дрездене атака продолжалась с 22.26 до 11.04 утра, бомбардировщики пролетали над городом в пять заходов и, очевидно, атаковали столько же различных целей. Местные наблюдатели налетов предполагали, что атака предназначалась для уничтожения железнодорожной линии Дрезден — Пирна, но что маркировочные дымовые ракеты, выпущенные самолетом «следопытов», были отнесены ветром.

Присутствие всех 15 групп истребителей в этой операции указывало на масштаб, которого достигло последнее сопротивление, оказываемое внушавшими трепет немецкими реактивными Ме-262. Немцы подняли в воздух три большие группы истребителей и направили их в Берлин, ошибочно ожидая атаки на столицу рейха. В конце концов 75 из них взяли курс на Дрезден и близлежащий район Руланда, где «Летающие крепости» 3-й воздушной дивизии были брошены в атаку. В 22.17, все еще в девяти минутах лета до собственно Дрездена, первые боевые порядки реактивных истребителей атаковали ведущую эскадрилью бомбардировщиков, в то время как более медленные истребители с поршневым двигателем атаковали замыкающие группы, выманивая американские истребители сопровождения с передовых позиций. 35 реактивных истребителей, атаковавших головные бомбардировщики строя, сделали полубочку и атаковали эскадрильями по три реактивных истребителя в каждом, окружая со всех позиций и уровней. К 22.35, когда реактивные истребители удалились и когда стало заканчиваться топливо, были уничтожены шесть главных самолетов бомбардировочной группы. Остальные 406 бомбардировщиков, как было зафиксировано в отчете 8-й воздушной армии, «атаковали „сортировочные станции в Дрездене“».

Однако в отчетах отдельных бомбардировочных групп говорится, что, как и до этого, упоминание сортировочных станций просто подразумевало бомбардировку территории города. Так, 34-я бомбардировочная группа, оснащенное радарами соединение

«следопытов», которая подверглась яростной атаке реактивных истребителей, находясь в ведущей эскадрилье, нашла свою оптимальную точку нанесения удара — в центре города, и ведущий бомбардир отметил, что указанной целью атаки (согласно его личному бортовому журналу) было полное уничтожение города. Подобным же образом фотографии цели, сделанные 447-й бомбардировочной группой, с одной стороны, показывали город-цель более чем на три десятых закрытый облаками, с другой — ковровую бомбардировку самолетами группы, на этот раз с использованием 228 200-килограммовых фугасных бомб и 144 200-килограммовых фунтовых зажигательных бомб, сдетонировавших в округе Дрезден-Юбигау, в 3 километрах от ближайших сортировочных станций, а также вид на большой лагерь британских военнопленных. Значительная часть пленных из контингента лагеря добровольно вызвались помогать в спасательных работах в горящих домах.

У других бомбардировочных групп был столь же широкий разброс в выборе цели, если они действительно предполагали бомбить только сортировочные станции Дрезден-Фридрихштадта. Все локализации следов от бомб, как сообщалось, были отмечены в районах на значительном удалении от станций. В отчете 390-й бомбардировочной группы по миссии 266 объяснялось, что экипажи были отозваны от атак нефтяных объектов, чтобы атаковать крупный дрезденский железнодорожный узел, который бомбили недостаточно сильно. 100-я бомбардировочная группа докладывала о «достаточно результативной» атаке «заводского района» Дрездена в качестве второстепенной цели, после неудачной попытки бомбить нефтеочистительный завод в Руланде.

Повреждения были обширными по всему городу, единственным достойным упоминания успехом было потопление теплохода «Лейпциг», приспособленного под судно-госпиталь, чтобы принять тысячи раненых во время налетов на Дрезден две недели назад. Серия бомб накрыла теплоход, разнесла корму; теплоход медленно тонул, объятый огнем, спаслись немногие. В другом случае серия бомб разрушила лагерь русских подневольных рабочих в Лаубегасте.

Немцы все еще вовсю спекулировали на дрезденских налетах, хотя число погибших в списке, который они обнародовали, все еще намеренно занижалось. Несмотря на это, в близких Берлину кругах

всего через несколько дней после налета называли цифру более чем 300 тысяч погибших, зарегистрированных в списке. Однако берлинские власти, отвечавшие за материальную помощь в подвергшихся бомбежке городах, исходили из количества от 120 до 150 тысяч погибших в Дрездене. И хотя число сваленных в общие могилы в Дрездене уже перевалило за 30 тысяч, уже в марте 1945 года в немецких пропагандистских листовках, сброшенных в Италии, все еще говорилось о «10 тысячах убитых беженцев из числа детей». На одной стороне такой листовки был снимок, запечатлевший жуткое зрелище двух сгоревших бесформенных детских трупов из дрезденских развалин. Фотографию невольно сравниваешь с появившимися позднее даже еще более ужасными фото жертв рейха, обнаруженных в германских лагерях смерти. На другой стороне изображено вручение ордена Белого пера генералу Дулиттлу и такой текст:

> «Жители Дрездена, включая военнопленных и иностранных рабочих, настоящим награждают орденом Белого пера и символом Желтого сердца генерал-лейтенанта ВВС Соединенных Штатов Джеймса Дулиттла за выдающуюся трусость — и за то, что он проявил себя как садист».

6 марта германская пропагандистская кампания добилась в Лондоне успеха, о котором доселе не могла и мечтать: таким счастливым случаем была первая полновесная дискуссия о наступательных действиях авиации с февраля 1944 года, когда епископ Чичестера поднял вопрос о воздушной бомбардировке гражданских объектов в Европе.

На этот раз, когда Ричард Стоукс взял слово в 2.43 дня, у него было преимущество более благосклонного отношения к вопросу британской общественности, чем раньше. Хотя было известно, что доктор Белл, епископ Чичестера, получил сотни писем в поддержку своей точки зрения в палате лордов, в феврале 1944 года он вел дебаты на пике бомбардировок Лондона и его общественное мнение было против епископа.

В марте 1945 года, когда на горизонте забрезжил конец войны и с единственной угрозой в виде «Фау-2», общество было более чувствительно к ужасающим описаниям последствий этих налетов, которые пересказывали в британских ежедневных газетах корреспонденты в Женеве и Стокгольме. Когда мистер Стоукс поднялся для выступления, госсекретарь по авиации сэр Арчибальд Синклер демонстративно встал с места и покинул палату. Он ни за что не хотел возвращаться, даже когда Стоукс обратил внимание присутствовавших на его отсутствие. Ричард Стоукс, следовательно, был обязан начать свою речь, одну из самых ярких речей в политической истории наступательных действий авиации против Германии, фактически, в отсутствие самого выдающегося свидетеля защиты.

В своей речи он вернулся к теме, которую последовательно поднимал с 1942 года; его не убедила повторяющаяся настойчивость по поводу точности атак бомбардировочной авиации. Он также сомневался в преимуществе того, что, как объявил, будет называть «стратегической бомбардировкой», и выразил мнение, что обращает на себя внимание, что русские, похоже, не занимаются «ковровыми бомбардировками». Он видел их преимущество в том, что они могли сказать, что именно западные капиталистические страны совершали все эти грязные деяния, в то время как советские ВВС ограничивались действиями бомбардировочной авиации в том, что мистер Стоукс называл «тактической бомбардировкой». Делая эти замечания, он демонстрировал поразительное предвидение, как показали послевоенные годы.

Вопрос состоял в том, было ли на этом этапе войны беспорядочное бомбометание по крупным населенным городам правильной политикой. Он зачитал перед палатой отрывок из отчета в «Манчестер гардиан», в котором за основу было взято телеграфное донесение немцев, содержащее информацию о том, что десятки тысяч дрезденцев оказались погребенными под руинами города и что даже попытка идентификации жертв становилась безнадежной.

> «Что произошло вечером 13 февраля? — вопрошала газета. — В Дрездене находилось до миллиона человек, включая 600 тысяч подвергшихся бомбежке эвакуированных

> и беженцев с востока. Неистовый огонь, который беспрепятственно распространялся по узким улицам, привел к гибели огромного числа людей, оставив их без кислорода».

Стоукс язвительно поинтересовался, не странно ли, что русские демонстрируют способность брать крупные города, не разнося их на куски, а потом задал вопрос, который явно озадачил даже премьер-министра:

> «Что вы собираетесь найти, при всех городах, взлетевших на воздух, и при свирепствующих эпидемиях? Возможно ли будет остановить или преодолеть эпидемии, грязь и нужду, которые затем последуют? Очень хотелось бы знать, отдают ли себе отчет об этом на данном этапе? Когда я слушал, как министр [сэр Арчибальд Синклер говорил] о „крещендо разрушений“, подумал, что за великолепное выражение для главы кабинета министров Великобритании на этой стадии войны».

Стоукс обратил внимание на послание в Ассошиэйтед Пресс из штаба Верховного командования экспедиционных сил и, фактически, зачитал его полностью. При этом оно было записано для будущих поколений. Он опять задал вопрос, который задавал раньше: «Являются ли теперь террористические бомбардировки частью официальной правительственной политики?» Если да, то почему тогда решение штаба Верховного командования принято, а потом отозвано? И почему это, несмотря на донесения, переданные по «Радио Парижа», опубликованные по всей Америке и даже пересланные для германского народа, британский народ «единственный, кто, вероятно, не знает, что делается от его имени?» Это было «совершенным лицемерием» — говорить одно и делать другое. В заключение мистер Стоукс утверждал, что британское правительство проклянет тот день, когда дало разрешение на эти рейды, и что рейды лягут на всех несмываемым «позорным пятном». Эти настроения были вдвойне значимы по той причине, выражаясь более формальным языком, что им суждено было вновь появиться в записке, адресованной премьер-министром своим начальникам штаба, предлагающей командованию

бомбардировочной авиации пересмотреть «террористическую» кампанию.

Мистер Ричард Стоукс завершил свою речь к 3.07 дня 6 марта, но ему пришлось ждать до 7.50 вечера ответа от правительства. Командующий Брабнер, помощник министра авиации, ответил за Синклера, хотя последний к тому времени вернулся на свое место. Он указал, что, хотя доклад штаба Верховного командования был получен в Лондоне 17 февраля, его почти сразу же отвергли. Однако он также указал, что ему вовсе не хотелось бы признавать доклад: «Мы не тратим бомбы или время на чисто террористические тактики. Не к лицу достопочтенным членам парламента приходить сюда, в палату, и предполагать, что великое множество маршалов авиации, летчиков или кто-нибудь еще сидят и обдумывают, сколько им убить немецких женщин и детей».

Один любопытный аспект загадки послания штаба Верховного командования остается неразрешенным: когда циркулировало донесение Ассошиэйтед Пресс и в Лондоне появились возражения на его публикацию, первой реакцией штаба Верховного командования было то, что его нельзя отозвать, поскольку оно представляет официальную политику штаба Верховного командования экспедиционных ВВС. На это замечание, подкрепленное обещанием предоставить документальные свидетельства, сам сэр Арчибальд Синклер почувствовал себя обязанным ответить: донесение, конечно, не соответствовало действительности, и мистер Стоукс мог бы получить сведения от него.

Так завершились последние послевоенные дебаты относительно политики командования бомбардировочной авиации; британское правительство смогло уберечь свой секрет с того дня, как первый авианалет на территорию был совершен в отношении Маннхейма 16 декабря 1940 года, вплоть до самого конца войны.

Такая же буря разразилась вокруг Дрездена и рейдов на Берлин в Вашингтоне. Это были не яростные парламентские дебаты, характерные для Лондона, а более сдержанный обмен письмами между политическими и военными лидерами. 6 марта генерал Г. С. Маршалл получил указания ответить на запрос американского секретаря по военным вопросам Генри Стимпсона, извещая его о «важности Дрездена в качестве транспортного узла», а также о характере

«просьбы» русских по его нейтрализации. Нет записей о том, был ли ответ Маршалла убедительным или удовлетворительным. На основании послевоенных исследований американский историк военно-воздушных сил Джозеф У. Эйнджел-младший предположил, что Дрезден несомненно был важным военным объектом. Хотя никаких документальных свидетельств не было представлено в качестве доказательства существования какой-либо просьбы советской стороны конкретно в отношении Дрездена как цели для атаки. Понятное дело, что генерал Маршалл слишком преувеличил содержание оригинального меморандума советского генерала Антонова в Ялте, который особо упоминал два европейских населенных центра, но не Дрезден. В Вашингтоне разногласия утихли мирно и за закрытыми дверями.

В действительности американцы позднее самостоятельно предприняли свою крупнейшую атаку (572 самолето-вылета) сортировочных станций в Дрездене 17 апреля — рейд, о котором не упоминает официальная американская история.

Однако в Лондоне неофициальные дебаты не утихали, и, когда первые донесения стали поступать в Лондон из нейтральных источников, они, фактически, усилились. Между 22 и 24 марта одна из ведущих цюрихских газет опубликовала три статьи швейцарского очевидца налетов на Дрезден. Швейцарцы составляли солидную часть населения города. После налета этому швейцарцу удалось бежать на родину в Швейцарию и рассказать там о пережитом. Его воспоминания стали одним из первых подробных описаний последствий атаки и подтверждались из не вызывающих сомнений источников. Из его информации следовало, что в городе не было бомбоубежищ, он оказался беззащитен против ударов с воздуха и в нем не было военных объектов. Известно также, что 22 февраля представитель Международного Красного Креста посетил Дрезден, чтобы узнать о судьбе военнопленных, и в его отчете вполне могла быть и другая информация, а не только сведения о числе жертв среди пленных.

В послании штаба Верховного командования экспедиционных ВВС подразумевалось, что новая политика бомбардировочного террора была разработана неназванными «главами союзных ВВС», как явствует из слов их политических лидеров. Это предположение

окажется полезным, когда в послевоенные годы наступит время призвать к ответу за развязывание войны, которую часть европейского сообщества, несомненно, захочет рассматривать в том же свете, что и злоупотребления держав оси Берлин — Рим.

Идея, заложенная в послании штаба Верховного командования экспедиционных ВВС, состояла в том, что обвиненные в жестокости бомбардировочных атак не доставят особых хлопот тогда, когда первоочередная необходимость в бомбардировщиках останется в прошлом. Официальные историки отмечали: «Премьер-министр и другие представители властей, похоже, ушли от темы [стратегии наступательных действий авиации], как будто она была им неприятна и как будто они забыли свои собственные недавние усилия, для того чтобы начать и продолжать наступательные действия».

28 марта премьер-министр подписал проект документа на предмет проведения непрерывных наступательных действий авиации против германских городов и направил его начальникам штаба: он явно находился под сильным впечатлением от донесений, поступивших в правительство, о волнах потрясений, прокатившихся по цивилизованному миру по поводу атак восточногерманских густонаселенных городов.

> «Мне кажется, — писал он, — что наступил момент, когда вопрос о бомбардировке германских городов просто ради развязывания террора, хотя и под другим предлогом, должен быть пересмотрен. В противном случае мы придем к тому, что будем контролировать полностью разрушенную страну. Мы, например, не сможем взять из Германии строительный материал для собственных нужд, потому что некоторые временные запасы придется сделать для самих немцев. Разрушение Дрездена продолжает оставлять большое сомнение в необходимости проведения союзниками бомбардировок. Я придерживаюсь того мнения, что военные цели должны впредь изучаться более серьезно скорее в наших собственных интересах, чем в интересах противника.
>
> Министр иностранных дел разговаривал со мной на эту тему, и я считаю, что необходимо более целенаправленно сосредоточиться на военных объектах, таких как нефтяные

заводы и средства коммуникаций непосредственно за зоной боевых действий, а не просто на акциях террора и беспорядочном разрушении, пусть и впечатляющих».

Это был, конечно, примечательный документ. Две возможные его интерпретации дали в то время тем, кто был знаком с его содержанием. Либо документ был наспех написан среди накала и сумятицы великих событий и тогда, когда премьер-министр, испытывая в отношении себя давление, просто записал то, что стало уроком после дрезденских событий, либо он мог быть истолкован как тщательно сформулированная попытка возложения ответственности за Дрезден на последующие поколения; или же он мог быть истолкован как тщательно сформулированная оценка командования бомбардировочной авиации и сэра Артура Харриса.

Каким бы ни был мотив премьер-министра для написания этого документа — и представляется более приемлемым принять первый, чем второй из обозначенных выше вариантов, — премьер-министр теперь ясно дал понять, какого он придерживается мнения. В то время как мистер Ричард Стоукс в палате общин говорил о Дрездене как о вечном «позорном пятне» британского правительства, премьер-министр выступил с упреком в адрес бомбардировочного командования.

К чести начальника штаба ВВС, он не был склонен принимать этот документ в том виде, в каком он был изложен, и премьер-министр вынужден был составить второй. Вполне могло оказаться, что премьер-министр не уловил смысл, который был вложен в первый проект документа. В течение нескольких дней высшим офицерам командования бомбардировочной авиации стало известно о существовании этого документа, хотя есть некоторые сомнения в том, был ли поставлен в известность сам сэр Артур Харрис. Сэр Роберт Сондби, в качестве представителя Харриса в Хай-Уайкомб, ежедневно разговаривал по телефону с шифровальным устройством с сэром Норманом Боттомли, и не исключено, что во время одного из таких неформальных совещаний заместитель начальника штаба ВВС рассказал Сондби о том, что представлял собой документ премьер-министра. Во всяком случае, Сондби хорошо помнит удивление и испуг, которые охватили штаб ВВС по поводу того, что, как они

понимали, имел в виду премьер-министр: он был намеренно введен в заблуждение своими военными советниками. Что особенно удивило штаб ВВС, как позднее вспоминал Сондби, так это предположение о том, что командование бомбардировочной авиации вело исключительно терроризирующие наступательные операции по своей собственной инициативе, «хотя и под другим предлогом».

Официальные историки обращаются к этим «жестким словам премьер-министра, хотя и не по соображениям морали, все-таки он сам внес большой вклад в стимулирование осуществления этого [налета на Дрезден]».

> «Для начальников штаба, — говорил Сондби, — это выглядело так, будто была попытка со стороны премьер-министра сделать вид, что он никогда не давал указания по этому поводу и даже не высказывался в пользу чего-либо в этом роде. Создавалось впечатление, что написанное премьер-министром отдает фальшью ввиду того, что он говорил и делал до этого. Он скорее поддался вспышкам эмоций, которые вполне уместны в разговоре, но не в письменном документе. Он может навести людей на предположение о том, что сам премьер-министр был введен в заблуждение военными советниками и уступил политике терроризирующих бомбардировок, потому что они представили ее в „военном“ обличье. Однако на данном этапе премьер-министр стал смотреть на то, что будет после окончания войны».

Именно это возможное последствие вызывало возражение начальников штаба. Они были полностью согласны с главным выводом документа.

Остановившись на твердой позиции против формулировок этого документа от 28 марта, начальники штаба — и офицеры командования бомбардировочной авиации, которые в конце концов узнали обо всей этой истории, — были вдвойне удивлены, когда премьер-министр почти сразу же отозвал документ.

> «Мы все думали, что это было очко в его пользу, — говорил далее сэр Роберт Сондби. — Он был достаточно великим человеком, чтобы сделать это».

Ввиду возражений штаба ВВС по поводу его первого документа премьер-министр написал второй, в более осторожных выражениях, чем первый. Он опустил всякие прямые ссылки как на Дрезден, с одной стороны, так и на преимущество «терроризирующих бомбардировок» — с другой.

> «Мне кажется, — писал премьер-министр 1 апреля, — что наступил момент, когда вопрос о так называемых „бомбардировках по площади“ применительно к германским городам должен быть пересмотрен с точки зрения наших собственных интересов. Если мы возьмем под свой контроль полностью разрушенную страну, то будем испытывать огромный недостаток в средствах размещения для нас и наших союзников: и мы не сможем взять строительный материал из Германии для собственных нужд, потому что некоторые временные запасы придется сделать для самих немцев. Мы должны смотреть на это так, что наши атаки не могут не причинить нам самим большего вреда на дальнюю перспективу, чем тот, который они наносят существующей военной экономике противника. Прошу вас высказать свою точку зрения».

Этот документ был принят штабом ВВС без оговорок. Как отметил сэр Роберт Сондби, во всяком случае, он полностью совпадал с их собственным мнением. Немедленная реакция премьер-министра, конечно, согласуется с той точкой зрения, что его первоначальное высказывание не понималось как нападки на кого-либо, и он был в значительной мере удивлен тем, как оно было интерпретировано.

Уместно будет вспомнить, как 26 января премьер-министр спросил министра авиации, не следует ли считать Берлин и, конечно, другие крупные города Восточной Германии особенно привлекательными целями. Именно как прямое следствие этого запроса сэру Арчибальду Синклеру — запроса, который премьер-

министр не включил в свои мемуары, — сэр Артур Харрис был проинструктирован обратить внимание на Дрезден, Лейпциг и Хемниц.

Точка зрения министра иностранных дел на бомбардировки, как отражено во втором пункте первоначального варианта документа, направленного начальникам штаба, тоже была примечательным поворотом на 180 градусов: за три года до этого, в письме министру авиации от 15 апреля 1942 года, мистер Энтони Иден выразил твердую поддержку атакам германских городов, даже несмотря на то, что в них не было стратегически важных целей.

> «Психологическое воздействие бомбардировок не имеет большого военного или экономического значения в связи с конкретной целью; оно обусловлено исключительно степенью произведенных разрушений и дезорганизации… Поэтому я хотел бы рекомендовать, чтобы при выборе целей в Германии рассматривались претензии более мелких, не слишком сильно защищенных городов с населением менее 150 тысяч жителей, даже если в этих городах только объекты второстепенной важности».

Сэр Артур Харрис утверждает, что не был информирован о содержании первого документа премьер-министра и ни разу в послевоенные годы не привлекал общественное внимание к роли, которую сыграл сам премьер-министр в организации налетов на Дрезден. Характерно, что, даже когда его лично проинформировали, что в официальную историю включено свидетельство того, каким образом премьер-министр открещивался от такого рода операции, он сначала отказывался этому поверить.

В своих мемуарах премьер-министр отзывается о трагической бойне в Дрездене в следующих выражениях:

> «Мы совершили массированный налет в прошлом месяце [феврале] на Дрезден, который тогда был центром коммуникаций германского Восточного фронта».

Не было предпринято никаких попыток рассказать о том, насколько огромны были личные трагедии людей, проживавших в

городе, так же как и о противоречивой подоплеке и последствиях налета, хотя в его мемуарах на первый план выносится его решительность в том, чтобы убедить генерала Эйзенхауэра не строить планов захвата Дрездена американскими войсками. Сэр Артур Харрис был командующим, который не был ни злобным, ни необузданным, и, даже если бы он знал о характере документа от 28 марта, который премьер-министр намеревался адресовать начальникам штаба, вряд ли главнокомандующий бомбардировочной авиацией высказал о нем свое мнение.

За 18 лет, прошедших со времени дрезденских событий, действительно довольно редко сэр Артур Харрис высказывался в печати о роли, которую играл он и его доблестная авиация в победе в войне; не столь скупы на слова были его критики, которых великое множество. Послевоенное социалистическое правительство, которое отказывалось признавать официальное донесение на том основании, что оно содержало статистические приложения, особенно сильно негодовало в отношении человека, который завоевал такое обожание и уважение у своих подчиненных и который неизбежно в ходе войны ссорился со многими руководителями социалистической партии, а вышел победителем, как мог сделать только сэр Артур Харрис.

Когда заместитель премьер-министра военного времени Клемент Эттли писал в 1960 году, что Харрис «никогда не был настолько хорош», и настаивал, что «за всю эту атаку их городов» не пришлось бы заплатить так дорого, когда бы он более эффективно использовал свои бомбы, и «он мог бы сосредоточиться на военных целях», сэр Артур Харрис резко ответил:

> «Стратегия бомбардировочных сил, которую критикует эрл Эттли, была утверждена правительством ее величества, руководителем которого большую часть войны был он [эрл Эттли]. Было принято решение бомбить промышленные города ради эффекта воздействия на моральный дух и значительными силами, прежде чем я стал главнокомандующим бомбардировочной авиацией».

Ни один главнокомандующий не был бы уполномочен принять такие решения, однако, будучи опытным человеком, он мог доказать,

что способен их выполнить. Даже тогда, как впоследствии признавал сэр Артур Харрис, он выражал глубокое сожаление в связи с тем, что был втянут в участие в сомнительной бомбардировке населенных пунктов.

В палате общин у сэра Артура Харриса не было недостатка в защитниках. Многие бывшие офицеры командования бомбардировочной авиации и личный состав были в числе новых членов парламента и вернувшихся к выборам 1946 года. Один из них во время длительных дебатов 12 марта 1946 года обратил внимание общественности к тому, что беспокоило многих в командовании бомбардировочной авиации во время войны. Он поставил на подробное рассмотрение вопрос о том, были ли оправданы с военной точки зрения операции командования бомбардировочной авиации во время Второй мировой войны, и затем сказал:

> «Это дело запечатлелось в моей памяти тем примечательным фактом, что при заключительном чествовании в конце прошлого года, при зачитывании наградного списка в связи с Новым годом, фамилия главного застрельщика командования бомбардировочной авиации, сэра Артура Харриса, подозрительно отсутствовала. Я знаю, и со мной многие согласятся, что в наградном списке шесть месяцев назад главнокомандующий бомбардировочной авиацией был удостоен ордена Бани I степени. Но он ушел в отставку из Королевских ВВС, не получив никакой благодарности от общества за работу — не ту, что он выполнил сам, а за ту, которую его командование выполнило под его руководством. Он уехал из страны, надев котелок, в Америку [по пути в Южную Африку], так и не включенный в итоговый наградной список. У людей, служивших в командовании бомбардировочной авиации, есть ощущение, что то, что выглядит как унижение главнокомандующего, фактически, является унижением тех, кто служил в командовании и, конечно, тех, кто понес тяжелые потери. Мы чувствуем, что, если наша организация во всех отношениях хорошо выполнила свою работу, и мы верим, что это так, самое меньшее, что следует сделать, это то,

чтобы почестей был удостоен ее глава, подобно тому, как почести достались офицерам командного состава аналогичных частей, особенно других родов войск».

Сэр Артур Харрис действительно получил титул баронета в 1953 году; однако в своих заключительных исследованиях великих достижений командования бомбардировочной авиации официальные историки в записях 1961 года давали такой комментарий:

«Естественно, масштаб наступательных операций варьировался, так же как и опасности, с которыми сталкивались экипажи, но при этом всегда оставалась общая линия фронта. Регулярно, а иногда несколько раз в течение недели главнокомандующий практически контролировал действия почти по всей своей линии фронта, вплоть до незначительных боев, а время от времени контролировал и почти весь резерв. Каждый раз ему приходилось идти на просчитанный риск не только ввиду ПВО противника, но и из-за капризов погоды. Каждый раз он мог оказаться ввергнутым в непоправимую катастрофу. Стойкость и мужество, решительность и уверенность сэра Артура Харриса, на котором более трех лет лежал груз большой ответственности, заслуживают того, чтобы чтили его память. Заслуживает этого и его заместитель, сэр Роберт Сондби, который разделял эту ответственность с ним и его предшественниками в течение почти пяти лет».

Менее чем через год после окончания войны, вместе со своими подчиненными из бывшего командования, которые тоже не только не были удостоены национального мемориала, но и не получили медаль за участие в военной кампании, за свое участие в самой кровавой и затяжной битве в войне, он объявил о своем решении покинуть Соединенное Королевство и получить назначение в коммерческую структуру в Южной Африке, где провел большую часть своей юности.

13 февраля 1946 года бывший главком бомбардировочного командования Королевских ВВС отправился теплоходом из Саутгемптона на первом этапе своего путешествия. В ту ночь по всей

Восточной и Центральной Германии в 22.10 начали звонить церковные колокола. Двадцать минут колокола звонили по территориям, теперь оккупированным столь же безжалостной силой, как и та, которая развязала бомбовые атаки, направленные на разрушение. Была первая годовщина крупнейшей, единственной в своем роде бойни в европейской истории, бойни, совершенной для того, чтобы поставить на колени людей, которые, испорченные нацизмом, совершили величайшие в письменной истории преступления против человечества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Отчет начальника полиции Касселя об авианалете на Кассель 22.10.1943 г

Советник по вопросам патологии армейского округа IX, ГИССЕН, 1 ноября 1943 года

Главврачу корпуса,
штаб-квартира вспомогательного корпуса IX,
армейский округ IX,
КАССЕЛЬ

ОТЧЕТ О ПАТОЛОГОАНАТОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ, ПРОВЕДЕННЫХ В КАССЕЛЕ 30.10.1943 г.

Тела были отобраны в Касселе главным врачом полицейского управления, ведущим специалистом господином Фемелем. Вскрытия пяти из них были произведены на кладбище. Означенные тела погибших во время террористического налета на Кассель 22.10.1943 года были извлечены из подвальных этажей спустя несколько дней. Более точные подробности неизвестны. Два тела принадлежат мужчинам в возрасте 18–20 лет; три остальных — женщинам, приблизительный возраст одной из которых — от 50 до 60 лет, а каждой из двух других было примерно по 30 лет.

На телах, которые были в состоянии высокой степени разложения, не видно внешних повреждений. Так называемая трупная эмфизема, вызванная септическими бактериями, в той или иной степени поразила кожу, особенно головы, груди и нижних конечностей, так же как и внутренние органы каждого из тел. Кожа частью приобрела однородно красный цвет в результате начавшегося распада элементов крови, но в значительной области она уже стала зеленого цвета. Зеленый цвет объясняется воздействием сульфида аммония при пониженном гемоглобине. Он, конечно, проник в кожу в результате предшествовавшего этому гемолиза.

Этот зеленый цвет, анализу которого было уделено особое внимание на конференции в Касселе, сам по себе является характерным проявлением посмертного состояния тела и не может

быть связан с воздействием каких-либо специфических отравляющих веществ, которые могли бы быть применены противником во время террористического налета.

Во время патологоанатомических исследований не было никаких других оснований подозревать, что противником применены какие-либо специальные отравляющие вещества, в том числе воздействующие на дыхательную систему. Легкие жертв были заметно вздутыми с незначительным отеком. Кровь в телах все еще оставалась жидкой; имелись небольшие сгустки жира в сердце. Образец крови, взятой у одной из жертв и подвергнутый анализу доктором Вреде из химической лаборатории Гессена как под спектроскопом, так и при химическом анализе, показал высокое содержание угарного газа. Информацию об этом я получил, связавшись с ним по телефону. Таким образом, наступление смерти в данном случае, так же как, по всей вероятности, и во всех прочих, можно объяснить отравлением угарным газом. Хотелось бы отметить, что в одном случае наблюдался явный разрыв легких, которому сопутствовало незначительное кровоизлияние в плевральные полости. Вероятно, упомянутый разрыв произошел из-за воздействия волны низкого давления, возникшей вслед за мощным взрывом.

Вышеупомянутое отравление угарным газом может быть объяснено образованием его в результате возгорания зданий, подожженных многочисленными фосфорными бомбами.[3] В иных случаях сыграли роль недостаток кислорода, воздействие жара и, пожалуй, также вдыхание дыма. Так называемый тепловой удар также, должно быть, стал причиной смерти во многих случаях, принимая во внимание чудовищную температуру, до которой нагрелся воздух в подвалах и которая была отмечена даже тогда, когда в них вошли 30.10.1943 года.

В заключение позволю себе привести пример того, что произошло с 60-летним майором моей собственной воинской части. Вскрытие его тела было произведено 30 октября в Херсфельде. Этот майор нашел смерть в подвальном помещении этого дома в Касселе, когда его голову зажало балками перекрытия. На части кожи головы видны обширные ожоги и, более того, начинающееся сильное поверхностное омертвение и образование струпа на слизистой оболочке дыхательного горла и его ответвлений, сопровождающееся пневмонией. Без

сомнения, некроз и струп были следствием воздействия жара. Наконец, уместно было бы упомянуть случай пожарного, о котором профессор Фурстер (Марбург) сообщал главному врачу, ведущему специалисту полицейского управления господину Фемелю и который положил начало исследованиям и конференциям 30 октября. После того как попытка связаться с господином профессором Фурстером в субботу не удалась, у меня сегодня состоялся с ним разговор по телефону из Гессена. Профессор Фурстер сообщил мне, что, по его мнению, пожарный умер не от отравления акролеином, а от вдыхания обжигающего воздуха, что привело к наблюдающимся изменениям в легких. В случае с этим человеком не было обнаружено зеленой окраски кожи. Так что этот случай не представляет более интереса.

В заключение я повторяю, что зеленый цвет тел жертв в Касселе оказался просто посмертным проявлением и не было найдено никаких других оснований подозревать, что противником было применено специальное отравляющее вещество.

Профессор медицины ГЕРЦОГ,
ведущий специалист, советник по патологии
армейского округа IX.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Зависимость числа убитых и оставшихся без крова от тоннажа бомбового груза; и оценки, вытекающие из теорий Линдемана и Блэкетта

1. Теории

а) Теория профессора Блэкетта, изложенная в его «Заметках о некоторых аспектах методологии исследования операций; примеры бомбардировок», утверждала: «нам следует ожидать гибели 0,2 [немца] на тонну сброшенных бомб».

б) Оценка профессора Линдемана была изложена в его послании от 30 марта 1942 года премьер-министру и звучала следующим образом: «Одна тонна бомб, сброшенных на зону застройки, оставит без крова от 100 до 200 человек».

2. **Налеты**

Семь крупных налетов или серий налетов, рассматриваемых в книге и относительно которых есть точные данные о бомбовом грузе, который, как утверждалось, был сброшен (оперативная статистика), так же как о числе убитых и оставшихся без крова, можно найти в приведенной ниже таблице. Цифры приводятся по отчетам начальника полиции и результатам изучения стратегических бомбардировок Соединенных Штатов. Для Дрездена число оставшихся без крыши над головой не имеет большого значения, поскольку в дополнение к его обычному числу населения в 650 тысяч человек добавилось от 300–400 тысяч «бездомных» беженцев. 75 358 домов были полностью разрушены и 11 500 сильно повреждены.

3. **Статистика и оценки**

Дата	Город	Заявленный тоннаж	Число оставшихся без крова	Оценка Линдемана	Количество убитых	Оценка Блэкетта
28.3.42	Любек	441	25 000	(60 000)	320	(88)
28.5.43	Вуппер-таль-Бармен	1 895,3	118 000	(285 000)	2450	(380)
24.7.43 27.7.43 29.7.43	Гамбург	2282 2074 2240	753 000	(975 000)	43 000 +	(1320)
22.10.43	Кассель	1 823,7	150 000	(270 000)	5830	(360)
11.9.44	Дармштадт	872	70 000	(130 000)	12 300	(175)
14.10.44	Брунсвик	847	80 000	(123 000)	561	(170)
13.2.45	Дрезден	2978	400 000 –	(450 000)	135 000	(600)

4. Замечания

В среднем оценка Блэкетта была в 51 раз занижена; оценка Линдемана — в 1,4 раза завышена, если берется средняя цифра между «100 и 200 лишившихся жилья»; почти в каждом случае фактическое число оставшихся без крова находится в установленных им пределах, обозначенных в его документе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Результаты изучения причиненных бомбардировкой повреждений в Дрездене, проведенного управлением городского планирования 11 ноября 1945 года, по районам

	Трахау	Вайссер-Хирш	Котта	Центр города	Блазе-виц	Плауен	Лейбен
Включая районы города	13, 14, 15, 16	17, 18, 19	7, 8, 9 10	1, 2, 5, 6	3, 4, 21, 26	11, 12	20, 22 23, 24, 25
Городская администрация	I	II	III	IV	V	VI	VIII

	Трахау	Вайссер Хирш	Котта	Центр города	Блаза-виц	Плауен	Лейбен	Всего
ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ:								
Первоначально	5382	5579	4343	3420	6325	4666	5755	35 470
Полностью разрушено	267	802	1228	3308	3700	954	857	11 116
Значительно повреждено	277	220	320	16	371	625	173	2002
Получили умеренные повреждения	251	104	621	28	363	100	143	1610
Получили легкие повреждения	1631	3011	819	68	1891	1516	4385	13 211
ЖИЛИЩА:								
Первоначально	30 157	27 800	39 087	28 410	51 000	22 800	20 746	220 000
Полностью разрушено	2940	4491	9000	24 866	25 000	5930	3131	75 358
Получили серьезные повреждения	1106	1232	3000	242	2000	3650	270	11 500
Получили умеренные повреждения	1263	582	2200	428	1200	790	643	7106
Получили легкие повреждения	6524	16 862	11 700	420	22 000	8210	15 220	80 936

Приведенные цифры частично получены в результате детального изучения, частично путем тщательных подсчетов.

---

notes

Примечания

1

Хотя официальная историческая наука в США обращается к этому шведскому источнику, фактическое число жертв, возможно, было ниже; по записям журнала боевых действий германского Верховного командования, было убито менее тысячи человек.

2

Город был освещен ярко как днем уже первыми огнями «Ланкастеров» — осветителей, и, как и большинство коренных дрезденцев, юноша даже не догадывался, что могли значить эти огни.

3

Немцы привыкли называть «фосфорными» практически все зажигательные бомбы.